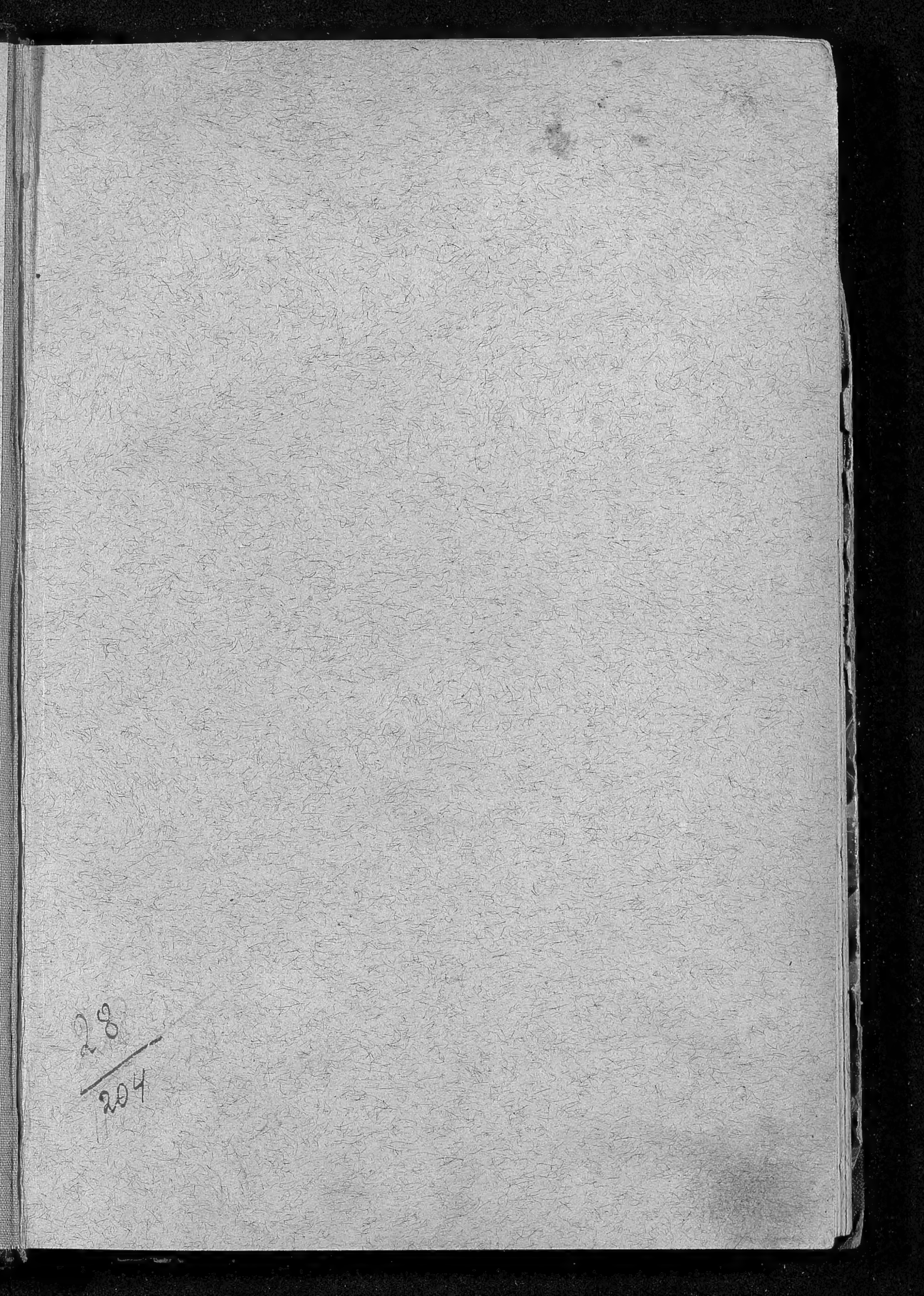

К89
238

28
204

В. А. Богородицкій,
заслуж. орд. проф. Императорскаго Казанскаго Университета.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ДІАЛЕКТОЛОГІИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

(Дополненіе ко 2-му изд. „Общаго курса русской грамматики").

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета
1910

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ А. Александровъ.

Предисловіе.

Предлагаемый трудъ предназначался мною для третьяго изданія моего Общаго курса русской грамматики, но такъ какъ по недостатку времени я не переработалъ остальнаго текста, то и рѣшилъ издать настоящія главы особо въ качествѣ дополненія къ названной книгѣ, такъ какъ трактуемые въ нихъ вопросы имѣютъ довольно самостоятельное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важное научное значеніе. Не смотря на сложность содержанія настоящаго дополнительнаго выпуска, я старался и здѣсь научность соединить съ возможною доступностью изложенія. На-сколько это удалось мнѣ, предоставляю на судъ читателямъ и критикѣ. Въ заключеніе позволяю себѣ выразить благодарность М. И. Бергъ за существенную помощь въ моемъ трудѣ—какъ въ настоящемъ дополненіи, такъ и въ предшествующей части.

Авторъ.

30 апр. 1910 г.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Вмѣсто*	*Должно читать*
281^{1}	согласныхъ	мягкихъ согласныхъ
288_{8}	какъ *e*,	какъ *e*
300^{14}	идете ‖ идете	идете ‖ идите
302_{9}	страницахъ	страницахъ рядъ
304^{14}	гласныхъ	главныхъ
315_{9}	Въ	Съ
316^{16}	д у́ м ц і	д у́ м ц і
322—323	основаніемъ или праязыкомъ для	основанієм ъ для языка
329_{8}	плавн й	плавный
332^{1}	оказывается	оказываются
343_{8}	swieca	świeca
367^{1}	падежныхъ	надежныхъ

Глава XIV.

Очеркъ діалектологіи современнаго русскаго языка.

До сихъ поръ мы изучали грамматическій строй современнаго литературнаго русскаго языка, но—какъ мы уже объясняли во введеніи къ своему труду—въ предметъ научно-грамматическаго изученія языка входитъ также знакомство съ особенностями простонародныхъ говоровъ этого языка, а потому мы и обратимся къ обзору нарѣчій и говоровъ простонароднаго русскаго языка.

Прежде всего мы постараемся уяснить себѣ самый процессъ, ведущій къ діалектическому дробленію языка, т. е. къ распаденію его на нарѣчія, нарѣчій на поднарѣчія, а этихъ послѣднихъ на болѣе мелкія группы — говоры; при этомъ наиболѣе мелкой діалектической единицей должны считаться говоры отдѣльныхъ селеній, деревень и т. п. [1]) Съ точки зрѣнія развитія языка, всѣ эти діалектическія особенности возникли лишь постепенно изъ первоначальныхъ незначительныхъ различій, которыя, увеличиваясь съ теченіемъ времени, дали начало главнымъ нарѣчіямъ; въ свою очередь въ этихъ послѣднихъ аналогичнымъ образомъ выступили новыя, болѣе частныя различія, послужившія основаніемъ для под-

---

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что и эти послѣдніе не представляются совершенно однородными, такъ какъ состоятъ изъ не вполнѣ идентичныхъ говоровъ индивидуумовъ различнаго возраста, пола, развитія и т. д.

нарѣчій; говоры же являются уже наиболѣе поздними продуктами діалектическаго развитія языка. Факторы, обусловливающіе діалектическое дробленіе или дифференціацію языка, весьма разнообразны, вслѣдствіе чего мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь главнѣйшихъ изъ нихъ. Выше, въ главѣ третьей, мы разъяснили, что языкъ съ теченіемъ времени необходимо долженъ видоизмѣняться благодаря фактору *смѣны генерацій*. Но одно это обстоятельство еще не можетъ объяснить возникновенія нарѣчій или говоровъ въ языкѣ, ибо если бы говорящіе извѣстнымъ языкомъ могли всегда составлять одно тѣсно сплоченное небольшое цѣлое, то ихъ говоръ хотя и измѣнялся бы, но равномѣрно во всѣхъ частяхъ населенія, и слѣдовательно не распался бы на діалектическія различія. Возникновеніе послѣднихъ очевидно обусловливается еще другими моментами, именно: 1) разселеніемъ, 2) сосѣдствомъ съ другими говорами или языками, 3) смѣшеніемъ племеннымъ, 4) политическими и нѣкоторыми другими условіями.

1) Умноженіе населенія и экономическія условія заставляли нѣкоторую часть однороднаго населенія отдѣляться и избирать другое мѣсто жительства. При этомъ тѣ незначительныя варіаціи языка, которыя нивеллировались раньше при совмѣстной жизни населенія, теперь, съ разъединеніемъ его, могли получать свое особое развитіе. Вполнѣ понятно, что чѣмъ болѣе разъединенія между тою и другою частью населенія и чѣмъ труднѣе сообщеніе между ними, тѣмъ условія благопріятнѣе для діалектическаго распаденія языка, а чѣмъ больше соприкосновеній, тѣмъ больше будетъ сохраняться одинаковыхъ родственныхъ чертъ въ ихъ говорахъ.

2) Затѣмъ, діалектическому развѣтвленію языка способствуетъ то обстоятельство, что къ моменту разъединенія присоединяется новый, большой важности, факторъ сосѣдства уже съ другими говорами или языками, отличными отъ діалектовъ, съ которыми то же населеніе соприкасалось раньше. Понятно, что сосѣдство, ведущее вообще къ взаимодѣйствію говоровъ

(т. е. извѣстный говоръ, вліяя нѣкоторыми чертами на сосѣдній, въ свою очередь испытываетъ вліяніе со стороны послѣдняго), теперь будетъ вызывать въ данномъ говорѣ уже другія видоизмѣненія, чѣмъ тѣ, какія онъ испытывалъ при прежнемъ сосѣдствѣ. Такъ, напр., въ Сибири русскіе поселенцы нижняго теченія Енисея усвоили у сосѣдей-остяковъ произношеніе *с* и *з* вм. *ш* и *ж* и говорятъ п*о*с*о*л вм. по*ш*ол, *з*арко вм. *ж*арко и т. п. [1])

3) Иногда происходитъ смѣшеніе племенъ какъ родственныхъ, такъ и чуждыхъ между собою, при чемъ одни племена ассимилируются по языку другимъ. Въ этомъ случаѣ говоръ, получающійся въ результатѣ, будетъ однакожъ содержать нѣкоторыя особенности, пріобрѣтенные имъ отъ поглощеннаго племени. Такъ, напр., русскій языкъ при своемъ распространеніи на сѣверо-востокъ въ область финскихъ племенъ вытѣснилъ діалекты послѣднихъ, воспринявъ однако въ себя нѣкоторые ихъ элементы, свидѣтельствующіе и теперь о поглощенной финской подпочвѣ. [2])

4) На ходъ діалектическаго развитія языка могутъ вліять также и политическія условія, ведущія къ соединенію нѣкоторыхъ племенъ въ одно государственное цѣлое, или же, напротивъ, къ разъединенію близко-родственныхъ по языку племенъ. Это происходитъ отъ того, что общая политическая

[1]) Въ случаѣ позднѣйшихъ переселеній сосѣдство могло еще и не оказать замѣтнаго вліянія на говоры пришедшихъ въ соприкосновеніе пришлаго и кореннаго населенія; благодаря этому, по степени взаимодѣйствія тѣхъ и другихъ говоровъ можно отчасти судить о давности переселенія; такъ, слѣдуетъ думать, что еще не сгладившаяся пестрота окающихъ и акающихъ говоровъ Нижегородской и нѣкоторыхъ другихъ приволжскихъ губерній указываетъ на сравнительно позднюю колонизацію.

[2]) Такое вытѣсненіе можетъ быть и между родственными племенами. Въ примѣръ можно указать на малоруссовъ (около 2000 человѣкъ) въ бывшихъ имѣніяхъ гр. Разумовскаго въ Лукояновскомъ у. Нижегородской губ., говоръ которыхъ почти совсѣмъ уже ассимилировался съ мѣстнымъ великорусскимъ нарѣчіемъ.

жизнь приводитъ соединившіяся племена къ общенію между собою, а это послѣднее, какъ мы знаемъ, влечетъ за собою нѣкоторое уравниваніе говоровъ (срв. съ одной стороны объединеніе разныхъ племенъ московскимъ княжествомъ и съ другой подчиненіе юго-западныхъ русскихъ областей литовскимъ, впослѣдствіи польско-литовскимъ, государствомъ). Кромѣ политическихъ условій на діалектическое разнообразіе языка вліяютъ также различныя географическія и соціально-экономическія условія. Здѣсь можно указать на значеніе рѣкъ и рѣчныхъ бассейновъ, [1]) на различія языка въ отдѣльныхъ классахъ населенія, вліяніе школы и грамотности и т. п.

Какъ мы уже говорили (см. сноску на стр. 2) русскій языкъ прежде всего распадается на двѣ главныя вѣтви: языкъ *великорусскій*, господствующій въ сѣверной и средней части Европейской Россіи, и *малорусскій*, простирающійся къ югу отъ него; великорусскій языкъ подраздѣляется на нарѣчія *сѣверно-великорусское* и *южно-великорусское*, изъ которыхъ послѣднее въ своей западной части образуетъ особую вѣтвь— *бѣлорусскаго* нарѣчія. [2])

[1]) Вообще рѣки, служа удобными путями при колонизаціи, въ то же время могутъ составлять естественную границу говоровъ, изъ которыхъ одинъ распространяется по одному берегу, а другой по другому, что случалось въ особенности при невозможности удобной переправы черезъ широкія рѣки; такъ, напр., неодинаковъ говоръ Муромскаго у. Владимірской губ. по правому и лѣвому берегу Оки, также говоръ Ярославскаго у. по ту и другую сторону Волги. Затѣмъ, такую же раздѣлительную роль играютъ волоки и водораздѣлы; такъ напр. въ Олонецкой губ. волокъ, отдѣляющій бассейнъ Онежскаго озера и рѣки Онеги, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ раздѣльною чертою говоровъ по ту и по другую отъ него стороны, а въ свою очередь водораздѣлъ между рѣками Онегою и Сѣв. Двиною также представляетъ собою естественную границу двухъ діалектическихъ различій. Укажемъ еще на значеніе лѣсовъ, придающихъ мѣстности глухой замкнутый характеръ; срв.: московское аканье заразило западные говоры Костромской губ., тогда какъ лѣсныя пространства восточныхъ ея уѣздовъ остались свободными отъ вторженія этого явленія.

[2]) Нерѣдко въ грамматическихъ сочиненіяхъ нарѣчіе бѣлорусское называется языкомъ; по этому поводу мы должны вообще замѣтить, что каж-

Нарѣчіе *сѣверно-великорусское* слышится въ сѣверо-восточномъ углу Псковской губерніи (въ Порховскомъ уѣздѣ), затѣмъ въ губерніяхъ Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Владимірской (кромѣ самой южной ея части), Вятской и Пермской; кромѣ того, оно слышится отчасти въ губерніяхъ средняго и нижняго Поволжья, а также въ Пріуральѣ и Сибири. Занимая такимъ образомъ сѣверную часть Россіи, это нарѣчіе на сѣверо-западѣ соприкасается съ языками финскими, на западѣ отчасти съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, на югѣ съ южно-великорусскимъ, на востокѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми финскими и татарскими языками. Главныя особенности этого нарѣчія слѣдующія:

1) *оканье*, т. е. произношеніе гласнаго *о* на мѣстѣ ороографическаго начертанія *о* въ различныхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. в*о*да, скор*о* и т. п.;

2) *ёканье*, т. е. произношеніе ороѳ. *е* какъ *ё* при слѣдующемъ твердомъ согласномъ не только при удареніи, но и въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. н'*о*су́;

3) произношеніе ороѳ. *я* какъ *е*, а ороѳ. *ѣ*—какъ *и*, преимущественно при удареніи и слѣдующемъ мягкомъ согласномъ, напр. п*е*ть (=ороѳ. пять), нед*и*ля (=ороѳ. нед*ѣ*ля);

4) *цоканье* и *чаканье* т. е. произношеніе *ц* вм. *ч* и наоборотъ, напр. *ч*арь, до*ц*ь;

5) болѣе или менѣе сильное и отчетливое произношеніе всѣхъ неударяемыхъ слоговъ;

6) нѣкоторыя морфологическія особенности, какъ напр. окончанія *-ой* и *-ей* въ И. ед. прил. муж. рода не только при удареніи, но и въ случаѣ неударенности ихъ, напр. добр*о́й*, трет*ей*, или окончаніе *-яе* (ороѳ. -ѣе) въ сравнит. степени прилагательныхъ и нарѣчій, напр. тепл*я́е*, и др.

дое нарѣчіе, разсматриваемое не по отношенію къ другимъ нарѣчіямъ того же языка, а въ отдѣльности, можетъ быть называемо языкомъ.

7) нѣкоторыя синтаксическія особенности.

Южно-великорусское нарѣчіе занимаетъ губерніи по бассейну верхней и средней Оки, т. е. губерніи Орловскую, Калужскую, Тульскую, простираясь на значительную часть Московской и Тверской губерніи, а также часть Смоленской, и захватывая къ югу почти всю Курскую губернію, сѣверную половину Воронежской и бо̀льшую часть земли Войска Донскаго. Кромѣ того, южно-великорусское нарѣчіе слышится въ среднемъ и нижнемъ Поволожьѣ рядомъ или же въ смѣшеніи съ сѣверно-великорусскимъ. На западѣ это нарѣчіе переходитъ въ близко-родственное ему бѣлорусское, на югѣ соприкасается съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Главныя особенности южно-великорусскаго нарѣчія:

1) *аканье*, т. е. произношеніе неударяемаго орѳ. *о* въ видѣ *а*, напр. в*а*да́;

2) произношеніе неударяемаго орѳографическаго *е* въ нѣкоторыхъ говорахъ какъ *я*, въ другихъ какъ *и*, а въ иныхъ какъ *я* чередующееся съ *и*, напр.: нясу—нясёшь, н*и*су—н*и*сешь, нясу—н*и*сётъ;

3) придувное произношеніе *г*, напр. *γ*ара́, сапо́*х*;

4) переходъ *в* въ очень краткое полугласное ў (w) въ положеніи передъ согласнымъ и на концѣ словъ, напр. wнук, слоw и т. п. [1])

5) нѣкоторыя морфологическія особенности, напр. окончаніе *-γо́*, а безъ ударенія *-γă* въ Р. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій, или окончаніе *-тъ* въ 3 ед. и мн. наст. вр. глаголовъ, напр. идё*тъ*, иду*тъ*, и др.

Примѣчаніе. Русскій литературный языкъ, въ основу котораго легъ московскій говоръ, представляетъ частію черты сѣверно-великорусскаго нарѣчія (взрывное произношеніе *г*, окончаніе *-во́* или *-вă* въ Р. ед. муж. и ср.

---

[1]) Знакомъ *w* мы обозначаемъ полугласный ў, т. е. очень краткій гласный, приближающійся къ *в*.

прилагательныхъ и мѣстоименій, *-тъ* въ 3 ед. и мн. глаголовъ), частію же южно-великорусскаго (аканье, произношеніе неударяемаго *е* преимущественно близко къ *и*, окончаніе *-ѣе* въ сравн. степени).

Бѣлорусское нарѣчіе, слышится въ губерніяхъ Гродненской, въ части Сувалкской, въ Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, западной части Смоленской и въ небольшомъ сѣв.-западномъ углу Черниговской. [1]) По сѣверо-западной своей границѣ бѣлорусское нарѣчіе сосѣдитъ съ языками латышскимъ, литовскимъ и польскимъ, по сѣверо-восточной—съ великорусскимъ, преимущественно южно-великорусскимъ, на югѣ-востокѣ и югѣ—съ малорусскимъ, доходя здѣсь до нижняго теченія Припяти. Составляя часть южно-великорусскаго, бѣлорусское нарѣчіе представляетъ слѣдующія особенныя черты по сравненію съ этимъ послѣднимъ:

1) *дзеканье* и *цеканье*, т. е. произношеніе д͡з' и ц' на мѣстѣ мягкихъ д' и т', напр. *дз*ень, *ц*ихо;

2) твердое *р* вм. мягкаго, напр. бя*р*оза;

3) удвоеніе мягкихъ согласныхъ, пришедшихъ въ сочетаніе съ j, напр. вясе*лле*;

4) полугласный *w* не только вмѣсто *в*, какъ въ ю.-влр., но еще и вмѣсто *л* въ тѣхъ же условіяхъ, напр. быw и т. п.;

5) нѣкоторыя морфологическія особенности, напр. ра*цѣ* („рѣкѣ"), молод*ый*, п*ій*.

Малорусское нарѣчіе лежитъ къ югу отъ бѣлорусскаго и южно-великорусскаго, простираясь далеко на западъ отъ средняго и нижняго теченія Днѣпра (переходя далѣе уже въ предѣлы Австро-Венгріи—въ Галицію и Буковину) и на востокъ отъ средняго теченія той же рѣки. Такимъ образомъ, малорус-

---

[1]) Такимъ образомъ, бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ область верхняго теченія рѣкъ—Днѣпра, З. Двины и Нѣмана, при чемъ самыя верховья первыхъ двухъ рѣкъ заняты уже великоруссами, верхнее же теченіе Нѣмана полностью принадлежитъ бѣлоруссамъ.

ская языковая область къ западу отъ Днѣпра занимаетъ губерніи Кіевскую, Херсонскую, Волынскую, Подольскую и часть Бессарабской, затѣмъ—южную часть Гродненской и часть Сѣдлецкой и Люблинской губерній, а къ востоку отъ Днѣпра—южную половину Черниговской, южную полосу Курской, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, южную часть Воронежской, небольшую часть земли Войска Донскаго (въ низовьяхъ Дона) и Кубанскую область на Кавказѣ. Кромѣ того, болѣе или менѣе значительныя малорусскія колоніи находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губерніяхъ, особенно въ Саратовской, Самарской и Астраханской. Главныя особенности малорусскаго нарѣчія слѣдующія:

1) русскому орѳографическому *ѣ* соотвѣтствуетъ *і* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго, напр. д'іло („дѣло");

2) русскимъ постояннымъ (не-бѣглымъ) *о* и *е* во вторично-закрытыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ *і*, какъ конечная стадія развитія, напр. нíс („носъ") и н'íс („несъ");

3) русскимъ орѳографическимъ *ы* и *и* соотвѣтствуетъ одинъ и тотъ же звукъ, именно—узкое *ы* или—точнѣе—гласный средній между *ы* и *и*, напр. быw=1) былъ и 2) билъ;

4) при произношеніи слоговъ съ гласными *е* и *ы* предшествующій согласный выговаривается твердо, напр. *не*су, быw;

5) отличное отъ великорусскаго антропофоническое строеніе словъ;

6) полное оканье, даже съ наклономъ въ сторону *у* въ слогахъ передъ удареніемъ;

7) произношеніе на мѣстѣ *г* придувнаго задне-язычнаго согласнаго *γ*;

8) рус. лрн. *в* отражается въ извѣстныхъ условіяхъ въ видѣ w, т. е. подобно южно-великорусскому и бѣлорусскому; кромѣ того, конечное -*л* въ ед. ч. прош. вр. муж. замѣнилось, какъ и въ бѣлорусскомъ, этимъ же звукомъ (*w*);

9) переходъ сочетаній согласныхъ съ j въ усиленные согласные, т. е. подобно бѣлорусскому;

10) окончаніе *-ий* (въ И. ед. прилагательныхъ) съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ=рус. литерат. *-óй*, напр. сліпий „слѣпой" (срв. бѣлор.);

11) окончаніе Р. ед. *-γо* въ прилагательныхъ муж. и ср. рода;

12) образованіе будущаго времени въ глаголахъ съ помощью *-иму*, напр. ходитиму.

Представленная нами общая характеристика нарѣчій русскаго языка была бы однако не полной, если бы мы не указали на существованіе *переходныхъ* говоровъ между этими нарѣчіями. Такіе переходные говоры слышатся въ мѣстностяхъ, лежащихъ между областями сосѣднихъ нарѣчій и представляютъ сочетаніе чертъ того и другаго нарѣчія. Такъ, существуютъ пограничныя области съ переходнымъ говоромъ между нарѣчіями сѣверно- и южно-великорусскимъ, бѣлорусскимъ и южно-великорусскимъ, бѣлорусскимъ и сѣверновеликорусскимъ, бѣлорусскимъ и малорусскимъ и, наконецъ, между малорусскимъ и южно-великорусскимъ. Въ дальнѣйшемъ болѣе детальномъ разсмотрѣніи нарѣчій русскаго языка намъ придется касаться и особенностей этихъ переходныхъ говоровъ, иногда представляющихъ большую трудность для отнесенія даннаго говора къ тому или же другому нарѣчію, тѣмъ болѣе, что и тѣ характерные признаки отдѣльныхъ нарѣчій, которые указаны нами выше, не являются неподвижными и постоянными, но представляютъ цѣлый рядъ варіацій и переходныхъ ступеней, такъ или иначе размѣщающихся на территоріи даннаго нарѣчія. Къ описанію нарѣчій въ разнообразіи ихъ говоровъ мы и приступимъ теперь, чтобы дать читателю болѣе конкретное понятіе о діалектической сложности современнаго народнаго русскаго языка. При этомъ мы будемъ придерживаться того порядка, въ которомъ выше были указаны главныя діалектическія особенности русскихъ нарѣчій.

I. Сѣверно-великорусское нарѣчіе.

1) *Оканье.* Это явленіе можетъ быть полнымъ, когда основной гласный *о* удерживаетъ свое качество во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Такое произношеніе имѣется въ губерніяхъ Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской, и въ сѣверной бо́льшей половинѣ Вятской губерніи. Кромѣ такого полнаго оканья, встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и неполное, когда въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ въ словѣ гласный *о* успѣлъ перемѣниться въ *а* или даже и дальше—въ гласный близкій къ *ы* (ъ). Соотвѣтственно этому имѣемъ три главныя варіаціи неполнаго оканья:

а) гласный *о* сохраняетъ свое качество во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ кромѣ слога втораго передъ ударенiемъ. Такое произношеніе можно отмѣтить въ Ярославской губ., срв.: *харошо́*, *по́дь-ко*, *до́брой*, отсу́дова, шу́бочку и т. п. [1])

б) гласный *о* сохраняетъ свое качество лишь въ первомъ предъударенномъ слогѣ, тогда какъ въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ измѣнился въ *а*, срв. *до́брава*, *прокислай*. Такое произношеніе извѣстно въ губерніяхъ Владимірской и Нижегородской.

в) гласный *о* сохраняется тоже только въ слогѣ первомъ передъ ударенiемъ, но при этомъ имѣетъ уже болѣе открытый характеръ; [2]) въ то же время неударяемое *о* отражается въ видѣ *а* только на концѣ слова, въ прочихъ же неударяемыхъ положеніяхъ, т. е. во второмъ слогѣ передъ ударенiемъ и особенно послѣ ударенія внутри слова, равно какъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, является гласный болѣе или менѣе

---

[1]) См. А. Тихвинскій Особенности говора Ярославскаго уѣзда по правую сторону р. Волги, Р. Ф. В. 1890 № 3 (т. XXIV).

[2]) Въ виду этого, мы можемъ назвать этотъ типъ оканья «слабымъ» въ отличіе отъ предъидущихъ типовъ.

близкій къ *ы*. Примѣры: вода́, бысика́ми, пу́ста (=оро. пусто) убитыва, ря́дымъ. [1]) Такіе говоры, по отраженію *о* довольно близко стоящіе къ литературному произношенію, слышатся напр. въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской [2]) и смежныхъ частяхъ Вятской и въ Симбирской (въ бассейнѣ рѣки Суры).

Примѣчаніе. Нужно еще отмѣтить на территоріи сѣверно-великорусскаго или окающаго нарѣчія присутствіе говоровъ съ московскимъ аканьемъ, т. е. такихъ, гдѣ на мѣстѣ оро. *о* произносится *а* даже въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ. Такіе говоры встрѣчаются напр. во Владимірской и западной (не-лѣсной) части Костромской губ., именно въ тѣхъ ихъ селеніяхъ, жители которыхъ занимаются отхожими промыслами. [3]) Слѣдуетъ думать, что упомянутое аканье этихъ говоровъ не представляетъ самостоятельнаго развитія изъ оканья, но заимствовано чрезъ подражаніе московскому нарѣчію.

Такимъ образомъ постояннымъ признакомъ оканья для всей области сѣверно-великорусскаго нарѣчія можетъ считаться непремѣнное сохраненіе *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ. Однако при этомъ необходимо различать оттѣнки этого гласнаго въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ, въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ гласный *о* имѣетъ, какъ мы указывали, болѣе открытый характеръ; въ отличіе отъ этого, ярославское *о* разными изслѣдователями согласно признается особенно яснымъ и звучнымъ, т. е. не склоннымъ ни въ сторону *а*, ни въ сторону *у*; напротивъ того, въ другихъ мѣ-

[1]) Примѣры взяты изъ говора дер. Бѣлой, Казанской губ.

[2]) См. мой Курсъ грам. рус. яз. Ч. 1-ая: Фонетика (1887), стр. 211—213 и также статью подъ заглавіемъ «Изслѣдованіе говора дер. Бѣлой Казанской губ.» въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1895 г. (май-іюнь) и 1896 г. (апрѣль) и отдѣльнымъ оттискомъ.

[3]) Таково напр. село Борисовское (на большой дорогѣ между Владиміромъ и Суздалемъ), населенное каменьщиками, природными владимірцами, говорящими однако по-московски; въ Костромской губ. аканьемъ заражаются даже и тѣ, мѣстами, селенія, жители которыхъ не находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскаго говора (Колосовъ Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія, 1877 г., стр 286—287).

стностяхъ *о* въ неударяемыхъ положеніяхъ имѣетъ болѣе закрытый характеръ („низкое“ или „глубокое“ оканье), и иногда настолько закрытый (какъ напр. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской губерніи), что ухо изслѣдователя, не привыкшее къ такому произношенію, воспринимаетъ этотъ гласный какъ бы въ видѣ *уо*. [1]) Въ дѣйствительности тутъ можетъ и не быть дифтонга, а только болѣе или менѣе закрытое *о*, предполагаемая же дифтонгичность можетъ зависѣть отъ того, что въ природномъ говорѣ изслѣдователя въ этомъ случаѣ имѣется болѣе открытое произношеніе гласнаго *о*. [2]) Прибавимъ еще, что иногда изслѣдователи склонны говорить о низкомъ характерѣ вокализма по спорадическимъ случаямъ замѣны неударяемаго *о* черезъ *у*, объясняющимся однакожъ вліяніемъ аналогіи, гармоническимъ уподобленіемъ гласныхъ и т. п.; такъ, единичные примѣры говора Тверскаго уѣзда—*у*топрѝ, с па́лк*у*й, з досад*у*й не даютъ еще права для вывода объ очень закрытомъ произношеніи *о*, такъ какъ въ первомъ примѣрѣ можно усмотрѣть подстановку другаго близкаго по звуку префикса, именно *у*-, а два послѣдніе примѣра могли получить свое *у* отъ Вин. ед. [3])

Мнѣ осталось еще замѣтить, что и въ говорахъ съ полнымъ оканьемъ гласный *о*, хотя и сохраняется во всѣхъ не-

---

[1]) Срв. Колосовъ Замѣтки и пр. стр. 318; Бѣлоруссовъ Н. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губ., въ Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 210 — 211; Брокъ О. Описаніе одного говора въ югозападной части Тотемскаго уѣзда (1907) стр. 46 — 51. Кромѣ того, встрѣчается обозначеніе вятскаго закрытаго *о* черезъ *оу*, напр. *хоуроушо́*, см. Соболевскій А. И. Опытъ русской діалектологіи, Вып. I (1897) стр. 58—59.

[2]) Въ доказательство высказаннаго мнѣнія могу сослаться напр. на французскихъ лингвистовъ, имѣющихъ въ родномъ языкѣ еще болѣе открытое *о* по сравненію съ общерусскимъ ударенномъ *о* и потому воспринимающихъ и транскрибирующихъ этотъ послѣдній гласный въ видѣ ^{w}o, напр. p^{w}oł=полъ и т. п.

[3]) См. мое Изслѣдованіе говора дер. Бѣлой, въ отд. отт. сноску на стр. 17.

ударяемыхъ положеніяхъ, но варіируетъ по степени своей опредѣленности въ болѣе сильныхъ и болѣе слабыхъ положеніяхъ. [1])

2) *Ёканье.* Это явленіе, развивавшееся въ положеніи передъ твердыми согласными, находится въ нѣкоторой связи и соотношеніи съ характеромъ оканья, именно: по наличности и характеру оканья мы можемъ въ извѣстной степени заключать о существованіи и характерѣ ёканья въ неударяемыхъ слогахъ тѣхъ же говоровъ. Соотвѣтственно этому мы имѣемъ нѣсколько степеней или варіацій ёканья. Въ областяхъ съ полнымъ оканьемъ мы можемъ ожидать и полнаго ёканья, т. е. произношенія *е* какъ *ё* въ предъударенной и послѣударенной части слова, если за этимъ гласнымъ слѣдовалъ твердый согласный. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ такое произношеніе въ разсматриваемыхъ говорахъ, напр. в*ё*сло, буд*ё*т и т. д. Особенность представляетъ слогъ второй передъ удареніемъ, гдѣ появленіе ёканья требовало для себя еще нѣкоторыхъ другихъ условій, а именно—предшествующаго мягкаго шипящаго при гласномъ *о* въ слѣдующемъ слогѣ или возможности аналогіи къ другимъ родственнымъ образованіямъ; примѣрами могутъ служить слова: ч*о*ловѣческим, т*ё*сак*á*ми (аналогія къ т*ё*с*á*к).

Примѣчаніе. Что касается тѣхъ случаевъ, гдѣ *е* оканчивало собою слово, то хотя въ этомъ положеніи само по себѣ конечное *е* не измѣнялось въ *ё*, но благодаря тѣсному соприкосновенію съ слѣдующимъ словомъ начинавшимся съ твердаго согласнаго, могло возникать и здѣсь *ё*, послѣ чего оно стало удерживаться и въ случаяхъ отдѣльнаго произнесенія тѣхъ же словъ (срв. сказанное выше на стр. 58—59 объ измѣненіи ударяемаго *е* въ

---

[1]) Именно это соображеніе побуждало меня въ моемъ Курсѣ грамматики русскаго языка, I (1887), въ неударяемомъ вокализмѣ сѣверно-великорусскаго нарѣчія различать тѣ же неударяемыя положенія, какъ и въ общерусскомъ языкѣ (см. стр. 198 сл.).

[2]) См. Колосовъ Замѣтки и пр., стр. 81 и 191, въ записанныхъ имъ сказкахъ. Первый примѣръ принадлежитъ говору Бѣлозерска Новгородской губ., а второй—дер. Есино, Каргопольскаго у., Олонецкой губ.

ё въ литературномъ языкѣ). При этомъ ёканье въ конечныхъ открытыхъ слогахъ распространялось на смѣну гласнаго *е* не равномѣрно въ разныхъ морфологическихъ категоріяхъ. Такъ, напр., самымъ податливымъ въ этомъ отношеніи оказалось окончаніе И. В. ед. существительныхъ и затѣмъ прилагательныхъ ср. р. (поэтому такія формы, какъ п ó л ё, я с н о ё и пр., занимаютъ особенно значительный районъ въ разсматриваемой области сѣверно-великорусскаго нарѣчія), меньшую податливость къ замѣнѣ проявило окончаніе 2-го лица мн. ч. *-те* (соотвѣтственно этому и районъ формъ типа и д и́ т ё меньше района занимаемаго типомъ п ó л ё) и наименѣе податливымъ оказалось окончаніе сравн. степ. *-я́е* (потому такимъ формамъ, какъ скор*я́ё* принадлежитъ наименьшій районъ по сравненію съ *-ё* другихъ морфологическихъ категорій въ томъ же нарѣчіи).

Въ областяхъ съ неполнымъ оканьемъ встрѣчаемъ и болѣе ограниченное ёканье:

а) говоры съ неполнымъ оканьемъ перваго типа допускаютъ и ёканье въ тѣхъ же неударяемыхъ слогахъ, въ которыхъ сохраняется *о*, т. е. во всѣхъ за исключеніемъ втораго слога передъ удареніемъ. Въ этомъ послѣднемъ, гдѣ—какъ мы видѣли—*о* измѣнилось въ *а*, измѣненіе *е* произошло въ направленіи къ *і* (е^{і} или и), напр. *бе*^{і}реги́, *си*рёда. Что касается другихъ неударяемыхъ положеній, то ёканье необходимо является лишь въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію, во всѣхъ же остальныхъ положеніяхъ оно можетъ быть или отсутствовать (въ зависимости частію отъ фонетическихъ, частію же отъ морфологическихъ условій), срв.: л ѣ́ т н ё м у, п р е ж н ё м у, но—с и́ н *е* в о, в е́ с *е* л о; съ в и́ х р ё м, в е́ с ё л, п о в и д а́ ё м с я, но—р о д и́ т е л е в ъ (Р. мн.); щ а́ с ь ё, к а к ó ё и рядомъ—б о л ь н я́ *е*, б ѣ г а́ й т *е*. [1])

б) во второмъ случаѣ неполнаго оканья мы имѣемъ ёканье лишь въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію; въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ находимъ или гласный *'а*, развившійся изъ *'о* (*ё*) подобно тому, какъ въ тѣхъ же говорахъ развилось *а* изъ основнаго *о*, или же гласный

[1]) Примѣры взяты изъ цитированной выше статьи А. Т и х в и н с к а г о Особенности говора Ярославскаго уѣзда и пр.

близкій къ *і*, появившійся въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ, какъ напр. внутри слова послѣ ударенія. Говоры такого типа, какъ упоминалось, можно встрѣтить въ губерніяхъ Владимірской и Нижегородской; срв. т е́ с т *я* т, с ѣ р *и* н ь к о й (село Іудино, Александровскаго у., Владимірской губ.). [1])

в) въ говорахъ съ „слабымъ" оканьемъ гласный *'о* (*ё*) встрѣчается лишь въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію и притомъ звучитъ болѣе открыто, чѣмъ въ говорахъ предъидущаго типа; кромѣ того, употребленіе *и* вм. *е* въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ здѣсь обширнѣе по сравненію съ типомъ *б*). Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ ислѣдовавшагося нами говора дер. Бѣлой Казанской губ.: т*'о* п л ó, н*'і* п у с к á й, х л ó п н*'і* т, в ы́ ш *ы* л; [2]) ч о т ы́ р *и* (но въ И. В. ед. ср. рода *е* отражается, какъ и въ предъидущемъ говорѣ, въ видѣ *'а*, напр. ф п ó л*'а*).

Намъ осталось еще сказать, что во всей области сѣверно-великорусскихъ говоровъ нерѣдко встрѣчается произношеніе *ё* также на мѣстѣ орѳографическаго *ѣ* передъ твердымъ согласнымъ въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ, напр.: *б ё д á*, в *л ё с ý*, п о б *ё* г ý и т. д. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ уже позднѣйшее явленіе, обязанное дѣйствію аналогіи. Кромѣ того, какъ оказывается, въ разныхъ областяхъ это дѣйствіе аналогіи охватило не однѣ и тѣ же морфологическія категоріи, изъ чего слѣдуетъ заключить, что этотъ процессъ по крайней мѣрѣ частію происходилъ въ этихъ областяхъ независимо другъ отъ друга. Такъ, напр., въ говорѣ Ярославскаго у. такое *ё* на мѣстѣ *ѣ* наблюдается только въ глаголахъ, напр. б *ё* г ý, с *ё* к у, случаевъ же въ родѣ р *ё* к а, б *ё* д а не встрѣчается. [3])

---

[1]) Примѣры взяты изъ пѣсенъ, записанныхъ А. И. Смирновымъ (Р. Ф. В. 1879 г., № 2, пѣсня 5-ая; 1880, № 1, пѣсня 2-ая).

[2]) *ы* въ этомъ примѣрѣ вм. *і* по причинѣ предшествующаго твердаго шипящаго.

[3]) Тихвинскій l. с. стр. 36.

3) Произношеніе *я* какъ *е*, а *ѣ* какъ *и*, *въ положеніи передъ мягкими согласными* свойственно по преимуществу говорамъ съ полнымъ оканьемъ, а также неполнымъ типа а). При этомъ указанное измѣненіе гласныхъ произошло независимо отъ того, какимъ первоначальнымъ звукамъ отвѣчали эти *я* и *ѣ*; такъ, мы встрѣчаемъ: з*е*ть (=ст.-сл. ѧать) и испол-н*е*ть (=ст.-сл. исплънити), зв*и*рь (гдѣ ѣ=ae. *ē) и п*и*сня (ѣ=ae. *ăi). Въ рядѣ примѣровъ ударяемое *ѣ* произносится какъ *и* передъ твердыми согласными, напр. хл*и*б, с*и*тка или с*и*точка и пр.,[1]) но въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ *и* нужно объяснять аналогіей къ такимъ родственнымъ словамъ, гдѣ за *ѣ* слѣдовалъ мягкій согласный (срв. хл*и*бѣ, с*и*ть).[2])

Примѣчаніе. Измѣненіе *я* въ *е* не ограничивается ударяемыми слогами, но встрѣчается и въ слогахъ безъ ударенія, гдѣ оно возможно и передъ твердыми согласными, напр евúлись, везáть. Такого рода измѣненіе встрѣчается также и въ южно-великорусскихъ говорахъ, но только въ однихъ неударяемыхъ слогахъ передъ мягкими и твердыми согласными: что же касается ударяемыхъ слоговъ, то въ нихъ этого измѣненія не происходитъ, не смотря на наличность слѣдующаго мягкаго согласнаго. Эту особенность мы объясняемъ тѣмъ, что въ южно-великорусскихъ говорахъ ударенные

[1]) По словамъ Гильфердинга (см. его Онежскія былины, 1873 г., стр. XXXI) въ Прионежьѣ, Олонецкой губ., выраженіе «бѣлый свѣтъ» обыкновенно произносится не какъ *бѣлый свѣтъ* или *билый свитъ*, а какъ что-то среднее. Такимъ образомъ, здѣсь слышится по-видимому ударяемое закрытое *е* на мѣстѣ *ѣ* передъ твердыми согласными. Впослѣдствіи А. А. Шахматовъ (см. его Изслѣдованія въ области русской фонетики, 1893 г., стр. 165) подтвердилъ это свидѣтельство, указавъ, что въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣздовъ Олон. губ. онъ весьма ясно слышалъ ударяемое e^i на мѣстѣ *ѣ* передъ твердыми согласными и на концѣ слова, напр. невеiста, хлеiб, мнеi и т. д. Кромѣ того, онъ приводитъ сообщеніе одного наблюдателя о Покровоситской волости Моложскаго у. Ярославской губ., гдѣ въ словахъ—мѣлъ, сѣра, вѣсъ, дѣло буква *ѣ* произносится какъ *е*, въ словахъ—день, мель, весь, т. е. звукъ *е* приближается къ *и*.

[2]) Имѣются и обратные случаи, именно такіе, гдѣ чередованіе *ѣ́* ‖ *и́* ассимилировало себѣ слова съ основнымъ гласнымъ *и*, срв. говорѣ́ла ‖ говори́ть.

гласные настолько сильнѣе по сравненію съ неударенными тѣхъ же словъ, что не допускаютъ такого измѣненія, не смотря на вполнѣ благопріятныя условія для этого, т. е. присутствіе слѣдующаго мягкаго согласнаго; напротивъ того, въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи ударенный гласный сравнительно немногимъ сильнѣе неударенныхъ того же слова, такъ что тамъ сосѣдство двухъ мягкихъ согласныхъ (т. е. предшествующаго ударенному гласному и послѣдующаго) является достаточнымъ для произведенія эффекта аналогичнаго неударенному положенію.

4) *Цоканье* и *чаканье*, представляющія собою выдающуюся черту сѣверно-великорусскаго консонантизма, господствуютъ въ наибольшей части территоріи окающаго нарѣчія (за исключеніемъ средней части Новгородской губ., а также многихъ говоровъ въ губерніяхъ Ярославской и Владимірской). На всемъ этомъ пространствѣ смѣшеніе *ц* и *ч* не является въ однообразномъ видѣ, но представляетъ нѣкоторыя варіаціи, занимающія различныя области этой территоріи; изъ нихъ мы отмѣтимъ: область взаимной мѣны этихъ согласныхъ, область преобладанія при этой мѣнѣ согласнаго *ц*, иногда даже почти исключительнаго его употребленія, область преобладанія согласнаго *ч* и, наконецъ, область спорадическихъ замѣнъ между *ц* и *ч*.

а) Взаимная мѣна между *ц* и *ч*, охватывающая болѣе или менѣе значительное количество случаевъ, распространена въ большинствѣ говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, напр. въ Новгородской губ. (въ говорѣ Позёровъ или обитателей береговъ оз. Ильменя, въ Кирилловѣ съ окрестностями, въ Череповецкомъ у.), Архангельской (Онежскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ), въ большей части говоровъ Вологодской губ., въ Вятской губ. (въ Глазовскомъ уѣздѣ), въ губерніяхъ Ярославской (въ Моложскомъ у.), Владимірской (въ Покровскомъ у.) и Нижегородской (въ Ардатовскомъ у.). При этомъ согласный *ц* обычно имѣетъ мягкое произношеніе, благодаря чему увеличивается близость его по качеству звука къ мягкому согласному *ч*; можно думать, что именно взаимная близость этихъ соглас-

ныхъ благопріятствовала замѣнѣ одного другимъ. Отвердѣвшее *ц* находимъ въ болѣе южныхъ губерніяхъ — Владимірской и Нижегородской въ указанныхъ мѣстностяхъ, напр. н о *ц ъ* и т. п. Отвердѣніе *ц* встрѣчается мѣстами и въ Новгородской губ., но при тѣхъ или другихъ частныхъ условіяхъ, напр. передъ гласнымъ *о* и согласными, ср. *ц* о в о, м о л о *ц* к а, но—у *ц и* т ь.

б) Цоканье, т. е. частое *ц* вм. *ч*, является также довольно распространеннымъ; такъ, оно обычно въ О л о н е ц к о й губ., встрѣчается далеко въ губерніяхъ А р х а н г е л ь с к о й (Архангельскаго у. и въ Кеми), В о л о г о д с к о й (въ сѣв.-зап. части Кадниковскаго у.), В я т с к о й (въ уѣздахъ Нолинскомъ и Вятскомъ), Т в е р с к о й (въ г. Торжкѣ), Я р о с л а в с к о й (въ Пошехонскомъ у.), В л а д и м і р с к о й (въ Зарѣченской части Муромскаго у., т. е. лежащей по правому берегу Оки), Н и ж е г о р о д с к о й (въ Арзамасскомъ у.) и нѣк. др. [1]) При этомъ въ сѣверныхъ губерніяхъ *ц* произносится мягко, а въ Олонецкой губ. (въ Пріонежьѣ) сверхъ того имѣетъ нѣсколько шипящій характеръ, такъ что звукъ производитъ впечатлѣніе чего-то средняго между *ц* и *ч*. Твердое произношеніе *ц* находимъ въ Торжкѣ Тверской губ. и еще въ Арзамасскомъ у. Нижегородской губ. Въ нѣкоторыхъ цокающихъ мѣстностяхъ согласный *ц* почти совершенно вытѣснилъ собою согласный *ч*; таковъ напр. говоръ Куштугской волости Вытегорскаго у. Олонецкой губ. [2]), говоръ Кеми и Архангельскаго у., а также говоры Ветлужскаго края, Верхотурья и Печерскаго края.

---

[1]) Отмѣтимъ замѣну *ч* посредствомъ *ц*, какъ постоянное явленіе, въ Касимовскомъ говорѣ Рязанской губ, по многимъ другимъ особенностямъ принадлежащемъ къ южно-великорусскому типу, срв. тексты въ книгѣ проф. Б у д д е Къ исторіи великорусскихъ говоровъ (1896) стр. 334 сл. Точно также эта особенность встрѣчается въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ—въ губерніяхъ Витебской, Смоленской и Тверской, представляя какъ бы продолженіе цокающаго сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

[2]) См. Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г. стр. 563—572.

в) Чаканье, т. е. преобладающая замѣна *ц* посредствомъ *ч*, наблюдается сравнительно въ меньшемъ количествѣ говоровъ, [1]) а именно: въ Новгородской губ. (въ Устюжнѣ) и въ Вятской (въ Котельничѣ и Слободскомъ у.). [2]) Замѣтимъ, что въ Устюжнѣ согласные *ц* и *ч* оказываются уже отвердѣвшими, срв. кон*цы́*, *чово́*, вѣн*чы́* (т. е. вѣнцы), ругаеч*чы* (т. е. ругается). Какъ видимъ изъ примѣровъ, чаканье распространяется здѣсь не только на древнее *ц*, но и на позднѣйшее (въ возвратныхъ формахъ глагола).

г) Спорадическія цоканье и чаканье встрѣчаются обычно въ говорахъ съ „слабымъ" оканьемъ, напр. въ Казанской губерніи, южныхъ уѣздахъ Вятской и т. д.; тамъ смѣшеніе *ц* и *ч* наблюдается въ незначительномъ числѣ случаевъ и притомъ обыкновенно въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ словахъ (напр. *ч*ерковь, *ч*вѣтъ, крыле*ц*ко).

Примѣчаніе. Отдѣльные случаи смѣшенія *ц* и *ч* встрѣчаются и въ говорахъ, не смѣшивающихъ эти звуки, вызываясь частію заимствованіемъ, частію же смѣшанностью населенія.

Итакъ, мы видимъ довольно значительное разнообразіе видовъ смѣшенія *ц* и *ч*. Въ чемъ же кроется причина этихъ замѣнъ въ ихъ разнообразіи? Намъ кажется, что главная причина ихъ заключается въ грамматическомъ чередованіи этихъ

---

[1]) Сравнительно небольшое число чакающихъ говоровъ, отмѣчаемыхъ нами, можетъ быть объяснено и тѣмъ, что основной звукъ *ц* встрѣчается вообще рѣже, чѣмъ *ч*; въ виду этого вполнѣ возможно, что нѣкоторые изъ «цокающихъ» также содержатъ въ себѣ чаканье и не отнесены нами къ группѣ взаимной мѣны *ц* и *ч* лишь за скудостью матеріала. Благодаря той же причинѣ возможны и ошибочныя отнесенія говоровъ въ ту или другую группу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и излишнее дробленіе районовъ; такъ, напр., намъ пришлось вятскіе говоры различныхъ уѣздовъ размѣстить по всѣмъ четыремъ группамъ.

[2]) Вѣроятно къ этому типу говоровъ относится замѣчаніе одного наблюдателя, что въ говорѣ вятчанъ существуетъ замѣтное пристрастіе къ *ч*, особенно въ говорѣ мущинъ.

двухъ звуковъ (срв. пти*ц*а || пти*ч*ка и т. п), которое само по себѣ уже создавало привычку къ подстановкѣ одного звука на мѣсто другаго, правда—соотвѣтственно опредѣленнымъ морфологическимъ категоріямъ; но къ этому присоединилось затѣмъ дѣйствіе *аналогіи*, которая, какъ мы знаемъ, стремится уничтожать чередованія выравнивая ихъ и благодаря которой одинъ изъ чередующихся звуковъ переносится на мѣсто другаго въ родственныхъ словахъ (напр. пти*ц*а || пти*ц*ка, или же—пти*ч*а || пти*ч*ка). А такъ какъ дѣйствіе аналогіи въ своемъ развитіи имѣетъ тенденцію слѣдовать разъ принятому направленію, а это направленіе можетъ быть двоякимъ, то и случилось, что въ нѣкоторыхъ говорахъ сталъ преобладать одинъ изъ чередующихъ звуковъ, а въ другихъ—другой. Но нерѣдко и въ одномъ и томъ же говорѣ могли примѣняться оба направленія аналогіи сообразно напр. различію удареній; благодаря этому могли появляться оба звука въ одной и той же категоріи (срв. мѣ́ся*ц* || купе́*ч* и т. п.), а это въ свою очередь могло вызывать и безпорядочныя смѣшенія данныхъ звуковъ, особенно при смѣшанномъ населеніи. Что касается такихъ случаевъ, гдѣ эти согласные не были въ чередованіи между собою, какъ напр. въ словахъ *ц*арь, *ч*асъ и т. д., то здѣсь обоюдная мѣна согласныхъ могла произойти вслѣдствіе взаимной близости мягкаго ихъ произношенія, какъ о томъ уже упоминалось. Нужно еще указать на смѣшеніе этихъ звуковъ при *заимствованіи* словъ изъ другаго говора (такъ, при заимствованіи чакающимъ говоромъ напр. слова „фран*ц*узъ“ *ц* легко могло замѣниться посредствомъ *ч*).

5) Болѣе или менѣе отчетливое произношеніе всѣхъ неударяемыхъ слоговъ, благодаря которому разница по силѣ и длительности между гласными удареннаго слога и неударенныхъ становится мало замѣтною, свойственно большинству окающихъ говоровъ. Но не вездѣ эта особенность проявляется въ одинаковой степени, и мы можемъ прослѣдить нѣкоторое соотношеніе ея со степенью оканья. Въ областяхъ съ

полнымъ оканьемъ наблюдается наиболѣе полная и равномѣрная отчетливость всѣхъ слоговъ въ словѣ, хотя все-таки и здѣсь можно уже замѣтить нѣкоторыя различія между гласными въ отдѣльныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (болѣе рельефно они выступаютъ въ говорахъ съ неполнымъ, а еще рельефнѣе—въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ). Существованіе этихъ различій подтверждается такими фактами, какъ произношеніе севóгуду (Бѣлозерскъ, Новгородской губ.), гдѣ мы видимъ гармоническое уподобленіе одного гласнаго другому, а это возможно только при неравной силѣ обоихъ слоговъ, изъ которыхъ болѣе слабый (въ нашемъ примѣрѣ внутренній послѣударенный) уподобляется болѣе сильному. Подобнымъ же образомъ можно объяснять такіе случаи, какъ пороходъ (Старая Русса, Новгор. губ.), гдѣ произошло уподобленіе гласнаго во второмъ предъударенномъ слогѣ гласному слога перваго передъ удареніемъ; изъ примѣровъ этого рода заключаемъ, что въ говорахъ съ полнымъ оканьемъ къ числу болѣе слабыхъ слоговъ принадлежитъ и второй слогъ передъ удареніемъ. Что касается болѣе сильныхъ неударенныхъ слоговъ въ тѣхъ же говорахъ, то къ нимъ можно отнести по крайней мѣрѣ во многихъ изъ этихъ говоровъ также конечный закрытый слогъ, который иногда настолько силенъ, что сопровождается какъ бы побочнымъ удареніемъ, напр. дѣ́л*ò*м (вятск.). [1]) Въ связи съ этимъ побочнымъ удареніемъ находится и извѣстное измѣненіе *е* въ *'о* послѣ ударенія въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, напр.: бýдёт и т. п. Въ говорахъ съ неполнымъ и слабымъ оканьемъ всѣ неударенные слоги развили уже болѣе значительную разницу по силѣ съ слогомъ ударяемымъ, въ связи съ чѣмъ находятся и

---

[1]) **На сколько замѣтно это побочное удареніе, можно заключить изъ того, что иногда оно принимается даже за главное. Такъ, одинъ вятичъ съ гимназическимъ образованіемъ при фонетическомъ письмѣ нерѣдко ошибочно ставилъ удареніе вмѣсто ударевнаго слога надъ слогомъ непосредственно слѣдовавшимъ за удареніемъ.**

особенности отраженія въ нихъ неударяемаго вокализма (срв. выше).

Относительно ударяемыхъ слоговъ въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ слѣдуетъ отмѣтить нерѣдко встрѣчающееся удлиненіе гласныхъ особенно въ конечныхъ слогахъ напр. пōōп (Устюж. у. Новгор. губ.), [1]) говори*ии*шь (Архангел. губ.) и т. п. Кромѣ того, нѣкоторые говоры при большей или меньшей протяжности произношенія значительно видоизмѣняютъ высоту голоса, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе пѣвучести. Разными наблюдателями указывается цѣлый рядъ такихъ пѣвучихъ говоровъ, напр. въ Арханг. губ. по Печорѣ, Мезени, Двинѣ, въ Вязниковскомъ у. Владим. губ., Ростовскомъ у. Ярославской губ. и т. д.

6) Главнѣйшія *морфологическія* особенности сѣверно-великорусскаго нарѣчія мы представимъ, слѣдуя тому порядку, который принятъ въ морфологіи, т. е. сначала особенности именъ существительныхъ, затѣмъ прилагательныхъ и, наконецъ, глаголовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію существительныхъ, отмѣтимъ въ качествѣ первой особенности широкое употребленіе при нихъ *постпозиціоннаго члена* для приданія имъ извѣстнаго оттѣнка значенія, [2]) напр. дом-*отъ*, баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*тѣ* или бабы-*ти*, окно-*то*

---

[1]) См. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. I (1896) стр. 988. Тамъ же приведенъ другой примѣръ удлиненія гласныхъ: Потāāп, а Потāāп! бѣги-ко сюды̄ы̄!», но этотъ случай не достаточно характеренъ, такъ какъ такого рода удлиненія при зовѣ или обращеніи нерѣдки вообще; срв. у Тургенева конецъ разсказа «Пѣвцы»: Антропка-а-а! — Чего-о-о-о-о? — Иди сюда, чортъ, лѣші-і-і-ій! и т. д. Здѣсь мы видимъ, что затягиваются не только ударяемые, но даже и неударяемые слоги. Удлиненія ударенныхъ гласныхъ, кромѣ того, могутъ быть и для приданія большей выразительности (съ цѣлью преувеличить смыслъ слова), напр. «манёохонько!» и т. п. Но и это не представляетъ исключительной особенности сѣверно-великорусскаго нарѣчія, а встрѣчается вообще въ русской рѣчи.

[2]) См. выше стр. 136—137.

и т. п. Такого рода выраженія встрѣчаются во всей области сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Въ категоріи имени существительнаго останавливаетъ на себѣ вниманіе встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ говорахъ окончаніе *-ы* и *-и* въ *Д. Мѣстн. ед.* именъ ж. р. на *-а* или *-я*, напр. къ избы (вм. къ избѣ), въ бѣды (вм. въ бѣдѣ), къ горки, къ земли. Происхожденіе этихъ формъ легко объясняется дѣйствіемъ аналогіи къ такому склоненію того же рода, которое имѣло одинаковую форму для падежей Р. Д. и Предл. ед., т. е. къ склоненію типа „кость". Указанное явленіе мы встрѣчаемъ напр. въ говорахъ Новгород. губ. (Боровиц. у.), Олонецкой (Вытегор. у.), въ Арханг. губ. и уѣздѣ и т. д. Съ другой стороны встрѣчаемъ и обратное явленіе, т. е. употребленіе въ Род. ед. формы съ окончаніемъ *-ѣ*, даже рядомъ съ *-ы* (-и) въ Дат. и Предл. ед., напр. въ одномъ ильменскомъ говорѣ подъ Новгородомъ: у сестрѣ, изъ рѣкѣ, отъ женѣ, около головѣ || къ воды́, къ берёзы, въ избы́, на пятой версты́, на рѣки́.[1]) Окончаніе *-ѣ* Мѣстн. ед. нерѣдко переносится на соотвѣтствующій падежъ существительныхъ ж. р. на *-ъ*, срв. в грезѣ́, ф костѣ́, на печѣ́ и т. п. (Вытегор. у. Олонецкой губ., Пошех. у. Ярослав. губ., Уржум. у. Вятской и др.); какъ видно изъ примѣровъ, окончаніе *-ѣ* сопровождается въ этомъ случаѣ удареніемъ (срв. окончаніе *-ý* въ томъ же падежѣ именъ на *-ъ* муж. рода, которое также сопровождается удареніемъ).

Еще болѣе выдающеюся особенностью въ склоненіи именъ существительныхъ является своеобразное окончаніе Тв. мн.: 1) *-мъ* или *-мы*, напр. съ рукам, ушмы, людямы и т. п. (въ Онегѣ Арх. губ., въ Вытегор. у. Олонецкой губ. и др.); 2) *-ыма* и *-има*, напр. огоро́дыма, ча́шкима, конима (Сольвычег. у. Вологодской губ.); 3) *-мъ* въ Тв. мн., тогда

---

[1]) Изв. Ак. Н. I (1896) стр. 554.

Д. М. ы, и
Р. -ѣ
Д. М. -и
М. -ѣ
в грезѣ
Тв. мн.
-мъ, -мы
-ыма, -има
Дат. -мъ
|| тв. -мъ

какъ *-ми* въ Д. мн., напр. з борона́*м* || по луга́*ми* (въ Колязин. у. Тверской губ., Пошехонскомъ—Ярославской и въ говорахъ Вятской губ.). Приведенныя особенности окончанія Тв. мн. объясняются вліяніемъ стараго двойственнаго числа, въ которомъ Д. и Тв. имѣли одну и ту же форму, при чемъ окончанія содержали твердое *м*.

Въ области именъ прилагательныхъ въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчіи заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія особенности:

а) неударяемымъ окончаніямъ *-ый* и *-ій* (И. ед. муж. р.) литературнаго языка соотвѣтствуютъ слѣдующія окончанія: 1) *-ой* и *-ей* въ территоріи полнаго оканья, напр. до́бр*ой*, би́линьк*ой* [1]), си́н*ей*, 2) *-ай* и *-ий* въ говорахъ съ неполнымъ оканьемъ, напр. до́бр*ай*, син*ий* и 3) *-ый* (-ъј) и *-ий* (-ъј) въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ. Очевидно, что всѣ три окончанія представляютъ собою лишь разныя градаціи одного и того же окончанія *-ой* и *-ей*, которое, какъ намъ кажется, произошло не фонетически, а путемъ аналогіи къ большинству падежей ед. ч., имѣвшихъ при переходѣ отъ основы къ окончанію гласный *о* или *е*, срв.: доброво, доброму, синево..., а также И. В. ед. ср.—доброе, синее; при этомъ дѣйствію аналогіи благопріятствовало то обстоятельство, что окончаніе *-ой* уже существовало какъ первичное въ мѣстоименіяхъ, напр. мой, свой. [2])

---

[1]) Такъ произносится это слово напр. подъ Новгородомъ (срв. далѣе въ Боровичахъ той же губерніи—деревень*ской*, русь*кой*, и пр.), но въ нѣкоторыхъ говорахъ вмѣсто окончанія *-кой* произносится *-кёй*, напр. миленькёй, лёгонькёй, синенькёй, губерьскёй и т. п. (Волог. губ.—Тотем. и Кадник. у., Яросл. губ.—Пошех. и Молож. у., Вятск. губ.—Уржум. у.), при чемъ подобное произношеніе мягкаго *к* наблюдается тамъ и во многихъ другихъ случаяхъ, напр. руч*кя*, постель*кю*, вой*скё*, толь*кё* и т. п.

[2]) Приведенное здѣсь толкованіе намъ кажется болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ то, по которому окончаніе *-ой* выводится фонетически изъ **-ый*, при чемъ въ качествѣ переходной стадіи принимается **-ӧй*: такой переходъ

б) *Родительный ед. ж. р.* сложныхъ прилагательныхъ сохраняетъ въ нѣкоторыхъ говорахъ старыя окончанія *-ые* || *-іе*, напр. з больн*ые* головы, нѣт син*іе* краски (Бѣлозерскій говоръ Новгор. губ.), и слѣдов. не сходствуетъ съ окончаніемъ (*-ой*) другихъ косвенныхъ падежей того же склоненія; въ другихъ говорахъ конечное *е* смѣнилось на *-ё*, напр. службы царск*іё* (Вельск. у. Вологодской губ., также Пошех. у. Яросл. губ.).

в) Въ *Именит. множ.* всѣхъ родовъ рядомъ съ окончаніями *-ые* или *-ыё* и *-іе* или *-іё* (сходными съ только что разсмотрѣнными окончаніями Р. ед. ж. р.) встрѣчаются также окончанія *-ыи* и *-іи*. Соотвѣтствующія образованія прилагательныхъ проходятъ и по другимъ падежамъ мн. ч., напр. добр*ыех*, добр*ыем* (Черепов. у. Новгор. губ., Яросл. у.), добр*ыих*, добр*ыим* (Устюж. у. Вологод. губ.), на хозяйск*іих* харчах (Пошех. у. Яросл. губ.), и т. д.

г) Окончанія *-ыма* или *-има* въ *Дательномъ* и *Творительномъ множ.*, напр. добр*ыма* родителям, за добр*ыма* людямы (Вытег. у. Олонецкой губ.); очевидно, мы имѣемъ здѣсь отраженіе старой сложной формы тѣхъ же падежей Двойств. числа.

д) *Сравнительная степень* прилагательныхъ обычно имѣетъ окончаніе *-яе* (напр. въ Бѣлозерскомъ говорѣ Новгор. губ., Каргопол. у. Олонецкой губ., Слободскомъ и Уржумскомъ Вятской), въ нѣкоторыхъ говорахъ смѣнившееся на *-яё* (напр. у Позёровъ Новгород. губ.), срв. мудрен*яе*, скор*яё* и т. п. Мы думаемъ, что окончаніе *-яе* фонетически развилось изъ *-ѣе* только послѣ мягкихъ шипящихъ (т. е. такъ, какъ въ литературномъ языкѣ получилось окончаніе

указывалъ бы на вторичное пріобрѣтеніе гласнымъ *ы* лябіализаціи, что плохо вяжется съ физіологическимъ характеромъ звуковыхъ измѣненій русскаго языка. Наше объясненіе, напротивъ, основывается на постоянно встрѣчающемся въ языкѣ уравненіи флексійныхъ формъ и не требуетъ предположенія спеціальнаго фонетическаго закона.

превосх. степени *-айшій*) и уже затѣмъ путемъ аналогіи стало примѣняться и послѣ согласныхъ не-шипящихъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ чисто фонетическимъ отраженіемъ окончанія *-ѣе* было бы главнымъ образомъ *-іе* (см. выше, пунктъ 3-ій), и дѣйствительно кое-гдѣ еще сохраняется эта разновидность окончанія сравнительной степени, напр. с к у р *я е* и с к у р *і е* (Коштугско-Ежезерскій говоръ Вытегор. у. Олон. губ.).[1]) Нужно отмѣтить еще одну варіацію въ окончаніи сравн. степ., именно *-я́я*, гдѣ вмѣсто конечнаго *е* видимъ *я*, напр. сильн*я́я* (въ сѣв.-вост. углу Вытегор. у., въ нѣкоторыхъ говорахъ Вологодской губ., въ Ростов. у. Ярослав. губ.). Здѣсь неударяемое конечное *е* (=jэ) измѣнилось въ *я* вѣроятно подъ вліяніемъ слѣдующихъ факторовъ: присутствія предшествующаго ударяемаго *я́*, расширяющаго дѣйствія j и можетъ быть случаевъ присоединенія къ сравнит. степени именъ муж. и ср. р. съ окончаніемъ Род. ед. *-а* (*-я*). Когда въ тѣхъ же говорахъ, но въ другихъ категоріяхъ, совокупность этихъ условій отсутствовала, то конечное *е* могло получить другое отраженіе, напр. смѣниться на *ё*; и дѣйствительно, въ тѣхъ же говорахъ на ряду съ формами сравнит. степени д о б р *я́ я*, с и н *я́ я* и т. п. встрѣчаемъ такія образованія, какъ колосъ*ё*, коренъ*ё* или т. п. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ (напр. въ сѣв.-зап. углу Кадников. у. Волог. губ.) рядомъ съ окончаніемъ *-я́я* сохраняется и основное окончаніе *-іе* (напр. с и л ь н *я́ я* || с и л ь н *і́ е*).

Въ области г л а г о л а отмѣтимъ слѣдующія особенности:

а) *Возвратныя формы* глагола имѣютъ окончанія *-се* (или *-сё*) и *-си*, напр. н а д і й с е и т. п. (с.-в. часть Вытегор. у. Олон. губ., Устюж. у. Волог. губ.), о т п р а в л е й *с ё* и др. (Вотча Тотем. у. Волог.), н е с *ё* м *с и* и пр. (Устюжна Новгор. губ.). Въ тѣхъ формахъ, гдѣ этимъ окончаніямъ пред-

[1]) Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 570; на стр. 564 тѣ же окончанія указаны съ *ё*, напр. с к у р *я́ ё*, в о л ь н *і́ ё* и др.

шествуетъ согласный *т*, звукъ *с* въ части говоровъ сливается съ нимъ, образуя сочетанія -т͡це, -т͡цо, -т͡цы, напр. сходят͡це [1]), бит͡цо, ругает͡цы. Во 2-омъ лицѣ ед. ч. группа *шс* обычно упрощается въ длительное *с*, напр., носи*се* и т. п. Въ прош. времени, въ положеніи послѣ согласныхъ, окончанія *-сё* и *-си* мѣстами измѣнились въ *-со* и *-сы*, напр. закручинил*со*, отрёк*сы*, убил*сы*. [2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ разсмотренныя окончанія смѣшиваются между собою; такъ рядомъ съ *-си* встрѣчается *-се* (напр. въ Тихв. у. Новг. губ.), *-сё* рядомъ съ *-се* (въ Волог. губ.), *-си* рядомъ съ *-ся* (въ Пріоятскомъ говорѣ Петерб. губ.), *-се* рядомъ съ *-ся* (въ Петроз. у. Олон. губ.) и даже рядомъ всѣ три окончанія (у Позеровъ въ Новгор. губ.). Всѣ разсмотрѣнныя окончанія въ положеніи послѣ гласныхъ звуковъ допускаютъ сокращеніе въ *-съ*, особенно при благопріятномъ для того положеніи въ фразѣ, при чемъ полное и сокращенное окончаніе встрѣчаются рядомъ, срв.: поклоню*се* и покорю*се* || покорю*съ* и поклоню*съ* (сѣв.-вост. часть Вытегор. у. Олон. губ.). [3])

б) *3-ье лицо ед. и мн. ч. наст. времени* въ нѣкоторыхъ говорахъ не имѣетъ окончанія *-тъ*, напр. пла́ч*е* [4]), сто*й*,

---

[1]) Въ Городищнѣ Устюж. у. Вологод. губ. по-видимому нѣтъ такого слитія и звуковой комплексъ произносится мягко: сади*тъсе* (3 ед.), поглѐне*тъсе*, гледя*тъсе*, отправле*тъсе* (см. Бѣлоруссовъ Н. въ Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 215).

[2]) Кромѣ разсмотрѣнныхъ окончаній въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣв.-влр. нарѣчія встрѣчается также окончаніе *-ся*, сходное съ литературнымъ; такое окончаніе извѣстно напр. въ Бѣлозерскомъ говорѣ Новгородской губ., въ Каргоп. у. Олонецкой губ., Пошех. у. Ярослав. губ, въ Костром. губ., въ нѣкоторыхъ вятскихъ говорахъ и др.; особенно распространеннымъ оно оказывается въ говорахъ не смѣшивающихъ *ц* и *ч*. Отвердѣвшимъ видомъ этого окончанія является *-са*. Сочетаніе -т͡ца въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ, смѣшивающихъ *ц* и *ч*, отражается въ видѣ *-ч͡ча* (напр. въ Глазов. у. Вятск. губ.).

[3]) Жив. Стар. 1893, стр. 391, въ текстѣ заговора.

[4]) Вмѣсто конечнаго *е* встрѣчается и *ё* (*о*), срв. ид*ё́*, мо́ж*о* (въ Новгор. у.).

с т о *я́* (Малая Будогоща Тихв. у. Новгор. губ.); [1]) что касается формы 3-го множ глаголовъ перваго спряженія, то она обычно имѣетъ на концѣ *т* (напр. и д у *т*), такъ какъ иначе совпала бы съ формою 1-аго лица ед. ч. [2])

в) *Окончаніе 2-аго лица множ. ч. наст. времени изъяв. накл.* -*те* или -*тё* въ нѣкоторыхъ говорахъ принимаетъ на себя удареніе, напр. л е ж и *т é* (Нолин. у. Вятск. губ.), с п и *т ё* (Вятск. у.). Такое произношеніе вызвано вѣроятно стремленіемъ дифференцировать формы изъяв. наклоненія отъ созвучныхъ формъ повелит. накл. Той же особенности ударенія послѣдовали и глаголы перваго спряженія (срв. пойде*тé*—въ Бѣлозерскѣ Новгор. губ.), не смотря на то, что въ этомъ спряж. форма 2 мн. наст. вр. и повел. накл. не вполнѣ совпадали между собою по звукамъ (срв. идете || идите); въ нѣкоторыхъ говорахъ это различіе устранено дѣйствіемъ аналогіи къ глаголамъ втораго спряженія, т. е. вмѣсто окончанія -*етé* подставилось -*итé*, напр. к л а д *и т é* рядомъ съ к л а д *и т ё* (Устюжна Новг. губ.), п р о п а д *и т é* (Нолин. у. Вятск. губ.).

г) Явленіе т. н. *„стяженія“*, состоящее въ томъ, что въ спряженіи глаголовъ на -*ать* сочетаніе *ае* замѣняется черезъ *а*; напр. знаш, дѣлат, чита́м. Это явленіе охватываетъ весьма многіе говоры сѣв.-влр. нарѣчія, хотя не вездѣ въ одинаковой степени. Такъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ господствуютъ исключительно стяженныя формы, напр. въ Коштугско-Ежезерскомъ говорѣ Вытег. у. Олонец. губ., [3]) въ дру-

[1]) Однако при этомъ соотвѣтствующая возвратная форма содержитъ *т* передъ возвратнымъ суффиксомъ.

[2]) Въ рядѣ говоровъ видимъ однако постоянное присутствіе -*тъ* въ 3 ед. и множ. наст. времени обоихъ спряженій, напр. въ Городишнѣ Устюж. у. Волог. губ., Вотчѣ Тотем. у. той же губ., особенно же въ говорахъ, не смѣшивающихъ *ц* и *ч* (или же смѣшивающихъ лишь спорадически) — въ Пошех. у. Ярослав. губ., Ковров. у. Владим. губ., въ Нижегор., Казан. и Симбир. губ.

[3]) Однако—вст*аéм*, т. е. при удареніи на концѣ. См. Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 564, см. также стр. 565, 566.

гихъ же стяженныя окончанія встрѣчаются лишь въ положеніи послѣ ударенія, напр. ду́м*ат*,[1]) но зна́*ёт* (Устюжна Новгор. губ.). Что касается происхожденія разсматриваемаго явленія, то его можно объяснить также дѣйствіемъ аналогіи къ такимъ формамъ тѣхъ же глаголовъ, которыя содержатъ простой гласный *а*, напр. ду́м*аш*—по аналогіи къ ду́м*ал*, ду́м*ать*. Благодаря этому процессу, въ спряженіи глаголовъ на *-аю* получалось большее однообразіе не только по гласному окончаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по числу слоговъ (изосиллабичность). [2])

Примѣчаніе. Во многихъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ встрѣчаются еще такія стяженныя по виду формы, какъ—ум*ѣ*ш, ум*ѣ*т и т. п., которыя могутъ объясняться подобно разсмотрѣннымъ выше случаямъ стяженія, т. е. аналогіей.

7) Что касается синтаксическихъ особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія, то отмѣтимъ слѣдующія:

а) Своеобразныя сказуемыя въ формѣ причастія, напоминающія оборотъ Дат. самост., напр. ищо *не отошедши служба*, а уже и цяй пьете. [3])

б) Употребленіе прямаго дополненія отъ существительныхъ ж. р. на *-а* въ формѣ Имен. падежа въ томъ случаѣ, если дополняемый глаголъ стоитъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. Такіе обороты свойственны преимущественно языку былинъ, а частію и сказокъ, закрѣпленные за нѣкоторыми типичными выраженіями, напр. въ одной изъ сказокъ, запи-

---

[1]) Въ этомъ же говорѣ рядомъ встрѣчаются и нестяженныя образованія (т. е. ду́м*ат* ‖ ду́м*аёт*), хотя послѣднія являются уже болѣе рѣдкими. См. Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 987, 1000—1001.

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ, не подвергшихся указанному процессу вліянія аналогіи, согласный j въ неударяемыхъ окончаніяхъ *-ешь* и пр. сталъ ослабѣвать и съ исчезновеніемъ его гласный *э*, придя въ соприкосновеніе съ предшествующимъ гласнымъ *а*, утратилъ свою мягкую экскурсію, напр. въ восточныхъ частяхъ Костромской губ. — зна́эш и т. п. (говоръ г. Плёса съ окрестностями; Соболевскій I, стр. 39).

[3]) Изв. Ак. Н. I (1896) стр. 571.

санныхъ Колосовымъ въ г. Бѣлозерскѣ Новгород. губ.: „трудно тебѣ у Царь-Дѣвицы *живая молодовая вода достать*“. [1])

в) Употребленіе безличныхъ выраженій въ страдательной формѣ отъ такихъ глаголовъ, которые въ литературномъ языкѣ при томъ же значеніи возможны лишь въ дѣйствительной или возвратной формѣ, напр. въ Олон. губ.: „*уйдено*, такъ нецё бранитця“; [2]) „*доученось* до того, что...“ (т. е. доучились или доучился до того, что...). [3])

Указавъ на предшествующихъ страницахъ фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ особенностей въ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, мы далеко не исчерпали всего разнообразія явленій въ этомъ нарѣчіи: въ нашу задачу не входило дать полную картину всѣхъ діалектическихъ особенностей его, но лишь отмѣтить и пояснить главнѣйшія изъ нихъ, чтобы облегчить читателю оріентировку въ сложной области русской діалектологіи.

Въ заключеніе приведемъ два отрывка, иллюстрирующихъ говоры данныхъ мѣстностей окающаго великорусскаго сѣвера.

1.

Одинъ молодѐцъ пришовъ къ старушкѣ: «Ахъ, гитъ, ба́бушка-старушка! высватай-ко мнѣ невѣску и претстафъ мою голофку къ мѣсту». Она и говоритъ: «Ахъ, дитя, рада бы я для тебя стараться, ты не будёшъ ли послѣ надо мной сьмѣятьсе?» — «Ахъ, ба́бушка-стару́шка! на щё надъ ста́рымъ людьми́ сьмѣятьсе? Про омманъ люди узнаютъ, мнѣ фсѣ бока изломаютъ. Запряжомъ жо мы съ тобою кори́ть и пойдемъ въ горотъ Кири́къ

[1]) См. мой трудъ «Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ» (1902) стр. 28—29, гдѣ такого рода формы разъясняются какъ пережитки древнѣйшаго окончанія Р. ед., хотя дѣлается оговорка, что на первый взглядъ эту особенность было бы удобно объяснить аналогіей къ именамъ ср. и муж. р. втораго склоненія, гдѣ И. и В. ед. сходствуютъ между собою. Теперь подобное участіе аналогіи, по крайней мѣрѣ какъ одного изъ факторовъ явленія, мнѣ представляется вполнѣ допустимымъ.

[2]) Изв. Акад. Н. I 571.

[3]) Колосовъ Замѣтки и пр., стр. 126.

и станёмъ своимъ житьёмъ хвастать; у насъ вѣть житьё-то доброё, верей-то тоценые: два кола фколбцены; ворота-ти цялые: моцяламъ сьтянены, верёфкамъ сьвязаны».

(Городишна, Устюжскаго у., Вологодской губ.). [1]

2.

Свититъ, свититъ сблнышко
Въ зиму нё [2]) по лѣтнёму:
Любитъ миня миликькой
Нбнёчь нё по прё́жнёму.
Любилъ, уговаривалъ,
На словахъ омманавалъ:
Сошью тёбѣ, [3]) милая,
Шубочку отласную (2),
Платјё подвинё́шнојё.

(д. Давыдково, Ярославскаго у.). [4])

II. Южно-великорусское нарѣчіе.

1) *Аканье.* Произношеніе ороографическаго *о* какъ *а* встрѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, именно въ говорахъ неполнаго и слабаго оканья въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Однако здѣсь аканье не затрогиваетъ наиболѣе сильнаго изъ неударенныхъ слоговъ, т. е. перваго передъ удареніемъ. Появленіе аканья именно въ этомъ слогѣ и составляетъ характерную особенность южно-великорусскаго нарѣчія, при чемъ въ другихъ неударяемыхъ слогахъ ослабленіе гласнаго пошло еще далѣе, а именно въ слабыхъ положеніяхъ внутри слова (во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и во внутреннемъ слогѣ послѣ ударенія) произносится *ъ*. Вообще явленіе аканья въ южно-великорусскихъ говорахъ сходствуетъ съ литературнымъ произношеніемъ; поэтому мы не будемъ останавливаться на немъ, а отмѣтимъ лишь одну варіацію, встрѣчающуюся тамъ и сямъ въ говорахъ и связанную съ яканьемъ, о которомъ рѣчь пойдетъ ни-

---

[1]) Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 263.

[2]) ё служитъ для обозначенія мягкаго *е* или точнѣе—гласнаго *э* съ мягкостью предшествующаго согласнаго.

[3]) или тѣјё.

[4]) См. Р. Ф. В. 1890, № 3, стр. 62.

же. Эта варіація заключается въ томъ, что во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова на мѣстѣ орѳографическаго *о* произносится не *ъ* (ы̆), какъ въ другихъ акающихъ говорахъ, а слабое краткое *а*, напр. тёмн*а*й, тём*на*ва (рязан. и тульско-крапив. говоръ); [1]) что касается втораго слога передъ удареніемъ, то въ немъ нерѣдко орѳ. *о* отражается въ видѣ слабаго краткаго *а*, если слогъ первый передъ удареніемъ содержитъ *а*, въ чемъ можно усматривать ассимилирующее дѣйствіе болѣе сильнаго слога на слабый, напр. х*а*рашо, п*а*лажить, но — р*ы*зыгратъся, п*ы*гулять (тотъ же говоръ). [2])

2) *Яканье-иканье.* Отраженіе орѳ. *е*, какъ уже было указано раньше, представляетъ въ области южно-великорусскаго нарѣчія три главныхъ діалектическихъ различія: *я* чередующееся съ *и*, полное яканье и полное иканье.

а) Орѳографическое *е* (также *ѣ*, *я*) произносится какъ *я* въ положеніи передъ твердыми согласными, а какъ *и* въ положеніи передъ мягкими. Такое произношеніе встрѣчается въ губерніяхъ Калужской (Мещов., Боров. у.), Тульской (Бѣлев. у.), Пензенской (напр. Лада, Саранск. у.), Воронеж-

---

[1]) Р. Ф. В. т. X, стр. 26—27.

[2]) Оттѣнокъ *а* въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ встрѣчается и въ говорахъ предшествующаго типа, гдѣ этотъ гласный заступаетъ собою *ъ* при нѣкоторыхъ спеціальныхъ условіяхъ, именно при послѣдующемъ болѣе сильномъ гласномъ *а*; срв. напр. въ говорѣ дер. «Парфёнки» Рузскаго у. Москов. губ. (см. объ этомъ говорѣ весьма подробное изслѣдованіе *Н. Дурново* въ Р. Ф. В. 1900 — 1903 г.) такіе примѣры, какъ з'іл'ôн*а*jă и т. п., гдѣ подъ вліяніемъ конечнаго *а* и въ предшествующемъ слогѣ является *а*, а не *ъ* (возможно, что на такое произношеніе словъ этой категоріи вліяетъ также и соотвѣтствующая простая форма тѣхъ же прилагательныхъ, напр. з'іл'ôн*а*; такому гармоническому уподобленію слѣдуютъ въ данномъ говорѣ и нѣкоторые случаи основнаго *ы*, напр у́б*ă*лă = орѳ. «убыло», в*ă*ступа́іт = «выступаетъ» (на этомъ примѣрѣ мы видимъ, что ассимилирующее вліяніе ударяемаго гласнаго можетъ сказываться даже черезъ промежуточный слогъ). Въ приводимомъ говорѣ оттѣнокъ *а* часто является еще въ началѣ слова, напр. *ă*гурцы́, но ъгарôт.

ской, Казанской (Чистоп. у.), Саратовской. Въ указанныхъ мѣстностяхъ это отраженіе проводится съ наибольшею послѣдовательностью, напр. *сястра́*, *яво́*, *в лясу́* || *типе́рь*, *ичме́нь*, *патриси́* (Митяево, Боров. у. Калуж. губ.). Но есть рядъ говоровъ, въ которыхъ чередованіе *я* || *и* по-видимому не подчиняется опредѣленнымъ законамъ, при чемъ въ однихъ говорахъ передъ твердыми согласными произносится *я*, а передъ мягкими кромѣ *и* встрѣчается также *я* (срв. въ Тульскомъ у. к*я*сты || б*и*речь, но также в*я*рёвка), [1]) въ другихъ же говорахъ—наоборотъ—передъ мягкими согласными обычно произносится *и*, но за то передъ твердыми рядомъ съ *я* встрѣчается *и*, напр. п*и*тёрка, но тр*я*пать || тр*и*пать (дер. Парфёнки, Рузск. у. Моск. губ.). [2]). Наконецъ, есть говоры, въ которыхъ орѳограф. *е* произносится какъ *я* или *и* въ зависимости отъ условій, представляющихъ большую или меньшую сложность для ихъ опредѣленія или даже не поддающихся ему, напр. с*я*ло́, с*и*ла́, б*я*ру́, б*и*ре́ш, в*я*лю́, в*я*ли́ш и. т. п. (Ельнинскіе говоры Смоленской губ., Мосальскіе говоры Калужской губ., говоръ Обоянскаго у. и др.). [3])

---

[1]) Такое произношеніе извѣстно еще въ Крапив. и Новосил. уу. Тульской губ., а также въ Нижнедѣвицкомъ и Бобровскомъ уу. Воронежской губ. Судя по даннымъ говора села Пяту́шки Новосил. у., распредѣленіе *я* и *и* передъ мягкими и частію отвердѣвшими согласными подчиняется, по-видимому, нѣкоторымъ фонетическимъ условіямъ: если ударенный слогъ содержитъ одинъ изъ узкихъ гласныхъ, то въ предъидущемъ слогѣ отраженіемъ служитъ *я*, передъ гласными же средне-широкими—*и*, см. слѣд. страницу—въ концѣ сноски.

[2]) Эта варіація встрѣчается еще въ Тульской губ. Каширскомъ у. и въ Курмышскомъ у. Симбирской губ., а также въ Щигров. у. Курской губ.

[3]) Акад. А. А. Шахматовъ въ своей статьѣ «Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ» (Р. Ф. В. 1896 г. № 3—4) открылъ нѣкоторую закономѣрность для отраженія *я* || *и* въ соотвѣтствующихъ говорахъ, именно: изъ данныхъ рефлексовъ второй встрѣчается лишь при томъ условіи, если ударяемый слогъ содержитъ широкій гласный (*а*—орѳ. а, *я*), тогда какъ въ положеніи передъ всѣми другими ударяемыми гласными наблюдается первый рефлексъ; при этомъ твердость и мягкость слѣдующаго

б) Орѳ. *е* отражается какъ *я* и передъ твердыми и передъ мягкими согласными, напр. б*я*ру́, н*я*ве́ста и т. п. Такого рода произношеніе извѣстно въ губерніяхъ Калужской (въ уу. Тарусскомъ, Перемышльскомъ, Лихвинскомъ и Мещовскомъ), Орловской (Елецк. у.), Черниговской (т. наз. сѣверскіе говоры), Рязанской (Скопин. у. и другихъ южныхъ), Тамбовской (Липецк. и Кадом. уу.) и Воронежской. Возможно, что яканье въ указанныхъ говорахъ отчасти представляетъ собою результатъ расширенія *я* на счетъ *и*, т. е. стало употребляться по аналогіи и въ положеніи передъ мягкими согласными. Но можно также предполагать, что расширеніе яканья началось еще до измѣненія *е* въ *и*, при чемъ оно частію развилось фонетически изъ *е*, частію же распространилось путемъ аналогіи на мѣсто послѣдняго гласнаго.

в) Мы переходимъ теперь къ послѣдней варіаціи въ отраженіи орѳ. *е*, именно—къ полному „иканью". Область этого явленія захватываетъ собою болѣе или менѣе губерніи Московскую, Калужскую (Мосал. у.), Тульскую (Крапив. и Новосил. уу.), Орловскую (Ливен. у.), Курскую (Новооскол.,

---

согласнаго не оказываетъ никакого вліянія на появленіе того или другаго рефлекса. Просматривая діалектическіе матеріалы г. Добролюбова въ его Смоленскомъ Этнографическомъ Сборникѣ т. I (1891) и II (1894), на которые между прочимъ опирается акад. Шахматовъ, мы убѣдились не только въ правильности обобщенія, но также и въ томъ, что и другіе говоры Смоленской губ. подходятъ подъ этотъ типъ. Что касается *Обоянскаго* говора, то Л. Л. Васильевъ въ статьѣ «Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ» (1904), опираясь на многочисленные примѣры, устанавливаетъ уже нѣсколько иныя правила для двоякаго отраженія *е* (а также *ѣ*) въ первомъ предъударенномъ слогѣ, а именно: отраженіе *е* въ видѣ *и* наблюдается въ томъ случаѣ, когда ударенный слогъ имѣетъ гласный *а*, *ѣ* или основное *о*; отраженіе въ видѣ *я* встрѣчается передъ прочими ударенными гласными, т. е. узкими—*у*, *ы*, *і*, а также передъ *е* и бѣглымъ *о*. Нѣкоторые говоры не подходятъ, по-видимому, ни подъ одинъ изъ этихъ типовъ, срв.: в*я*ли́к, в*я*н'цу́ || в*и*н'ча́нью, д*и*ре́wня, хр*и*шше́нья (с. Пяту́шки Новосил. у. Тульской губ.; см. тексты въ статьѣ проф. Будде «О говорахъ Тульской и Орловской губерній, 1904 г., стр. 12—14).

Бѣлгород. уу.), Воронежскую (мѣщанскій говоръ гор. Воронежа), Псковскую (у Псковскаго оз.). Нужно сказать, что этотъ говоръ, наиболѣе близко подходящій въ разсматриваемомъ отношеніи къ московско-литературному произношенію, представляетъ собою вмѣстѣ съ послѣднимъ результатъ распространенія иканья на счетъ яканья, т. е. обратно предшествующей варіаціи, и—быть можетъ—отчасти обязанъ московской колонизаціи.

Всѣ указанныя нами варіаціи отраженія орѳ. *е* въ первомъ предъударенномъ слогѣ встрѣчаются также и въ области *ѣ*, напр. б*я*жалъ, д*и*вчонка, расцв*я́*ли и т. п.

Что касается отраженія *Е* и *Ѣ* въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ, то во второмъ слогѣ передъ удареніемъ они обычно являются въ видѣ *и*, равно какъ и послѣ ударенія внутри слова, напр. д*и*рявéньщина, вым*и*ла, зна́*и*шъ (Псков. губ. Великол. у.), хотя въ части говоровъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ встрѣчается индифферентный гласный а̥, напр. ста́н'а̥м, гр'і́в'а̥н (Уфим. губ., с. Охлѣбинино). [1]) На концѣ слова орѳ. *Е* отражается въ видѣ *я*, а частью въ видѣ *и*: въ И. В. ед. существ. ср. р. обычно встрѣчается лишь отраженіе въ видѣ *-я* (напр. пол*я* и т. п.), а въ окончаніи 2 мн. *-те* является въ однихъ говорахъ въ видѣ *-тя*, а въ другихъ въ видѣ *-ти* (напр. пажа́луй*тя*—Сычев. у. Смол. губ., пайдё*ти*—въ Вышнемъ Волочкѣ Твер. губ.) и притомъ безъ видимаго отношенія къ вышеразсмотрѣннымъ тремъ варіаціямъ яканья и иканья; орѳ. *Ѣ* въ концѣ словъ обычно отражается въ видѣ *и* и сравнительно рѣдко въ видѣ *-я*, какъ напр.—в до́м*я* (Щигров. у. Курской губ.).

3) *Придувное произношеніе* **г** не можетъ считаться такою постоянною чертою южно-великорусскихъ говоровъ, какъ напр. аканье въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ. Въ нѣ-

[1]) Такое же произношеніе извѣстно и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, напр. въ Рязан. губ.

которой части говоровъ это явленіе совершенно отсутствуетъ и *г* имѣетъ тамъ взрывное произношеніе, какъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, напр. агóн' (=сѣв.-влр. огóн'). Такой выговоръ *г* встрѣчаемъ въ Московскомъ говорѣ, находящемся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ, а также въ губерніи Калужской (Боров. у.), Рязанской (въ нѣкоторыхъ частяхъ Касим. у.), Пензенской (с. Лада Саранскаго у.), Нижегородской (с. Хилково Лукоянов. у.), Уфимской (с. Охлѣбинино) и др. При этомъ отдѣльныя слова, преимущественно возвышеннаго характера, встрѣчаются съ придувнымъ произношеніемъ *г*=*γ* (напр. *γ*ас-пóт'), что наблюдается также и въ сѣв.-влр. нарѣчіи. Что касается болѣе южныхъ говоровъ акающаго типа, то почти всѣмъ имъ свойственно придувное произношеніе *г* (т. е. г=*γ*), подобно нарѣчіямъ малорусскому и бѣлорусскому, къ которымъ они прилегаютъ.

4) Весьма распространенною чертою южно-великорусскаго консонантизма является произношеніе *w* (ў) вм. *в* въ положеніи передъ согласными и на концѣ словъ, напр. *w*ре́мя, *w*сю, здарó*w* (южная или за-окская часть Рязанской губ., Новосил. у. Тульск. губ., Мещов. у. Калуж. губ.). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слышится *w* вм. *в* также передъ гласными, преимущественно губными ударяемыми; срв. *w*óлъс'т'и, панё*w*у ‖ с'пир'*в*á, *в*яли́к, жы*в*ё́т', *в*ин'чя́нью (Пятýшки Новосил. у.). Московскому говору свойственно произношеніе *в*, смѣняющагося на *ф* въ концѣ словъ и передъ глухими согласными.

5) Переходимъ теперь къ указанію нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностей, оставляя въ сторонѣ тѣ, о которыхъ уже говорилось раньше (см. пунктъ 2-ой).

а) Окончаніемъ Род. ед. извѣстныхъ мѣстоименій и также прилагательныхъ въ муж. и ср. родѣ обыкновенно служитъ -*γ*ó ‖ -*γ*ă, срв. ка*γ*ó, чя*γ*ó, ни́жня*γ*а (Новосил. у. Тульск. губ.); но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, при произношеніи г=*γ*, встрѣчаемъ въ указанныхъ случаяхъ окончаніе -вó ‖ -вă, при чемъ ударяемое окончаніе произносится мѣстами какъ

-wó (напр. дер. Хуторь Новосил. у. Тул. губ.); но въ тѣхъ акающихъ говорахъ, въ которыхъ *г* имѣетъ взрывное произношеніе, обычно произносится *-вó*, а не -wó (напр. въ дер. Козлово того же уѣзда).

б) 3 ед. и мн. настоящаго (будущаго) времени обыкновенно имѣютъ окончаніе *-тъ*, напр. сработыи*ть*, гываря*ть* (Мещов. у. Калуж. губ.); впрочемъ въ 3 ед. глаголовъ на *-áю* можетъ отсутствовать это окончаніе, напр. знáя, зъхварáя (Пятушки Новосил. у.); рѣже окончаніе *-тъ* можетъ отсутствовать въ 3 мн., напр. пью || пьють (Манáнки Бѣлев. у. Тульск. губ.). Въ глаголахъ перваго спряженія съ удареніемъ на окончаніи въ части говоровъ въ среднихъ лицахъ произносится гласный ’є || ’ӕ, срв. жывѣть, стриһѣм (Пятушки Новосил. у. Тульск. губ.), тогда какъ въ другихъ ё, напр. идёть (дер. Паньково Орловск. у.), даёшь (Мещов. у. Калуж. губ.).

в) Въ спряженіи на *-ся* кромѣ окончанія -с’а или сокращеннаго -с’ встрѣчается и *-си*, особенно во 2 ед. наст. (буд.), напр. баис’*си*. [1])

Примѣчаніе. Кромѣ представленныхъ нами наиболѣе крупныхъ особенностей и ихъ варіацій, въ южно-великорусскомъ нарѣчіи существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ менѣе значительныхъ варіирующихъ чертъ, могущихъ служить для опредѣленія болѣе мелкихъ діалектическихъ группъ, Таково напр. свойственное многимъ говорамъ произношеніе *к* мягкаго вм. твердаго послѣ мягкихъ согласныхъ: печ*кю*, шей*кя* и т. п. (Мещов. у. Калуж. губ, Новосил. у. Тульск. губ и т. д.), [2]) мягкое произношеніе *жж* и *шш* (въ такихъ словахъ, какъ дождя, дождь) въ говорахъ московскаго типа, произношеніе *т’* вм. *к’*, распространенное между прочимъ по

[1]) Московскому говору свойственны твердыя окончанія, т. е. *-са*, *-с*.

[2]) Обыкновенно это явленіе считаютъ чисто фонетическимъ; но намъ кажется, что толчокъ къ нему былъ данъ факторомъ аналогіи, благодаря тому, что формы типа «печ*ки*», «печ*къ*» стали передавать свое мягкое *к* особенно послѣ мягкихъ согласныхъ другимъ падежнымъ формамъ тѣхъ же словъ, напр. «печ*кю*» и т. д. Впослѣдствіи же, когда такія образованія стали обычными, произношеніе *к’* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ настолько утвердилось въ говорѣ, что стало появляться и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вовсе не было морфологическаго повода для дѣйствія аналогіи, какъ напр. въ частицахъ, срв. толь*кя* и т. п.

старо-московскому тракту отъ Боровска почти до Москвы, окончаніе *-уя* вм. *-ую* въ В. ед. прилагательныхъ ж. р., [1]) мѣстоим. формы Р. В. ед. *мине, тибе*; и т. д.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія южно-великорусскихъ говоровъ представимъ для иллюстраціи ихъ нѣсколько текстовъ, записанныхъ разными изслѣдователями болѣе или менѣе фонетически.

1.

ѣălавá-ль ты мая́,
Жы́зь заўдáлăя,
Зăѣуби́ла миня́ мълатцá,
Мъладéцкыю жы́зь зăѣуби́ла,
И ў тимни́цу мине́ призъвеілá.
'Абамру́ нă тирéмнай пасьтéли,
Пъхарóнють мине́ кой-как,
Пъхарóнють, зимлёю зарóють:
Ни паплáчить ради́мая мать
Ли чиво я на с'вѣ́тя ўради́лсяі,
На штó рăдилá мине́ мáть?
Ли таво я на с'вѣ́тя рăди́лся:
Тирéмныю жы́сь йспытáть.
Вы сьлитáйтя вы, мéлкіји пташки,
На зилёну маѣи́лу маю,
Вы васпóйтя пичя́льную пѣ́сьню
Нăд маи́м диривя́нным крястóм.
(с. Куликовка, Орлов. уѣзда и губ.). [2])

2.

Нá мари у́тушка сыкупáлыся, ви́димши силизéнюшку схырани́лыся за тѣ́ гóры за кру́тыи, за тѣ́ пяски́ за жóлтыи. Въ тéрими Хрисьти́ньюшка сныряжáлася, ви́димши, ви́димши Ти́хунушку схырани́лыся за тѣ́ сталы́ за дубóвыи, за скатирьти шалкóвыи.

(д. Калужкина, Мещов. у., Калуж. губ.) [3])

---

[1]) Эта особенность произношенія можетъ быть объяснена такимъ образомъ, что съ возникновеніемъ *-я* въ И. В. ед. сред. р. сложныхъ прилагательныхъ, этотъ гласный сталъ чувствоваться необходимымъ конечнымъ элементомъ въ сложныхъ формахъ данныхъ падежей какъ для средняго, такъ и для женскаго рода, а потому онъ сталъ прибавляться и въ В. ед. жен. рода къ соотвѣтствующимъ простымъ формамъ прилагательныхъ, т. е. пустá—пустá*я*, пустó—пустó*я*, пусту́—пусту́*я*.

[2]) Будде Е. Ѳ. О говорахъ Тульской и Орловской губерній (1904) стр. 44.

[3]) Чернышевъ В. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда (1901) стр. 31.

III. Бѣлорусское нарѣчіе.

Бѣлорусское нарѣчіе, какъ мы уже упоминали, представляетъ собою вѣтвь южно-великорусскаго нарѣчія, т. е. сохраняя главнѣйшія черты этого послѣдняго (напр. аканье, придувное произношеніе *г* и др.), оно имѣетъ и свои характерныя особенности, которыя мы перечислили въ началѣ настоящей главы. Такъ какъ первыя уже разсмотрѣны нами съ достаточною подробностью, то мы остановимся теперь на чертахъ спеціально бѣлорусскихъ.

1) Явленіе *дзеканья* и *цеканья* въ области бѣлорусскаго нарѣчія представляетъ собою черту, занимающую значительную площадь: она начинается прямо отъ западной границы этого нарѣчія, гдѣ бѣлорусская рѣчь соприкасается съ польскимъ языкомъ, обнимаетъ почти всю бѣлорусскую площадь, теряясь постепенно къ тѣмъ окраинамъ ея, которыя соприкасаются съ областями литовскаго языка и нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, т. е. на сѣверѣ, востокѣ и юго-востокѣ. Такимъ образомъ разсматриваемое явленіе въ западной части бѣлорусской области не представляетъ какихъ-либо переходныхъ фазъ, что естественно поставить въ связь съ тѣмъ фактомъ, что сосѣдній польскій языкъ имѣетъ аналогичное дзеканье и цеканье (срв. б ѣ л о р. д͡з'ен', ц'іхă и п о л ь с к. dzień, cicho); въ существованіи такой связи насъ убѣждаетъ и то, что на прочихъ своихъ окраинахъ, гдѣ бѣлорусскіе говоры соприкасаются съ говорами, не имѣющими данной черты, постепенно утрачивается интенсивность явленія. Съ точки зрѣнія физіологической, происхожденіе дзеканья и цеканья можетъ быть понято такъ: при нѣкоторомъ замедленіи въ рекурсіи мягкихъ *д* и *т*, т. е. при уменьшеніи скорости отнятія языка отъ передняго неба, возникаетъ вслѣдъ за мягкимъ взрывнымъ соотвѣтствующій придувной призвукъ, и та-

кимъ образомъ получаетъ начало дифтонгизація этихъ взрывныхъ согласныхъ. [1])

2) *Твердое произношеніе* р *вмѣсто мягкаго* наблюдается во всей юго-западной половинѣ бѣлорусской области, ограничиваясь съ востока линіей, идущей приблизительно отъ Люцына къ Витебску и отъ Витебска къ Новозыбкову, [2]) за которою уже уменьшается чистота явленія, т. е. появляются случаи мягкаго произношенія *р*, нерѣдко даже не на мѣстѣ, а при переходѣ къ говорамъ великорусскимъ употребленіе твердаго и мягкаго *р* пріобрѣтаетъ уже ту правильность, какая свойственна послѣднимъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что область исключительно твердаго *р* прилегаетъ своими западными и южными границами къ тѣмъ языковымъ областямъ, которыя или совсѣмъ не знаютъ мягкаго *р* (таковъ польскій языкъ), или же расширили употребленіе твердаго *р* на счетъ мягкаго (малорусскій языкъ). Что касается физіологической основы разсматриваемаго явленія, то мы представляемъ его себѣ такимъ образомъ: согласный *р* по своей артикуляціи относится къ альвеолярнымъ согласнымъ, какъ и шипящіе *ш* и *ж*, имѣющіе тенденцію къ отвердѣнію; поэтому намъ кажется вѣроятнымъ допустить, что процессъ отвердѣнія *р* былъ связанъ здѣсь съ альвеолярной природой согласнаго *р* и представляетъ собою расширеніе процесса отвердѣнія другихъ альвеолярныхъ согласныхъ (*ш* и *ж*), согласуясь въ этомъ случаѣ и съ сосѣдними языками. [3])

[1]) Замѣтимъ еще, что дзеканье и цеканье встрѣчается въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ, какъ напр. въ Тверскомъ уѣздѣ, также въ Яросл. губ. въ уу. Моложскомъ и Пошехонскомъ, въ Нижегор. губ. въ Княгин. у., въ говорѣ уральскихъ казаковъ. Кое-гдѣ эта особенность можетъ быть отнесена на счетъ бѣлорусскихъ переселенцевъ, но въ другихъ случаяхъ такихъ указаній не имѣется, такъ что можно предполагать и самостоятельное развитіе даннаго явленія.

[2]) См. карту бѣлорусскаго нарѣчія въ трудѣ проф. Е. Ѳ. Карскаго «Бѣлоруссы», т. I (1903).

[3]) Употребленіе твердаго *р* вм. мягкаго мы находимъ также въ югославянскихъ языкахъ, доказывающее обычность такого процесса, хотя впро-

3) *Удвоеніе согласныхъ*, характерное для бѣлорусскаго нарѣчія, получилось изъ сочетанія мягкихъ передне-язычныхъ согласныхъ съ j, напр. *жыццё* („житье“), *безлюддзе*, *полѣссе*, *гряззю*, *мышшáк*, *ружжó*, *обличче*, *свиння́*, *ллюць* („льютъ“). Такому удвоенію обычно не подвергаются (за исключеніемъ спорадическихъ случаевъ) губные согласные, которые въ подобныхъ сочетаніяхъ съ j являются даже отвердѣвшими, напр. *пъю*ць, ка*пъ*ё, *бъ*юць, са*ўю* („совью“) и т. п.; подобнымъ образомъ не подвергается удвоенію и отвердѣвшее *р*, хотя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ извѣстно мягкое *р*, можно встрѣтить и случаи типа звѣ*ррé* и т. п. [1])

4) *Замѣна не только твердаго в, но и твердаго л черезъ w въ концѣ словъ и въ положеніи передъ согласными* является постоянною чертою въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, подобно малорусскому. Такая замѣна *л* черезъ *w* служитъ однимъ изъ отличій бѣлорусскаго нарѣчія отъ южно-великорусскаго, въ которомъ—какъ мы знаемъ—наблюдается полугласный *w* лишь на мѣстѣ литературнаго *в* и только въ говорахъ переходныхъ къ бѣлорусскому нарѣчію (какъ напр. въ Смоленской губ.) встрѣчается *w* и на мѣстѣ *л*. [2]) Чтобы понять физіологическую природу измѣненія *л*→*w*, необходимо допустить болѣе заднюю артикуляцію языка при произношеніи твердаго *л*, что въ свою очередь обусловливаетъ присоединеніе участія губъ и вообще переходъ артикуляціи изъ язычной въ губно-губную. Такому преобразованію звука (*л*→*w*) могло способствовать также то, что подобный звукъ

чемъ въ другихъ языкахъ наблюдаемъ иной путь развитія мягкаго *р* (напр. въ польск. и чеш.).

[1]) Разсмотрѣнное нами удвоеніе смягченныхъ передне-язычныхъ согласныхъ, свойственное—какъ мы знаемъ—также малорусскому языку, выходитъ нѣсколько за предѣлы бѣлорусской области, встрѣчаясь напр. въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ Смоленской губ.

[2]) Вообще, эта пограничная область представляетъ сложныя комбинаціи чертъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, такъ что иногда изслѣдователь сильно затрудняется, къ которому изъ этихъ нарѣчій отнести данный говоръ.

(*w*) уже имѣлся въ языкѣ въ тѣхъ же условіяхъ на мѣстѣ литературнаго *в*.

5) Изъ *морфологическихъ* отличій бѣлорусскаго нарѣчія, которыя раздѣляетъ также малорусское нарѣчіе, отмѣтимъ прежде всего *сохраненіе переходно-смягченныхъ окончаній въ склоненіи*, напр. на ра*цѣ* („на рѣкѣ"), на даро́*зи*, к ма́т*цы* (т. е. къ маткѣ=къ матери), на ко́й*цы* („на койкѣ") и т. п. Другою особенностью является окончаніе *-ый* (въ части говоровъ *-эй*), соотвѣтствующее рус. литерат. *-о́й въ И. ед. прил. муж.*, напр. ворон*ый*, золот*ый* и т. п.; аналогичнымъ образомъ *въ глаголѣ* встрѣчаемъ типъ спряженія на *-ыю*=лрн. *-о́ю*, срв. р*ы*ицъ („роетъ"), ум*ы*йся, а въ повелит. наклоненіи находимъ еще въ извѣстныхъ глаголахъ окончаніе *-ій*=лрн. *-е́й*, напр. б*і*й, п*і*й.

Въ заключеніе приведемъ для образца отрывокъ бѣлорусскаго текста:

Изъ сказки „*Несчастное дитя*".

Ходзила яна одна, ходзила, и вышла къ дорози. Сѣла подъ е́лкой отдыхнуць и родзила сына. Ставъ тэй сынъ рэсць не по днямъ, ды по часамъ, и тойчасъ ставъ зъ маткой говорицъ. Вотъ матка и гово́рицъ ему: ци вѣдыешъ, сынокъ? Я ужо ходжу по гэтымъ лѣси три дни, и нема ў мяне ничо́го ѣсци! А ёнъ кажецъ: «цише, мама! я табѣ яды разстараюся!» Вотъ ставъ ёнъ на ноги и пошовъ по дороги, а матку подъ е́лкой покипывъ. Ишовъ, ишовъ, видзицъ—ѣдуцъ купцы. Ёнъ узявъ, дубовъ понавыдярнувъ и заваливъ дорогу. А самъ сѣвъ во́дали и сядзицъ. Пріѣхыли купцы къ гэтому мѣсту и стали говорицъ, якъ-бы имъ нераѣхыцъ. Ёнъ тоды уставъ и подыйшовъ къ имъ. «Што вы мнѣ дасцё, я вамъ расчищу дорогу?»—Што хочешь, то й возьми, тольки расчисци! Набравъ ёнъ много разнаго ѣдзеньня и раскидавъ дубы. Купцы и поѣхали. Варнувсь ёнъ къ матцы: «вотъ, мама, ёсь и яда!»

(д. Климовичи, Сѣнн. у., Могил. губ.). [1])

[1]) Е. Р. Романовъ Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, вып. 3, стр. 18. Для упрощенія своей транскрипціи собиратель въ случаяхъ аканья примѣнялъ обычный ороографическій принципъ письма, но не фонетическій; начертаніе г=γ.

IV. Малорусское нарѣчіе.

Если мы пересмотримъ тѣ особенности малорусскаго нарѣчія, которыя перечислены нами въ предварительномъ обзорѣ (стр. 280—281), то замѣтимъ, что эти особенности на столько значительны и многочисленны, что позволяютъ считать малорусскіе говоры за такое нарѣчіе русскаго языка, которое занимаетъ уже переходное положеніе между нарѣчіемъ и языкомъ. Въ виду такого характера малорусскаго нарѣчія, мы не будемъ разсматривать всѣ его діалектическія различія, а остановимся лишь на украинскомъ типѣ говоровъ (напр., полтавской губ.), какъ наиболѣе близкихъ къ литературному малорусскому. При этомъ мы не станемъ еще разъ указывать особенности малорусскаго нарѣчія, а перейдемъ къ описанію его звуковой системы, въ особенности гласныхъ, которая значительно отличается отъ звуковой системы великорусской рѣчи и можетъ оказаться мало извѣстной читателю. [1])

Относительно *ударяемыхъ* гласныхъ малорусскаго языка отмѣтимъ слѣдующія особенности ихъ произношенія:

Наиболѣе существенную особенность представляетъ тотъ гласный звукъ, который соотвѣтствуетъ великорусскимъ *ы* и *і* и слышится какъ средній звукъ между этими двумя съ легкимъ оттѣнкомъ *э* (для фонетической транскрипціи этого гласнаго мы можемъ принять обозначеніе ы или точнѣе—ы^э), напр. т ы^э н (т. е. „*тынъ*“), к у п ы́^{э} w („купилъ“). Въ физіологической точки зрѣнія этотъ гласный долженъ имѣть нѣсколько иную артикуляцію по сравненію съ великорусскими *ы* и *и*, именно—онъ долженъ быть нѣсколько менѣе заднимъ, чѣмъ *ы*, и болѣе заднимъ, нежели *и*.

---

[1]) Описывая звуковую систему малорусской рѣчи, мы примемъ и здѣсь за единицу сравненія живую русскую литературную рѣчь, т. е. представимъ описаніе звуковъ малорусской рѣчи такъ, какъ они воспринимаются ухомъ великоросса.

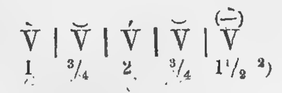
Великорусскому палятальному гласному *э* (е) соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ аналогичный гласный съ тою однакожъ разницею, что онъ является звукомъ среднимъ между *ы*ᵊ и *а* (но не между *і* и *а*, какъ въ великорусскомъ). Соотвѣтственно этому его произношеніе требуетъ нѣсколько болѣе задней артикуляціи по сравненію съ великорусскимъ гласнымъ (въ научно-фонетическомъ письмѣ онъ можетъ быть обозначенъ начертаніемъ *ӓ*). Своеобразность малорусскихъ *ы*ᵊ и *ӓ* усиливается еще тѣмъ, что предшествующіе имъ согласные не смягчаются, а послѣдующіе палятальные согласные не вліяютъ замѣтно на ихъ рекурсію, напр. с а н ӓ́ j („саней"), *γ* у м ӓ́ н'ј а („игуменья").

Гласный, соотвѣтствующій великорусскому ороографическому *ѣ*, слышится какъ чистое мягкое или тонкое *і*, безъ всякаго нюанса *э*, наблюдаемаго при ы; напр.: п о б'і́ *γ* л а („побѣжала, побѣгла"), ч о л о в'і к, w д у́ м ц і́ (Предл. ед.) и т. п. Кромѣ того, такое *і* является при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ (во вторично-закрытыхъ слогахъ) на мѣстѣ этимологическихъ *е* и *о*, напр. р у б л'і́ w, ж'і́ н к а, п о м'і́ *γ* („помогъ"), к'і́ н' („конь"), п ыᵊ р'і́ *γ* („пирогъ"). Во всѣхъ случаяхъ такого мягкаго *і* предшествующій согласный произносится мягко.

Что касается остальныхъ ударенныхъ гласныхъ, т. е. *а* и *о*, то они въ общемъ не представляютъ значительныхъ отличій въ произношеніи съ великорусскимъ; отмѣтимъ только, что малорусское *а* по мѣсту артикуляціи является нѣсколько менѣе заднимъ (какъ бы въ гармоніи съ ыᵊ), а малорусскій гласный *о* по-видимому имѣетъ нѣсколько меньшую степень лябіализаціи. Прибавимъ еще, что иногда ударяемые гласные производятъ впечатлѣніе большей длительности сравнительно съ общерусскимъ произношеніемъ, напр. чужы́ᵊj.

Неударяемый вокализмъ въ малорусской рѣчи не представляетъ столь рѣзкихъ качественныхъ различій, какія наблюдаются въ общерусскомъ произношеніи: въ ней мы встрѣ-

чаемъ лишь сравнительно легкія различія по степени открытости, въ соединеніи съ различіями длительности, высоты [1]) и силы. Распредѣленіе послѣднихъ по слогамъ или, иначе говоря, антропофоническое строеніе словъ въ малорусскомъ въ отношеніи неударяемыхъ слоговъ замѣтно отличается отъ общерусской рѣчи, а именно: слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, производитъ впечатлѣніе довольно слабаго; если же имѣется еще слогъ второй передъ удареніемъ, то таковой получаетъ легкое побочное удареніе; изъ слоговъ послѣударенныхъ слабымъ побочнымъ удареніемъ сопровождается конечный открытый слогъ, обычно въ соединеніи съ нѣкоторою протянутостью, составляющею отличіе его отъ слога втораго передъ удареніемъ; если же конечный неударенный слогъ будетъ закрытымъ, то замѣчается только побочное удареніе; промежуточные неударяемые слоги послѣ ударенія внутри слова принадлежатъ къ болѣе слабымъ. Такимъ образомъ, формула антропофоническаго строенія словъ въ малорусскомъ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:

(между тѣмъ относительная сила слоговъ общерусской рѣчи вообще можетъ быть передана для пятисложнаго слова съ удареніемъ на среднемъ слогѣ рядомъ цифръ: 1—2—3—1—1). Примѣры: ỳ м р е т а̃, п р и ј і х а л и̃ и т. п.

---

[1]) Относительно измѣненія высоты тона въ словахъ малорусскаго языка можно замѣтить, что интервалы между ударяемымъ слогомъ и различными неударяемыми превосходятъ въ общемъ соотвѣтствующіе интервалы литературнаго русскаго произношенія.

[2]) Въ даной формулѣ V обозначаетъ гласный въ слогѣ, значекъ ʹ передаетъ главное удареніе, ` —побочное удареніе, ˘ —краткость, ¯ —длительность гласнаго, | —знакъ дѣленія слова на слоги, цифры выражаютъ относительную силу слоговъ.

Что касается качественныхъ нюансовъ неударяемыхъ гласныхъ, то всего болѣе они выступаютъ при среднихъ гласныхъ *о* и *е*, на которыхъ мы и остановимся.

Неударяемый гласный *е* имѣетъ довольно открытый характеръ въ концѣ слова, значительно приближаясь по степени открытости къ ударяемому *е*, напр.: к а́ ж ӓ („говоритъ“), с’а́ д ӓ („сядетъ“). Нѣсколько меньшая степень открытости гласнаго *е* будетъ въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ, если ударяемый слогъ содержитъ средне-широкіе гласные *а* или *ӓ* (такой оттѣнокъ гласнаго мы обозначимъ черезъ ӓ̣), напр. д ӓ̣ р ж а́ w („держалъ“), п ӓ̣ ч а́ („печетъ“); передъ другими же ударяемыми гласными гласный *е* становится болѣе закрытымъ (обозначимъ его начертаніемъ ẹ), напр. н ẹ с у́ т’, л ẹ ж ы́ т’. Такое различіе степени открытости *е*, очевидно, представляетъ собою родъ гармонической ассимиляціи къ послѣдующимъ ударяемымъ гласнымъ. Впрочемъ въ говорахъ степень закрытости обѣихъ разновидностей *е* варіируетъ, доходя иногда до предѣла; въ этихъ случаяхъ гласный *е* можетъ слышаться уже какъ ы̣ᵊ. Въ послѣударенныхъ слогахъ внутри слова гласный *е* отражается приблизительно такъ же, какъ въ слогѣ, предшествующемъ ударенным узкимъ гласнымъ, при чемъ въ говорахъ и здѣсь неударяемый гласный можетъ доходить до стадіи ы̣, напр. б у́ д ẹ ш || б у́ д ы̣ ш. Что касается слога втораго передъ удареніемъ, то—какъ уже упоминалось—на него падаетъ побочное удареніе, соотвѣтственно съ чѣмъ онъ является нѣсколько шире перваго предъударѳннаго, напр. п è р ẹ п л ы̣́ᵊ л ы̣.

Отраженія неударяемаго *о* представляютъ слѣдующую градацію оттѣнковъ по степени открытости, начиная съ наибольшей:

1) Въ конечномъ открытомъ слогѣ: б о̣ л о́ т о̄.

2) Въ конечномъ закрытомъ слогѣ: w γ о́ р о̀ д.

3) Въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ: х о̣ д’ і́ м „пойдемъ!“ (но нашъ гласный представляетъ въ этомъ положеніи

меньшую закрытость при гласномъ *а* въ ударяемомъ слогѣ, напр. *лошà* „лошадь"). Что касается втораго слога передъ удареніемъ, то и здѣсь онъ сопровождается побочнымъ удареніемъ, а потому гласный, можно думать, имѣетъ слегка меньшую закрытость.

Въ заключеніе мы должны сказать, что въ говорахъ закрытость неконечнаго неударяемаго *о* варіируетъ, болѣе или менѣе приближаясь къ *у*.

Въ тѣсной физіологической связи съ характеромъ вокальной системы въ малорусскомъ находится характеръ *системы согласныхъ*, а именно: каково различіе малорусскаго гласнаго ы̣ᵊ отъ великорусскаго *ы*, таково же различіе и твердаго произношенія согласныхъ въ этихъ двухъ языкахъ. Если при произношеніи отдѣльнаго твердаго мгновеннаго согласнаго у великоросса можетъ послышаться призвукъ *ы* (напр. тʸ), то въ произношеніи малоросса такимъ призвукомъ будетъ ы̣. Такимъ образомъ, система *твердыхъ* малорусскихъ согласныхъ нѣсколько отлична отъ соотвѣтствующей великорусскихъ, являясь по сравненію съ послѣдней нѣсколько болѣе средне-язычною. Разницы въ произношеніи *мягкихъ* согласныхъ въ тѣхъ же языкахъ не замѣтно.

Изъ частностей нужно отмѣтить существованіе твердыхъ и мягкихъ *ш*, *ж* и даже *ч*, напр.: **ша́пка**, **шы̣́ᵊты** || **ш'іст'**; **жы̣́ᵊты** || **ж'інка**; **чы̣́ᵊстыј** || **ч'ілка**. Упомянемъ также о той характерной чертѣ, что звонкіе согласные въ концѣ словъ и передъ глухими согласными обычно сохраняютъ въ малорусскомъ свою звонкость, напр. **ра́д**, **мере́жка** (т. е. родъ вышивки). Согласный ј передъ *і* (изъ *ѣ*) очень замѣтенъ, напр, **јі́халы̣**, **прijі́халы̣**; наконецъ, отмѣтимъ еще губно-губное **w**=лрн. великор. *л* и *в*, въ положеніи на концѣ словъ и передъ согласными.

Все вышесказанное о малорусскомъ произношеніи достаточно обрисовываетъ отличіе звуковой системы великорусской отъ малорусской, такъ что великороссу, который бы

пожелалъ въ точности усвоить малорусское произношеніе, необходимы болѣе или менѣе продолжительныя упражненія, чтобы привыкнуть къ нѣсколько другой *системѣ артикуляціонныхъ укладовъ.*

Примѣчаніе. Мы не станемъ описывать діалектическихъ различій малорусскаго языка, довольно многочисленныхъ, [1]) но не можемъ не упомянуть о главнѣйшемъ подраздѣленіи малорусскихъ говоровъ у насъ на сѣверные и южные. Главнымъ отличіемъ полосы сѣверныхъ говоровъ отъ южныхъ служитъ присутствіе въ первыхъ *дифтонговъ* тамъ, гдѣ во вторыхъ уже имѣется простой гласный *і* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ; [2]) срв. куэн'=к'ін' («конь»), пуыч=н'іч («ночь»), піэч=п'іч («печь»).

Въ заключеніе приведемъ малорусскій текстъ въ орѳографической передачѣ, принятой въ Россіи: [3])

О тимъ, зъ чого взялысь ведмéди.

Йшóвъ разъ Госпóдь зъ Св. Петрóмъ чѐрезъ мистъ, а зъ-пидъ мóсту вы́бигъ чолови́къ у вы̀вернутому кожýси,—винъ за здалегидь йще заховàвся тамъ, и дýмка бъ то булà въ ёго злякáты Ісýса и Петрà,—та якъ кри́кне: «ве»!.. а Госпóдь одвернýвсь одъ ёго, плю́нувъ й сказавъ: «ну, такъ иды̀ жъ теперъ собі у ций шкýри на вси крайи̇ свúта, лякàй лю́дей, а лю́ды тебѐ». Пишóвъ тоди̇ той чолови́къ ведмéдемъ, а зъ ёго й намнóживсь вже й по всёму свúту ведмéжий ри́дъ. Отъ тымъ то ведми́дь й похóжий на люды́ну.

(Сл. Бѣлое Куракино, Старобѣльскаго у., Харьковской губ.). [4])

---

[1]) См. Соболевскій А. Очеркъ русской діалектологіи, вып. III-ій: Малорусское нарѣчіе (въ трудѣ даются и подробныя указанія на литературу предмета).

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ впрочемъ согласный произносится полумягко, если это *і* получилось изъ вторично-закрытаго *о*.

[3]) Особенности этой орѳографіи состоятъ въ томъ, что въ ней гласный ы обозначается начертаніемъ *ы*, гласный і со смягченіемъ предшествующаго согласнаго — начертаніемъ *и*, согласный j — черезъ й (въ Галиціи орѳографія малорусская нѣсколько иная: въ ней *и* обозначаетъ собою гласный ы, буква *і*—гласный і со смягченіемъ предшествующаго согласнаго и, наконецъ, ї=ji и є=je).

[4]) См. Харьковскій Сборникъ, вып. 9-й (1895) стр. 242.

Глава XV.

Очеркъ исторіи русскаго языка.

Исторія каждаго языка имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе того, какъ данный языкъ достигъ современнаго состоянія, начиная отъ древнѣйшаго своего исходнаго пункта, до котораго можетъ достигать изслѣдователь. При этомъ исторія языка естественно распадается на два послѣдовательныхъ отдѣла: исторія до появленія письменности, возстанавливаемая путемъ сравненія съ родственными языками, и позднѣйшая исторія, опирающаяся уже на данныя письменныхъ памятниковъ. Соотвѣтственно этому мы займемся сначала исторіей русскаго языка въ до-историческія эпохи, понимая подъ послѣдними времена, предшествовавшія возникновенію у насъ письменности.

Примѣчаніе. Лингвистъ, изслѣдуя явленія языка, можетъ открывать въ нихъ признаки, позволяющіе ему заключать о томъ, которыя изъ этихъ явленій болѣе древняго и которыя болѣе поздняго происхожденія. На основаніи такихъ признаковъ онъ старается расположить эти явленія по времени ихъ возникновенія или—говоря иначе—въ ихъ хронологической послѣдовательности отъ древнѣйшаго состоянія до позднѣйшаго («соотносительная» хронологія процессовъ), при чемъ, съ переходомъ къ историческому времени, сохранившіеся письменные памятники разныхъ вѣковъ позволяютъ уже изслѣдователю устанавливать для тѣхъ или другихъ явленій болѣе точныя хронологическія даты («документальная» хронологія).

ДО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Русскій языкъ своимъ древнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ аріо-европейскій праязыкъ, общій также и нѣкоторымъ другимъ языкамъ, которые поэтому вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ принадлежатъ къ одному языковому семейству, именно— „аріо-европейскому" или „индо-европейскому" (см. стр. 4, сн. 1). Нужно оговориться, что самый праязыкъ этого семейства не сохранился въ своемъ первоначальномъ видѣ, а дошелъ до насъ лишь въ своихъ языкахъ-потомкахъ, почему его первоначальное состояніе возсоздается гипотетически по даннымъ этихъ языковъ; что же касается самаго предположенія праязыка, то оно съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ массоваго сходства въ словахъ и грамматическомъ строѣ языковъ, составляющихъ данное семейство. Какъ увидимъ, русскій языкъ съ его діалектами произошелъ не непосредственно изъ этого праязыка, но черезъ рядъ посредствующихъ болѣе частныхъ праязыковыхъ состояній. Въ самомъ дѣлѣ, аріо-европейскій праязыкъ, подобно каждому языку, долженъ былъ въ своемъ развитіи образовывать діалекты, которые все болѣе расходились между собою и превратились въ самостоятельные языки, которые въ свою очередь послужили праязыками новыхъ языковыхъ вѣтвей; сравнительная грамматика принимаетъ въ качествѣ вторичныхъ праязыковъ слѣдующіе: индо - иранскій или арійскій, армянскій, греческій, албанскій, италійскій, кельтскій, германскій и литво-славянскій. [1]) Въ дальнѣйшемъ развитіи арійскій праязыкъ распался на вѣтви индійскую и иранскую, а праязыкъ литво-славянскій, распавшись, далъ начало праязыкамъ литовскому и славянскому. Послѣдній въ свою очередь съ теченіемъ времени образовалъ нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ восточная послужила основаніемъ или пра-

---

[1]) Въ нашемъ послѣдующемъ обзорѣ мы оставимъ въ сторонѣ вѣтви армянскую и албанскую, какъ представляющія лишь побочное значеніе въ вопросѣ о генетическомъ развитіи русскаго языка.

языкомъ для прарусскаго, распавшагося далѣе на два главныхъ діалекта—сѣверный и южный. Такимъ образомъ на пути развитія русскаго языка въ до-историческія времена мы имѣемъ слѣдующіе этапы: 1) состояніе аріо-европейскаго праязыка, 2) литво-славянское единство, 3) общеславянское праязыковое состояніе и 4) основно-русскій языкъ съ его дальнѣйшимъ діалектическимъ развитіемъ.

Примѣчаніе. Само собою понятно, что и остальныя вѣтви аріо-европейскаго праязыка испытали въ свою очередь подобное діалектическое развитіе и такимъ образомъ въ результатѣ изъ одного общаго для всѣхъ ихъ аріо-европейскаго праязыка произошло значительное количество отдѣльныхъ языковъ, различія между которыми столь велики, что дѣлаютъ невозможнымъ взаимное пониманіе безъ предварительнаго изученія другаго языка. Что касается факторовъ, вызывавшихъ постепенный діалектическій ростъ аріо-европейскаго праязыка, то они должны быть въ общемъ тѣ же самые, какіе участвуютъ въ діалектическомъ развитіи каждаго языка и которые уже описаны нами въ началѣ предшествующей главы.

Представимъ теперь характеристику каждаго изъ указанныхъ языковыхъ состояній, ограничиваясь при этомъ лишь самыми необходимыми замѣчаніями.

1) Состояніе аріо-европейскаго праязыка.

Сравнительная грамматика языковъ нашего семейства установила, что аріо-европейскій праязыкъ до своего распаденія успѣлъ достигнуть значительнаго развитія въ своихъ звукахъ и формахъ: при значительномъ звуковомъ разнообразіи онъ обладалъ уже всѣми главными частями рѣчи и имѣлъ вполнѣ развитыя системы склоненія и спряженія. Такъ, онъ различалъ въ именахъ, мѣстоименіяхъ и глаголахъ кромѣ единственнаго и множественнаго еще двойственное число. Въ склоненіи различались кромѣ Зват. семь падежей, въ томъ числѣ Мѣстный и Исходный, которые могли имѣть безпредложное употребленіе, какъ и другіе падежи. Склоненіе мѣстоименное представляло въ части падежныхъ формъ особенности образова-

нія сравнительно съ соотвѣтствующими формами именнаго склоненія. Глаголы аріо-европейскаго праязыка были корневые и производные (отъ именъ и глаголовъ), при чемъ первые представляли два типа спряженія — тематическое и нетематическое, вторые слѣдовали тематическому. Въ спряженіи существовали формы дѣйствительнаго и средняго залога и послѣднія служили также для страдательнаго; различались по образованію четыре наклоненія — изъявительное, сослагательное, желательное и повелительное; категорія временъ была весьма развита: кромѣ настоящаго и будущаго времени существовали четыре типа прошедшаго времени— перфектъ, имперфектъ и два аориста. Наконецъ, еще въ праязыкѣ развились причастныя образованія, а также формы для общаго наименованія дѣйствія—неопредѣленное наклоненіе и отчасти супинъ. Что касается въ частности звуковъ, то въ области вокализма кромѣ простыхъ гласныхъ (*a*, *e*, *o*, *i*, *u*), которые могли быть краткими и долгими, въ немъ существовали два полугласныхъ i̯ и u̯ (или—въ иномъ обозначеніи —*y* и *w*), дифтонги съуживающіеся (ā̆i, ē̆i, ō̆i, ā̆u, ē̆u, ō̆u) [1]) и рѣже расширяющіеся (i̯e, u̯e и др.) [2]), а также полудифтонги, т. е. такія дифтонгическія сочетанія, вторымъ компонентомъ которыхъ былъ одинъ изъ наиболѣе сонорныхъ согласныхъ, т. е. плавный или носовой (напр. сочетанія ar, er, or, el, em и т. д.); къ этому присоединялись въ словахъ опредѣленныя различія въ движеніи тона особенно при долготѣ ударяемыхъ гласныхъ, отчасти отражающіяся и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ современныхъ языкахъ—литовскомъ и въ части славянскихъ. Наконецъ, какъ мы видѣли (стр. 79) вокализмъ аріо-европейскаго праязыка являлся ударяемымъ и не-

[1]) Такъ какъ значокъ ˘ принятъ для обозначенія краткости звука, а черточка ¯ долготы, то оба знака надъ буквою гласнаго показываютъ, что звукъ могъ быть и краткимъ, и долгимъ.

[2]) Такіе дифтонги получались главнымъ образомъ изъ распаденія съуживающихся дифтонговъ въ положеніи передъ гласными, при чемъ второй ихъ компонентъ становился полугласнымъ (т. е. i̯, u̯) и затѣмъ примыкалъ въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему гласному.

ударяемымъ, при чемъ неударенность вела къ ослабленію гласныхъ. Въ области консонантизма аріо-европейскій праязыкъ еще не развилъ категоріи мягкихъ согласныхъ, но уже имѣлъ въ значительной полнотѣ твердые согласные (за исключеніемъ f, š, ž и χ), [1]) при чемъ задне-язычные согласные представлялись двумя рядами—болѣе переднимъ или палятальнымъ [2]) и болѣе заднимъ или велярнымъ; кромѣ того въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовала особая категорія согласныхъ придыхательныхъ, напр. *bh*, *dh* и т. д., т. е. взрывные согласные *b*, *d* и т. д., сопровождаемые звукомъ густаго придыханія. [3])

Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ перечисленныхъ звуковъ нашего праязыка, а именно—задне-язычные согласные, стали представлять діалектическія различія, давшія начало двумъ главнымъ праязыковымъ областямъ—восточной, изъ которой впослѣдствіи образовались вѣтви индо-иранская и литво-славянская, и западной, изъ которой затѣмъ возникли вѣтви греческая, италійская, кельтская и германская. [4]) Различіе между ними заключалось въ томъ, что оба ряда задне-язычныхъ согласныхъ пошли неодинаковыми путями развитія, давши въ той и другой области различные звуки: болѣе передній рядъ (обозначимъ его условно чрезъ присоединеніе къ символу K значка палятальности, т. е. *$\hat{K}$ или K^1) въ восточной

---

[1]) Согласный *z* не существовалъ самостоятельно, а лишь заступалъ мѣсто *s* въ положеніи передъ звонкими взрывными.

[2]) Употребленное здѣсь выраженіе «палятальный» не обозначаетъ вполнѣ мягкаго произношенія соотвѣтствующихъ согласныхъ (какъ напр. въ современномъ русскомъ языкѣ), но лишь сравнительно легкій оттѣнокъ палятальности (въ родѣ напр. нѣмецкаго *k* въ словѣ *Kette*, или т. п).

[3]) Этотъ послѣдній звукъ долженъ былъ произноситься на подобіе нѣмецкаго *h*, напр. въ словѣ «*haben*».

[4]) Мы назвали эти области восточною и западною соотвѣтственно современному географическому расположенію языковъ-потомковъ; возможно, что въ эпоху аріо-европейскаго праязыка эти діалектическія области находились въ иномъ положеніи другъ къ другу, тѣмъ болѣе, что и самое мѣстоположеніе этого праязыка съ достовѣрностью неизвѣстно.

области, сохраняя еще нѣкоторую палятальность, сталъ утрачивать взрывной характеръ, приближаясь къ придувному произношенію (обозначимъ условно этотъ предполагаемый звукъ черезъ $^*\hat{\chi}$) [1]) и въ дальнѣйшемъ развитіи далъ рефлексы типа *s* или *š* (ш), а въ западной области онъ утратилъ свою палятальность, вполнѣ сохранивъ за то взрывное произношеніе; что касается болѣе задняго ряда (обозначимъ его символомъ *Q или $^*K^2$), то онъ въ восточной области сталъ нѣсколько менѣе заднимъ (т. е. *K), а въ западной сталъ сопровождаться лябіализаціей, представляя такимъ образомъ типъ $^*Q^w$. [2]) Кромѣ описаннаго различія между восточною и западною областями аріо-европейскаго праязыка, въ нихъ замѣчается еще неодинаковость въ развитіи первоначальнаго *s*, которое въ восточной области обнаруживаетъ наклонность къ измѣненію въ направленіи къ *š*-χ при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ, а именно—въ положеніи послѣ гласныхъ *i* и *u* и согласныхъ *r* и *k*; что касается западной области, то тамъ хотя ае. *s тоже подвергалось измѣненію, но подъ вліяніемъ уже иныхъ условій. [3])

Оставляя теперь въ сторонѣ западную діалектическую область аріо-европейскаго праязыка, мы остановимся на діалек-

---

[1]) Предположеніе этого посредствующаго звена позволяетъ связать основной праязыковой звукъ $^*\hat{K}$ съ рефлексами, получившимися въ современныхъ языкахъ соотвѣтствующаго отдѣла. Впрочемъ, выставляя такой символъ, мы не опредѣляемъ точно его физіологическаго значенія, а понимаемъ болѣе абстрактно, т. е. выражаемъ даннымъ символомъ лишь общій типъ звука.

[2]) Впрочемъ при нѣкоторыхъ условіяхъ и въ западномъ отдѣлѣ лябіализація отсутствуетъ, какъ напр. въ положеніи передъ гласнымъ *a* (срв. греч. *καπ-νό-ς*=рус. *коп-оть*), а также въ положеніи послѣ лябіальнаго гласнаго *u* (λύκος=волкъ).

[3]) Можно думать, что первоначальное *s представляло уже во времена аріо-европейскаго праязыка нѣкоторыя діалектическія варіаціи, которыя впослѣдствіи и дали неодинаковыя отраженія въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ нашего языковаго семейства.

тическихъ различіяхъ уже только въ восточной области и преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которыя ведутъ къ прарусскому языковому состоянію.

Прежде всего въ восточной половинѣ намѣчаются два единства—индо-иранское и литво-славянское, въ каждомъ изъ которыхъ наблюдается массовое сходство въ словахъ и формахъ. Однако существуютъ нѣкоторые признаки, какъ бы нарушающіе цѣлостность этихъ единствъ. Такъ, напр., первоначальные звонкіе придыхательные (*bh*, *dh*, *gh*) утратили свой придыхательный элементъ въ большей части всей восточной области, сохранившись лишь въ той діалектической части, которая впослѣдствіи дала начало индійской вѣтви; къ этому различію присоединяется также неодинаковое развитіе группъ *dt* и *tt*: въ той же большей части эти сочетанія измѣнились въ *st*, а въ указанной меньшей они дали *tt*. Такимъ образомъ получились частичныя сходства одного единства (литво-славянскаго) съ частью (впослѣдствіи—иранскою) другаго; это можетъ объясняться тѣмъ, что именно съ этою частью арійскаго единства сосѣдило славяно-литовское единство. [1])

2) **Литво-славянское единство.**

Предположеніе эпохи литво-славянскаго единства основывается на обиліи сходныхъ явленій грамматическихъ и лексическихъ между языками славянской и литовской вѣтви. Однако необходимо замѣтить, что для объясненія этого обилія сходствъ существуютъ два предположенія: одно, господствующее въ наукѣ, принимаетъ, что обѣ вѣтви по выдѣленіи изъ праязыка представляли вполнѣ однородную діалектическую еди-

[1]) Въ дальнѣйшемъ намъ не разъ еще придется указывать на подобное вліяніе фактора сосѣдства, благодаря которому вызывалось общеніе сосѣднихъ діалектовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывались и сходныя языковыя явленія.

ницу, которая затѣмъ уже распалась на двѣ вѣтви—литовскую и славянскую; другое предположеніе, основываясь на томъ, что обиліе сходствъ между литовскою и славянскою вѣтвью все-таки не столь значительно, какъ между вѣтвями индо-иранскаго единства, допускаетъ самостоятельное зарожденіе въ аріо-европейскомъ праязыкѣ той и другой вѣтви (литовской и славянской), которыя затѣмъ развили не мало параллельныхъ явленій, быть можетъ — благодаря общенію между собою. [1]) Намъ кажется, что для окончательнаго рѣшенія вопроса необходимо изслѣдовать языковые процессы въ той и другой вѣтви отдѣльно, какъ бы временно допуская, что каждая изъ нихъ развилась самостоятельно изъ праязыка; при этомъ явленія должны располагаться по эпохамъ, начиная отъ праязыковаго аріо-европейскаго состоянія и до позднѣйшаго. Если дѣйствительно та и другая вѣтвь нѣкогда представляли литво-славянское единство, то древнѣйшія эпохи въ ихъ послѣдовательности должны совпадать въ той и другой вѣтви. Въ виду сложности этой задачи мы не беремся здѣсь окончательно рѣшать вопросъ о литво-славянскомъ единствѣ, а просто лишь укажемъ важнѣйшія черты фонетическія и морфологическія, общія для славянской и литовской группъ въ отличіи отъ другихъ.

Въ области вокализма къ такимъ чертамъ отнесемъ прежде всего отраженіе краткихъ средне-широкихъ гласныхъ, а именно: краткая тріада праязыковыхъ *ĕ, *ŏ и *ă въ той и другой вѣтви дала не три соотвѣтствующихъ рефлекса, а только два вслѣдствіе того, что оба не-палятальные гласные (т. е. *ŏ и *ă) совпали въ одномъ звукѣ; [2]) между тѣмъ въ арій-

[1]) Проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, не являющійся рѣшительнымъ сторонникомъ той или другой точки зрѣнія, объясняетъ указанную близость литовской и славянской вѣтви тѣмъ, что «обѣ эти группы находятся на относительно древней степени развитія и поэтому обладаютъ большимъ количествомъ однородныхъ языковыхъ явленій».

[2]) Замѣтимъ, что въ разсматриваемыхъ вѣтвяхъ этому совпаденію предшествовало измѣненіе *ĕ→ŏ въ положеніи передъ согласнымъ *v*, за ко-

ской области упомянутая тріада дала одинъ только гласный звукъ. Затѣмъ славянская и литовская вѣтвь обособляются отъ другихъ еще и одинаковыми рефлексами праязыковыхъ слабыхъ неударяемыхъ гласныхъ, въ особенности *ĕ: въ то время какъ другія вѣтви доводятъ ослабленіе этого гласнаго до нуля, вѣтви славянская и литовская оказываются, по-видимому, болѣе консервативными и сохраняютъ его, но уже въ видѣ ĭ, срв. греч. *μ̯νήμη* „память“ ≠ лит. mĭnéti „помнить, вспоминать“, ст.-сл. **мьнѣти** „думать“. Наконецъ, между литовской и славянской вѣтвями наблюдается значительное соотвѣтствіе въ типахъ ударенія, какъ это можно видѣть напр. изъ сравненія русскихъ формъ зимá—зи́му и соотвѣтствующихъ литовскихъ žëmà—žẽmą [1]), и др.

Въ области консонантизма вѣтви литовская и славянская въ разсматриваемую эпоху своего единства не произвели особенно замѣтныхъ перемѣнъ, которыя получились уже въ болѣе позднія времена. Нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ этой эпохѣ утрату въ концѣ словъ первоначальныхъ взрывныхъ согласныхъ *t* и *d* (которые впрочемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ вѣтвяхъ, какъ напр. въ греч., легко утрачивались въ томъ же положеніи, благодаря чисто физіологическому моменту); срв. ст.-сл. 3 ед. повел. **бери̯** ≠ греч. 3 ед. желат. *φέροι̯* ≠ скт.

торымъ слѣдовалъ не-палятальный гласный, срв. греч. νέϝος ≠ ст.-сл. **новъ**, рус. н*о*вый, лит. n*a*vas. Такимъ образомъ, вновь полученное *o*, совпавъ съ первичнымъ *o*, имѣетъ съ нимъ въ дальнѣйшемъ общій путь развитія.

[1]) Знакъ ˜ въ литовскомъ обозначаетъ удареніе и притомъ *восходящее*; оно распространяется и на слѣдующій согласный того же слога, если таковымъ является плавн й или носовой, и въ такомъ случаѣ этотъ знакъ ставится надъ согласнымъ, срв. var̃nas «вóронъ» и т. п.; знакъ ′ обозначаетъ, наоборотъ, *нисходящее* удареніе. Эти два вида ударенія различаются лишь на долгихъ слогахъ, тогда какъ краткіе слоги могутъ имѣть лишь одно удареніе, обозначаемое знакомъ ˋ. Здѣсь же мы объяснимъ и значеніе нѣкоторыхъ буквъ, употребляемыхъ въ литовскомъ письмѣ: начертаніе *ė* служитъ для обозначенія долгаго закрытаго *e*, начертаніе ë выражаетъ дифтонгъ i͡e, ů—дифтонгъ u͡o, а буква *y*=ī.

3 ед. желат. bhárē-*t*, то$_\lambda$ = греч. τό$_\lambda$ = скт. ta*d*; какъ увидимъ впослѣдствіи, для указаннаго предположенія о времени исчезновенія нѣтъ достаточныхъ основаній; напротивъ того, слѣдуетъ принять независимое исчезновеніе этихъ согласныхъ въ той и другой вѣтви (славянской и литовской). [1])

Обращаясь къ морфологическимъ чертамъ, общимъ для литовской и славянской вѣтви, въ области существительныхъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) въ первоначальномъ гласномъ склоненіи, именно въ основахъ на -*ā*- и -*ŏ*-, получаетъ болѣе широкое развитіе мягкій типъ, т. е. съ i̯ (j) передъ тематическимъ гласнымъ (срв. ꙁемлꙗ и т. д.); 2) согласное склоненіе испытываетъ сильное вліяніе со стороны основъ на -*ĭ*-, сказывающееся въ появленіи ĭ передъ нѣкоторыми окончаніями, напр. камен-ьмъ (лит. akmen-*ĭ*ms); 3) окончанія извѣстныхъ косвенныхъ падежей, содержащія согласный *m*, развились и въ склоненіи именномъ, между тѣмъ какъ въ другихъ вѣтвяхъ (за исключеніемъ германской) такія окончанія или отсутствуютъ, или встрѣчаются лишь въ мѣстоименномъ склоненіи, въ склоненіи же именномъ содержатъ въ соотвѣтствующемъ отраженіи первоначальный губной звонкій придыхательный, срв. Д. мн. камен-ьмъ (литов. akmen-ì*m*s) = скт. áçma-*bh*yaḥ.

Въ области прилагательныхъ отмѣтимъ въ обѣихъ вѣтвяхъ двоякую форму этой части рѣчи—простую и сложную, образующуюся изъ первой присоединеніемъ указательнаго мѣстоименія (лит. -*is* -*ji*, ст.-сл. -и -ꙗ -ѥ), напр. ст.-сл. добръ-и, добра-ꙗ, добро-ѥ, или лит. geràs-is (м.), geró-ji (ж.). Другія вѣтви не развили такого явленія. [2])

---

[1]) Есть нѣкоторыя указанія въ пользу того, что губной носовой согласный *m* въ окончаніи словъ въ той и другой вѣтви смѣнился на переднеязычный *n*, срв. префиксъ сън- = скт. sa*m* «съ», напр. въ сложныхъ словахъ сънити, сънѣдь.

[2]) На первый взглядъ можетъ показаться, что въ нѣмецкомъ языкѣ существуетъ однородное явленіе въ такихъ случаяхъ, какъ gut-*er* gut-*e* gut-*es*; но на самомъ дѣлѣ здѣсь не было присоединенія къ простому при-

Въ области глагола та и другая вѣтвь произвели рядъ упрощеній, состоящихъ въ утратѣ нѣкоторыхъ образованій; такъ, въ нихъ утратились самостоятельныя формы страдательнаго залога, а также категорія перфекта. Кромѣ того, обѣ вѣтви выработали нѣкоторыя одинаковыя глагольныя образованія; таковы: 1) формы вида, служащія для различія простаго и длительнаго дѣйствій, срв. ст.-сл. метѫ || мътаѭ, лит. metù „бросаю" || mė́tau (то же значеніе съ длительнымъ оттѣнкомъ); 2) формы возвратнаго залога, образующіяся прибавленіемъ къ формѣ дѣйствительнаго залога однообразнаго возвратнаго мѣстоименія, срв. ст.-сл. метѫ сѧ и лит. metùs (изъ metù-si); 3) особенности въ склоненіи причастій наст. и прош. вр. дѣйств. залога и тожественное образованіе причастія наст. вр. страдат. залога.

Указавъ главнѣйшія сходства между вѣтвями литовской и славянской, мы должны отмѣтить и тѣ различія, которыя уже въ столь раннее время начали обнаруживаться въ этихъ вѣтвяхъ и которыя, развиваясь дальше и дополняясь другими различіями, повели къ обособленію одной вѣтви отъ другой. Въ области *фонетики* мы укажемъ: 1) неодинаковое развитіе первоначальныхъ краткихъ средне-широкихъ гласныхъ *ă и *ŏ, которые въ литовской вѣтви дали одинъ звукъ *a*, а въ славянской—звукъ *o*; 2) наоборотъ, соотвѣтствующіе первоначальные долгіе гласные въ литовской вѣтви дали лябіализованный гласный (а долгій ае. *ō развился даже въ дифтонгъ ů или ou), между тѣмъ какъ въ славянской вѣтви они измѣнились въ гласный *a*; [1]) 3) первоначальные дифтонги въ

лагательному указательнаго мѣстоименія, а—какъ показываетъ исторія нѣмецкаго языка—прилагательное стало принимать эти окончанія по аналогіи къ формамъ указательнаго мѣстоименія.

[1]) Въ одномъ изъ нарѣчій литовской вѣтви (именно въ древне-прусскомъ) первоначальные *ā и *ō совпали тоже въ гласномъ *a*, но въ положеніи послѣ согласныхъ губныхъ и задне-язычныхъ они отражаются въ видѣ лябіализованнаго гласнаго, переданнаго въ текстахъ черезъ ū.

литовской вѣтви оказывается гораздо болѣе устойчивыми, сохраняясь даже до настоящаго времени, тогда какъ въ славянской вѣтви, какъ увидимъ, они превратились въ монофтонги еще въ праславянскія времена; 4) какъ уже указывалось, въ восточной области аріо-европейскаго праязыка первоначальное *s* обнаруживаетъ тенденцію къ измѣненію при извѣстныхъ условіяхъ (т. е. послѣ *i*, *u*, *r*, *k*) по направленію къ š-χ; однако эта тенденція въ славянской и литовской вѣтви проявилась неодинаково, какъ объ этомъ можно заключать по позднѣйшимъ рефлексамъ: въ славянской вѣтви **s* послѣ извѣстныхъ звуковъ отражается въ видѣ *š* лишь въ положеніи передъ палятальными гласными (срв. ст.-сл. **соушити**), тогда какъ передъ не-палятальными въ видѣ χ (напр. **соухъ**, срв. лит. saũsas), [1]) сохраняясь въ остальныхъ случаяхъ (напр. въ началѣ слова—**соухъ**), въ литовскомъ же при указанныхъ условіяхъ *s отражается въ видѣ š, но не χ (напр. máišas, срв. рус. мѣ*х*ъ, мѣ*ш*окъ, júšė=у*х*а), во всѣхъ же другихъ случаяхъ, а также когда на предшествующій узкій гласный падаетъ восходящее удареніе, **s* отражается въ видѣ *s*; 5) праязыковые согласные типа передняго *K̂, пройдя фазу типа *χ̂, отразились въ обѣихъ вѣтвяхъ неоди-

[1]) Датскій лингвистъ *Пéдерсенъ* полагаетъ, что первоначальное **s* измѣнилось при извѣстныхъ условіяхъ въ *š* еще на почвѣ аріо-европейскаго праязыка, но быть можетъ только въ восточныхъ его областяхъ, такъ что слав. χ развилось уже изъ этого *š* (см. H. Pedersen Das indogerm. *s* im Slavischen, въ Indogerm. Forschungen, B. V, 1895, стр. 33—87). Однако я считаю возможнымъ выводить слав. χ и просто изъ ае. **s*, опираясь на случаи аналогичнаго измѣненія этого первоначальнаго звука, встрѣчающіеся въ иранской и греческой вѣтвяхъ (срв. напр. др.-иран. *h*apta «семь» и соотвѣтствующее греч. слово ἑπτά, т. е. *h*eptá, которымъ отвѣчаетъ скт. *s*aptá). При такой точкѣ зрѣнія можно допустить, что въ ае. праязыкѣ **s* существовало діалектически въ двухъ варіаціяхъ, опредѣлявшихъ дальнѣйшее его измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ или въ сторону χ, или же въ сторону *š*, при чемъ условія измѣненія въ χ были, быть можетъ, нѣсколько шире по сравненію съ условіями измѣненія въ *š*.

наково: въ литовской они дали шипящій спирантъ (глухой š и соотвѣтствующій звонкій ž, напр. nešù отъ ае. К. *nĕk̂-, vežù отъ ае. К. *vĕĝh-), а въ славянской соотвѣтствующій свистящій (s и z, срв. родственные съ вышеприведенными литовскими глаголы несѫ, везѫ); благодаря такому отраженію, въ литовскомъ получился еще новый звукъ š, который и совпалъ съ болѣе раннимъ š изъ *s; точно также въ славянской вѣтви вновь получился звукъ s (изъ *k̂), который и совпалъ съ первоначальнымъ s, уцѣлѣвшимъ отъ измѣненія въ χ. Въ области *морфологіи* мы отмѣтимъ для литовской вѣтви, въ отличіе отъ славянской, утрату средняго рода именъ существительныхъ, а также категоріи аористовъ, но сохраненіе древняго образованія будущаго времени.

3) Состояніе славянскаго праязыка.

Прежде чѣмъ разсматривать тѣ звуковыя измѣненія, какія развивались въ разныя эпохи славянскаго праязыка, сдѣлаемъ общій перечень тѣхъ звуковъ, которые онъ унаслѣдовалъ отъ предшествующаго періода. Онъ продолжалъ различать гласные *краткіе* (ĕ; ŏ^a двоякаго происхожденія—изъ ае. *ŏ и *ă; ĭ; ŭ) и *долгіе* (ē; ā^o двоякаго происхожденія—изъ ае. *ā и *ō; ī; ū) и, кромѣ того, полугласные i̯ и u̯, которые начали уже смѣшиваться съ согласными j и v; далѣе, онъ имѣлъ дифтонги однородные (ei и ou) и разнородные (eu; oi);[1]) изъ согласныхъ къ началу праславянскаго періода существовали: *губные—p*; *b* двоякаго происхожденія—изъ ае. *b и *bh; *v*; *m*; *переднеязычные—t*; *d* двоякаго происхожденія — изъ ае. *d и *dh; *s* двоякаго происхожденія—изъ ае. *s и *k[1]; *z* трояакаго происхожденія—изъ ае. *z, *g[1]

---

[1]) Дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ, какъ извѣстно изъ сравнит. грамм., встрѣчались гораздо рѣже, а нѣкоторые ихъ случаи и совсѣмъ не извѣстны въ славянскомъ семействѣ; поэтому ради большей простоты мы опускаемъ ихъ въ своемъ перечнѣ.

и $*g^1h$; *n*; *r*; *l*; *среднеязычный* согласный *j*; *заднеязычные* согласные — *k* изъ ае. $*k^2$; *g* двоякаго происхожденія— изъ ае. $*g^2$ и $*g^2h$; χ изъ *s. Къ сказанному можно прибавить, что ударенiе въ словѣ продолжало быть свободнымъ, т. е. не было закрѣплено за опредѣленнымъ мѣстомъ въ словѣ, а кромѣ того продолжало различаться движенiе тона восходящее и нисходящее.

Съ теченiемъ времени въ праславянскомъ языкѣ почти всѣ перечисленные звуки испытали болѣе или менѣе дальнѣйшія измѣненія, которыя въ главномъ сводятся къ слѣдующему: переходъ дифтонговъ въ монофтонги, ослабленiе нѣкоторыхъ краткихъ гласныхъ и сокращенiе долгихъ въ опредѣленныхъ условiяхъ, смягченiе согласныхъ, исчезновенiе нѣкорыхъ согласныхъ съ конца словъ и слоговъ, переходъ въ концѣ слога носовыхъ согласныхъ въ носовой пазвукъ предшествующаго гласнаго и, наконецъ, образованiе полногласія или же перестановки при плавныхъ согласныхъ, заканчивавшихъ слогъ. Однако не слѣдуетъ думать, что всѣ эти измѣненія произошли въ одно и то же время; на самомъ дѣлѣ они происходили въ различныя эпохи, послѣдовательность которыхъ мы и постараемся теперь установить, пользуясь отчасти сравнительно-грамматическими данными, а также соображенiями физiологическаго характера (см. еще примѣч. на стр. 321).

I. Къ первой эпохѣ мы отнесемъ завершенiе процесса измѣненія ае. *s при извѣстныхъ условiяхъ въ χ; [1]) мы счи-

---

[1]) Если въ ст.-сл. формѣ рѣхъ, гдѣ ѣ=ае. *ē, мы имѣемъ однакожъ х, а не с, то это объясняется тѣмъ, что въ эпоху измѣненія *s→χ здѣсь передъ *s* существовалъ еще согласный *k*, а потому *rēk-s-→*rēk-χ-, утрата же *k* съ конца слога произошла позже. Если, съ другой стороны, въ формѣ үнсъ имѣется с, а не х, не смотря на предшествующій узкій палатальный гласный, то это потому, что здѣсь передъ *s* стоялъ согласный *t* и изъ сочетанія *ts еще не успѣлъ выработаться простой согласный *s*. Такимъ образомъ, процессъ устраненія согласныхъ съ конца слоговъ происходилъ послѣ разсматриваемой эпохи.

таемъ эту эпоху первою, потому что для слѣдующихъ эпохъ уже предполагается наличность звука χ. Необходимо думать, что въ то время, когда первоначальное *s начало перерождаться въ χ, въ славянскомъ праязыкѣ (который могъ быть тогда діалектомъ литво-славянскаго единства) еще не получилось настоящаго s изъ ае. *k̂, потому что иначе оно подверглось бы тому же измѣненію въ χ, какъ и первоначальное *s. Когда же изъ ае. *k̂ получилось наконецъ чистое s, то послѣднее совпало съ тѣмъ первичнымъ s, которое не было затронуто измѣненіемъ въ χ.

II. Къ этой эпохѣ мы должны отнести начало измѣненія первоначальныхъ задне-язычныхъ согласныхъ ряда *Q въ соотвѣтствующіе мягкіе шипящіе (т. е. k → č', g → dž') подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ звуковъ (палятальныхъ гласныхъ и согласнаго j или полугласнаго i̯), [1]) почему и самое измѣненіе называютъ смягченіемъ. Этому измѣненію подвергся также и задне-язычный придувной χ, получившійся изъ *s въ предъидущую эпоху, и перешелъ въ мягкій шипящій š'. Разсматривая процессъ перехода задне-язычныхъ согласныхъ въ мягкіе шипящіе съ физіологической стороны, необходимо принять въ немъ цѣлый рядъ промежуточныхъ укладовъ языка, представлявшихъ собою постепенное перемѣщеніе задне-язычной артикуляціи впередъ въ область средне-язычнаго дѣйствія, а съ акустической точки зрѣнія—возникновеніе послѣдовательнаго ряда соотвѣтствующихъ звуковыхъ разновидностей съ возрастающимъ мягкимъ оттѣнкомъ—*k'*....

---

[1]) При этомъ j (i̯) могъ имѣть разное происхожденіе: 1) изъ аналогичныхъ звуковъ аріо-европейскаго праязыка, т. е. изъ *j (*i̯), 2) изъ ае. *ī въ положеніи передъ гласными, 3) отъ измѣненія дифтонга *eu въ jū въ положеніи передъ согласными (очевидно, самыя измѣненія въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ должны были произойти раньше описываемой эпохи). Такъ какъ въ праславянскомъ звуки j (i̯) разнаго происхожденія смѣшались въ одномъ, то мы въ послѣдующемъ будемъ иногда пользоваться для нихъ однимъ общимъ обозначеніемъ—j.

k''....k''' (или g'....g''....g'''; χ'....χ''....χ''') и послѣдующимъ переходомъ въ звукъ t' (d', $ç'$), при которомъ еще развивался придувной призвукъ шипящаго типа и такимъ образомъ возникалъ соотвѣтствующій мягкій шипящій $\check{c}'$ ($\widehat{d'\check{z}}$, $\check{s}'$). Очевидно, что для полнаго развитія разсматриваемаго процесса требовался значительный періодъ времени, при чемъ смягченіе —слѣдуетъ думать—возникало не одновременно во всѣхъ случаяхъ: смягченіе посредствомъ j (i̯), какъ болѣе сильнаго смягчающаго фактора, должно было начаться раньше, чѣмъ вліяніе палятальныхъ гласныхъ. [1]) Дѣйствительно, подъ вліяніемъ j (i̯) смягчилось въ $\check{s}'$ не только первичное *s въ своихъ отраженіяхъ, т. е. какъ измѣнившееся въ χ, такъ и не измѣнившееся (срв. соврем. рус. с у *х* ъ—с у *ш* и т ь—с у *ш* у || г а *с* и т ь—г а *ш* у), но и s изъ *k̑ (напр. н о *с* и т ь — н о *ш* у). Вполнѣ естественно думать, что одновременно съ послѣднимъ измѣненіемъ происходило смягченіе посредствомъ j въ шипящій и соотвѣтствующаго звонкаго согласнаго z (изъ ае. *g̑ и *g̑h), напр. ма*з*ать—ма*ж*у, ли*з*ать—ли*ж*у.

Примѣчаніе. Только что установленная эпоха позволяетъ намъ сдѣлать предположеніе о томъ, съ какими языками соприкасался тогда славянскій праязыкъ. Судя по такимъ словамъ, какъ «*ч*адо», «*ш*лемъ», заимствованнымъ изъ германской языковой области, гдѣ соотвѣтствующія слова начинались задне-язычнымъ согласнымъ (срв. соврем. нѣм. «*K*ind» и «*H*elm») [2]), мы должны допустить, что въ это время славянскій праязыкъ находился въ общеніи съ германскою языковою областью. Что же касается времени этихъ заимствованій, то они могли произойти какъ до начала смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ славянскомъ праязыкѣ, такъ и въ то время, когда твердые задне-язычные согласные измѣнялись въ соотвѣтствующіе мягкіе, но еще не стали шипящими. Съ другой стороны, можно до-

[1]) Подобная неравномѣрность процесса извѣстна и изъ другихъ языковъ, напр. латинскаго, гдѣ произношеніе k какъ $\widehat{ts}$ передъ палятальными гласными появилось лишь въ VI в. по Р. Х., тогда какъ смягчающее дѣйствіе j на тотъ же согласный обнаруживается еще вѣка за два до этого.

[2]) Въ прагерманскомъ слова эти также начинались съ согласныхъ k и h, которые получились изъ ае. *g̑ и *k̑ по закону т. наз. перваго передвиженія согласныхъ, дѣйствовавшему еще до Р. Х. Согласно сказанному, и самыя заимствованія должны были произойти позже этого времени.

пустить, что кромѣ германской языковой области съ славянскимъ праязыкомъ соприкасались иранскіе діалекты, вліянію которыхъ можно приписать даже самое возникновеніе процесса смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе на почвѣ славянскаго праязыка, такъ какъ въ эту эпоху въ иранскомъ это явленіе было уже вполнѣ развито, восходя своимъ началомъ къ индо-иранскому праязыку. Что такое вліяніе было возможно, подтверждается и географическимъ положеніемъ иранцевъ, часть которыхъ въ составѣ скиѳовъ, судя по свѣдѣніямъ у Геродота и эпиграфическимъ даннымъ нашего приморскаго юга, заселяла нынѣшнюю южную Россію съ Приднѣпровьемъ и такимъ образомъ могла приходить въ соприкосновеніе съ славянами.[1]) Этимъ же можетъ объясняться и тотъ странный фактъ, что литовскій языкъ, будучи ближайшимъ родичемъ славянскаго, не знаетъ подобнаго смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе даже и до настоящаго времени.[2]) Если же тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ въ литовскомъ слова съ звукомъ *č* (изъ ае. $^*k^2$), напр. *čẽsas* «время», то присутствіе ихъ объясняется заимствованіемъ изъ славянскаго уже послѣ того, какъ въ послѣднемъ вполнѣ выработались шипящіе, а кромѣ того въ самомъ литовскомъ также развился этотъ звукъ, но только на почвѣ $^*tj$; нужно прибавить, что заимствованіе слова *čẽsas* произошло въ періодъ времени, когда *ē* еще сохранялось въ праславянскомъ послѣ шипящихъ, лишь позже измѣнившись въ *a* (ЧАСЪ).

III. Къ древнѣйшимъ эпохамъ нужно также отнести эпоху начала измѣненія $^*\bar{u}$ въ сторону *ы*, которое вмѣстѣ съ измѣненіемъ послѣдующей эпохи могло начаться ранѣе завершенія второй эпохи. Съ физіологической точки зрѣнія разсматриваемое измѣненіе состоитъ въ потерѣ гласнымъ своей лябіализаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторомъ передвиженіи глубокой задне-язычной артикуляціи впередъ (аналогичную потерю лябіализаціи могъ тогда же испытывать и долгій гласный $\bar{a}^0$ двоякаго происхожденія, унаслѣдованный изъ литво-славянской эпохи, который подъ вліяніемъ этого процесса измѣнился въ $\bar{a}$). Эта эпоха не могла начаться послѣ слѣду-

---

[1]) См. Миллеръ В. Осетинскіе этюды. Ч. 3-ья (1887), гдѣ авторъ даетъ особый экскурсъ о скиѳахъ на стр. 116—136.

[2]) Въ современномъ литовскомъ мы видимъ лишь начальную стадію этого процесса, именно—измѣненіе твердыхъ задне-язычныхъ согласныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе.

ющей эпохи, для которой—какъ увидимъ дальше—требуется, чтобы къ концу ея ае. *ū уже нѣсколько видоизмѣнилось въ указанномъ направленіи.

IV. Къ слѣдующей эпохѣ относится измѣненіе однородныхъ дифтонговъ, именно *ĕi и *ŏu,[1]) въ монофтонги ī и ū. Причина, по которой однородные дифтонги стали измѣняться раньше разнородныхъ, заключается въ томъ, что первые, благодаря физіологическому сродству обоихъ своихъ компонентовъ, легче могли сливаться въ одинъ звукъ. Исключеніе представляетъ разнородный дифтонгъ *ĕu, который началъ измѣняться въ jū по всей вѣроятности такъ же рано, какъ и упомянутые однородные дифтонги. Описанная эпоха должна была завершиться уже послѣ начала третьей эпохи потому, что иначе ū, получившееся изъ однороднаго дифтонга *ŏu, совпало бы съ первоначальнымъ *ū и вмѣстѣ съ послѣднимъ подверглось бы измѣненію въ *ы*, чего на самомъ дѣлѣ не произошло (срв. напр. рус. т*ы*=ае. *tū и б*у*дить, гдѣ *у* восходитъ къ ае. *ŏu). Подобнымъ же образомъ не подвергся измѣненію второй компонентъ въ сочетаніи jū изъ дифтонга *eu.

V. Къ пятой эпохѣ мы относимъ измѣненіе послѣдняго дифтонга (разнороднаго) въ славянскомъ праязыкѣ, именно *oi*, который въ своей конечной стадіи измѣненія превратился въ *ē* (откуда соврем. рус. *ѣ*), совпавъ при этомъ съ рефлексами первичнаго *ē. Съ физіологической точки зрѣнія, это измѣненіе началось съ того, что оба компонента дифтонга взаимно вліяли другъ на друга такимъ образомъ, что первому глас-

---

[1]) Необходимо помнить, что славянскій праязыкъ имѣлъ уже меньшее число дифтонговъ по сравненію съ аріо-европейскимъ, такъ какъ—какъ уже упоминалось—гласные ае. *ă и ае. *ŏ смѣшались въ немъ въ одномъ звукѣ o^a; благодаря этому и первоначальные дифтонги, содержавшіе эти гласные въ качествѣ первыхъ компонентовъ, смѣшались, такъ что вмѣсто прежнихъ шести дифтонговъ оказалось въ праславянскомъ только четыре: *ĕi*; *ŏi* (=ае. *ăi и *ŏi); *ĕu*; *ŏu* (=ае. *ău и *ŏu).

ному дифтонга передавалась нѣкоторая палятальность втораго компонента, а этотъ послѣднiй могъ съ своей стороны уподобляться первому, нѣсколько расширяясь; въ результатѣ получился уже одинъ палятальный звукъ типа ȫ, который съ постепенной утратой лябiализацiи превратился наконецъ въ *ē*. Очевидно, этотъ процессъ не могъ происходить одновременно съ измѣненiемъ однородныхъ дифтонговъ (т. е. во вторую эпоху), потому что иначе полученный палятальный гласный влiялъ бы на предшествующiе задне-язычные согласные такимъ же образомъ, какъ и первоначальное *е* отдѣльное или въ дифтонгѣ *ei*. На самомъ дѣлѣ этого не произошло, и задне-язычные согласные позднѣе, подъ влiянiемъ новаго смягчающаго гласнаго ȫ→ē (изъ *oi), подверглись уже иному измѣненiю, которое мы относимъ къ слѣдующей эпохѣ.

Примѣчанiе. Однако дифтонгъ *oi далъ въ праславянскомъ ē не во всѣхъ случаяхъ: на концѣ слова въ И. мн. и во 2 ед. повел. дифтонгъ *oi имѣетъ своимъ рефлексомъ гласный *ī*, а не *ē*, напр. срв. ст.-сл. и др.-рус. рабн, берн, гдѣ -н восходитъ къ указанному дифтонгу. [1])

VI. Какъ мы знаемъ изъ предшествующаго, древнее смягченiе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящiе коснулось лишь тѣхъ случаевъ, когда задне-язычные согласные находились

---

[1]) Замѣтимъ, что въ Мѣстн. ед. окончанiе *-oi, въ отличiи отъ И. мн., дало -ѣ. Интересно, что въ греческомъ языкѣ хотя въ обоихъ падежахъ имѣется въ окончанiи дифтонгъ -οι, но съ нѣкоторою тоническою разницею и быть можетъ неодинаковой длительности, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: Мѣстн. ед. Ἰσθμοῖ, οἴκοι || И. мн. θεοί, οἶκοι. Основываясь на этомъ, ученые склонны предполагать, что и въ праславянскомъ существовало аналогичное различiе, которое и было причиной неодинаковаго отраженiя дифтонга -oi въ названныхъ падежахъ. Кромѣ того допускается, что условiя, вызывавшiя указанные случаи -ī изъ *oi въ концѣ слова, вызывали въ праславянскомъ такое же отраженiе и для исконнаго *-ē, именно въ формахъ мати (лит. motẽ или mótė) и дъшти (лит. duktẽ), а это сходство рефлексовъ *-oi и *ē- въ свою очередь приводитъ къ мысли, что -ī изъ *-oi могло развиться въ праславянскомъ черезъ посредство стадiи гласнаго -ē, съ которымъ предварительно совпалъ дифтонгъ *-oi.

передъ первичными палятальными гласными и j (i̯), а также дифтонгами, первымъ компонентомъ которыхъ былъ палятальный гласный. Въ пятую эпоху развивается новый палятальный гласный изъ дифтонга *oi и въ свою очередь начинаетъ влiять смягчающимъ образомъ на предшествующiе задне-язычные согласные (k, g, χ), но теперь перерожденiе послѣднихъ по неизвѣстной намъ причинѣ принимаетъ уже иное направленiе, давъ въ результатѣ мягкiе $\widehat{t's'}$ (ц'), $\widehat{d'z'}$ и s', напр. срв. цѣна (*k²oinā), ѕѣло „очень" (срв. лит. gailùs „острый, ѣдкiй"), влъцѣ (Мѣстн. ед. отъ влъкъ), и т. п.

Примѣчанiе. Есть случаи, гдѣ задне-язычные согласные смягчились въ свистящiе передъ ē изъ *-oi, хотя были отдѣлены отъ него согласнымъ *v*, срв. *ц*вѣтъ, *з*вѣзда. Однако это смягченiе охватило не всю славянскую языковую область: на сѣверо-западѣ ея, въ чешско-польско-поморской дiалектической области, задне-язычные согласные остались въ этомъ случаѣ не измѣненными, напр. польск. *k*wiat, *g*wiazda.

Такое же смягченiе задне-язычныхъ въ мягкiе свистящiе вызывалось и предшествующимъ палятальнымъ гласнымъ ĭ въ тѣхъ по-видимому случаяхъ, когда ударенiе приходилось на послѣдующемъ слогѣ; примѣромъ могутъ служить слова ов*ц*á (ст.-сл. овьца), оте*ц*ъ, воскли*ц*áть.[1] Хотя въ этомъ случаѣ мы видимъ тотъ же согласный *ц*, какъ и въ предшествующемъ, однако изъ одного факта совпаденiя смягченiя въ обѣихъ категорiяхъ (влъцѣ || отьць) еще нельзя заключать объ одновременности ихъ возникновенiя, особенно если имѣются и противорѣчащiе факты. Такимъ фактомъ здѣсь, по-видимому, можетъ служить то обстоятельство, что то и другое *ц'* неодинаково относится къ окончанiю -*ѣ* въ Мѣстн. ед., срв. влъцѣ || отьци: можно было бы думать, что во второмъ случаѣ (отьци) смягченiе въ *ц* развилось раньше, именно тогда, ко-

---

[1] Существуютъ однако нѣкоторыя категорiи словъ, отступающихъ отъ предположеннаго правила ударенiя и такъ или иначе вызванныхъ дѣйствiемъ аналогiи; благодаря этому, мы встрѣчаемъ въ нихъ *к* на мѣстѣ ожидаемаго *ц* (напр. старикá) и наоборотъ *ц* вм. *к* (напр водúца).

гда тематическіе гласные только начали подвергаться вліянію предшествующей мягкости и такимъ образомъ вырабатывались особенности т. наз. мягкаго склоненія (такъ что въ словахъ типа отьць согласный *ц'* тоже участвовалъ въ этомъ процессѣ); напротивъ того, въ формахъ влъцѣ и под. окончаніе -ѣ (т. е. твердаго склоненія), должно объясняться болѣе позднимъ возникновеніемъ *ц'*, именно тогда, когда измѣненіе извѣстныхъ гласныхъ подъ вліяніемъ предшествующей мягкости уже закончилось. Какъ ни кажется на первый взглядъ правдоподобнымъ такое толкованіе, мы однакожъ не имѣемъ достаточнаго основанія для принятія его, такъ какъ болѣе естественнымъ будетъ допустить одновременность смягченія въ томъ и другомъ случаѣ, предположивъ, что въ словахъ типа отьць, съ возникновеніемъ смягченія, склоненіе просто послѣдовало аналогіи мягкаго различія, которое само однако могло сложиться и значительно ранѣе; этого не случилось съ формами влъцѣ и под., какъ принадлежавшими твердому склоненію—влъкъ и пр. [1])

Примѣчаніе. Есть случаи, когда смягчающее вліяніе предшествующаго *ĭ* сказывалось не непосредственно, а черезъ промежуточный согласный *н* (или по крайней мѣрѣ черезъ носовой пазвукъ), а также *г*. Примѣрами могутъ служить такія слова, какъ м ѣ с я *ц* ъ (ст.-сл. мѣсѧць), к н я з ь (кънѧѕь, кънѧʒь), м е р *ц* á т ь (др.-рус. *мърьцати). Въ первыхъ двухъ примѣрахъ на мѣстѣ рус. *я*=ст.-сл. ѧ имѣлось въ разсматриваемую эпоху сочетаніе гласнаго *ĭ* съ носовымъ согласнымъ или, можетъ быть, уже съ носовымъ пазвукомъ, которое и повліяло смягчающимъ образомъ на послѣдующій задне-язычный согласный. [2]) Что касается послѣдняго примѣра

---

[1]) По вопросу о смягченіи задне-язычныхъ согласныхъ въ слав. языкахъ см. статьи проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ: 1) Два вопроса изъ ученія о «смягченіи» или палятализаціи въ слав. языкахъ, въ Уч. Зап. Юрьев. Унив. 1893, № 2; 2) Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation), въ журналѣ Indogerm. Forschungen IV, 1894 г.

[2]) Слово «князь» заимствовано изъ германской языковой области (срв. др.-вхн. chuning) можетъ быть еще значительно ранѣе данной эпохи, до-

(т. е. мърьцати), то здѣсь смягченіе *к* въ *ц* вызвано гласнымъ ĭ (ь), стоявшимъ послѣ м, но оно не могло произойти отъ вліянія втораго ъ, потому что онъ развился позже—въ эпоху возникновенія прарусскаго полногласія.

Мы отнесли смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе и свистящіе къ двумъ разнымъ эпохамъ, вѣроятно раздѣлявшимся значительнымъ періодомъ времени. Есть основаніе думать, что въ теченіе этого періода совершалось смягченіе и всѣхъ остальныхъ согласныхъ подъ вліяніемъ наиболѣе сильнаго фактора смягченія, т. е. j въ положеніи передъ гласнымъ; срв. рус. пря*ч*у (|| пря*т*ать), свѣ*ч*а (|| свѣ*т*ъ), гдѣ *ч* изъ *tj, тре*пл*ю (|| трепать), гдѣ *пл'* изъ *pj, и другіе примѣры, разсмотрѣнные на стр. 88—89. Что касается размѣщенія этихъ смягченій по времени, то можно думать, что они происходили съ нѣкоторой послѣдовательностью. Раньше всего стали смягчаться *l*, *r* и *n* (напр. *л*юди, о*р*ю, ба*ня*), при чемъ это смягченіе, общее для всей славянской языковой области, можетъ восходить ко второй эпохѣ, такъ что къ нему примкнули и такіе случаи, какъ мы*ш*леніе, блажнтѫ сѧ и т. п., гдѣ смягченіе *s* и *z* въ шипящіе совершалось черезъ посредство слившихся *l* и *n* съ j. Слѣдующимъ по времени было смягченіе передне-язычныхъ взрывныхъ, т. е. *t* и *d*, въ сочетаніи ихъ съ j. Это смягченіе происходило уже не вездѣ одинаково, принимая въ разныхъ діалектахъ славянскаго праязыка неодинаковое направленіе, при чемъ

стигши которой оно подверглось указанному измѣненію на ряду съ природными словами, представлявшими тѣ же условія. Срв. еще другія слова, заимствованныя изъ того же источника: витязь (др.-норд. vikingr), пѣнязь (др.-вхн. pfenning), ст.-сл. оусерѧзь (гот. *ausahriggs). Послѣднее слово (соотвѣтствующее русскому «серьга») очевидно заимствовано позже первой эпохи, такъ какъ иначе находящееся въ немъ *s* измѣнилось бы въ данныхъ условіяхъ сначала въ χ, а затѣмъ въ š, наравнѣ съ природными словами. Но что и до данной эпохи продолжались соприкосновенія съ германцами, доказываютъ случаи, гдѣ *к* измѣнилось въ *ц* (а не въ *ч*) передъ палятальнымъ гласнымъ, срв. цята (цѧта) «монетка, динарій» при готск. kintus.

въ нѣкоторыхъ получались звуки шипящаго типа, тогда какъ въ другихъ—свистящаго, срв. рус. свѣ*ч*а, ме*ж*а || польск. swie*c*a, mie*dz*a; [1]) возможно, что тотъ и другой типъ начался не одновременно, при чемъ первый болѣе приближался по времени къ II-ой эпохѣ, а послѣдній—къ VI-ой. [2]) Вѣроятно, позже всѣхъ смягчились подъ вліяніемъ j губные согласные, которые вообще труднѣе поддаются смягченію. Сначала они пріобрѣли нѣкоторую мягкость въ сочетаніи съ j, а затѣмъ согласный j замѣстился мягкимъ *l*, при чемъ это послѣднее явленіе охватило всю область славянскаго праязыка лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сочетанія губныхъ съ j начинали собою слово (срв. *пл*юю=лит. spiáuju, *бл*юсти—см. стр. 78, и т. д.); что касается тѣхъ случаевъ, когда такія сочетанія находились внутри слова, то замѣщеніе j черезъ l' происходило лишь въ тѣхъ частяхъ славянскаго праязыка, изъ которыхъ впослѣдствіи развились языки русскій и сербо-хорватскій съ словинскимъ, между тѣмъ какъ въ остальной территоріи изъ смягченныхъ губныхъ съ j выработались просто мягкіе губные (срв. рус. зе*мл*я || польск. zie*mi*a).

Примѣчаніе. Такъ какъ сочетанія *tj и *dj дали на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ вѣтвей разные рефлексы, при чемъ отраженія въ русскомъ языкѣ отличаются отъ другихъ славянскихъ, то мы можемъ предположить, что уже въ шестую эпоху намѣтились діалектическія различія въ славянскомъ праязыкѣ, одно изъ которыхъ, развивавшее указанныя сочетанія въ направленіи *ч—дж*, послужило зародышемъ русскаго праязыка.

---

[1]) Въ старо-славянскомъ и болгарскомъ сочетаніе tj и dj превратились въ *št* и *žd*; это измѣненіе можно объяснить перестановкою j напередъ *t* и *d*, откуда уже получились *št* и *žd* (черезъ посредство χ't и γ'd).

[2]) Нужно прибавить, что съ рефлексами tj совпадаетъ отраженіе группы *kt* въ сочетаніи съ гласнымъ *i*, напр. рус. но*ч*ь || польск. no*c* (срв. литов. na*kt*is); очевидно, что такое перерожденіе группы *kt* совершалось совмѣстно съ измѣненіемъ сочетанія *tj* (въ ст.-сл. и болгарскомъ kt при сочетаніи съ гласнымъ *i* дало, какъ и tj, группу št черезъ посредствующую общеславянскую стадію χ't, которая въ другихъ діалектахъ превратилась въ смягченное *t* съ указанными выше варіаціями въ дальнѣйшемъ его развитіи).

VII. Къ этой эпохѣ мы отнесемъ завершеніе образованія *носовыхъ гласныхъ* и зарожденіе *полногласія-перестановки*, явленій, отражающихъ собою общее стремленіе славянскаго праязыка—устранять согласные съ конца слоговъ (срв. 3 мн. *ne | *son* | tĭ→ne | sǫ | tĭ; *bor | dā→рус. бо | ро | да, ст.-сл. бра | да, пол. bro | da; *rēk | χŭ→ст.-сл. рѣ | хъ). [1]) Зарожденіе упомянутыхъ явленій восходитъ еще къ первымъ эпохамъ славянскаго праязыка, такъ что осуществленіе принципа устраненія закрытыхъ слоговъ потребовало для себя значительнаго періода времени, совпадая при этомъ по времени съ тѣми или другими уже разсмотрѣнными явленіями. Послѣ этого общаго замѣчанія перейдемъ къ болѣе частному разсмотрѣнію развитія носовыхъ гласныхъ и затѣмъ полногласія-перестановки, при чемъ коснемся и предшествующихъ стадій, описаніе которыхъ необходимо для лучшаго уясненія названныхъ процессовъ.

Носовые гласные развиваются изъ сочетанія чистыхъ гласныхъ съ слѣдующимъ носовымъ согласнымъ, принадлежащимъ къ тому же слогу, т. е. въ закрытыхъ слогахъ. Этотъ процессъ происходитъ такимъ образомъ, что носовые согласные, замыкая слогъ, мало-по-малу ослабляются (подобно дру-

---

[1]) Въ такихъ случаяхъ, какъ **нести**, исчезновенія согласнаго *s* не произошло, такъ какъ этотъ согласный удобно сочетается съ взрывнымъ согласнымъ слѣдующаго слога. Подъ это объясненіе подходятъ и такіе случаи, какъ **любльѫ** и пр. (т. е. первоначальныя сочетанія губныхъ съ j внутри словъ), гдѣ губные согласные, удобно сочетаясь съ плавнымъ *л*', легко переходятъ къ слѣдующему слогу. Исчезновенія передне-язычныхъ согласныхъ передъ j (напр. *med | jā) также не происходило, благодаря тому, что въ этомъ случаѣ согласные рано стали сливаться съ j въ одинъ звукъ, обусловливая уже тѣмъ самымъ переходъ первоначально закрытаго слога въ открытый. Къ сказанному нужно прибавить, что исчезновеніе разныхъ взрывныхъ согласныхъ съ конца слоговъ передъ другими согласными происходило послѣ первой эпохи не въ одно и то же время; къ позднѣйшимъ случаямъ относится діалектическое (русско-болгаро-сербское) исчезновеніе *d* и *t* передъ *l* слѣдующаго слога, срв. рус. ве‸*ла́*, пле‸*ла́*+ польск. wio*dł*a, plo*tł*a.

гимъ согласнымъ въ тѣхъ же условіяхъ) по дѣйствію органовъ произношенія—губъ и языка; однако это еще не обусловливаетъ полнаго исчезновенія носовыхъ согласныхъ, такъ какъ опущенное положеніе мягкаго неба сохраняется и послѣ утраты артикуляціи органовъ произношенія, отчего намѣсто носовыхъ согласныхъ получается одинъ носовой призвукъ, присоединяющійся къ предшествующему гласному. Какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, процессъ развитія носовыхъ гласныхъ совершался неравномѣрно, въ зависимости отъ положенія въ словѣ, долготы и краткости гласнаго, а также—при положеніи въ концѣ слова—и отъ того, заканчивалось ли слово только носовымъ согласнымъ, или же за нимъ еще слѣдовалъ какой-либо другой согласный. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію даннаго процесса, мы должны упомянуть о нѣкоторомъ измѣненіи конечныхъ средне-широкихъ гласныхъ, замыкавшихся носовыми согласными, такъ какъ это измѣненіе должно было предшествовать развитію носовыхъ гласныхъ. Характернымъ для этого измѣненія было то, что гласные въ указанномъ положеніи ослаблялись, при чемъ долгіе гласные *ā* (двоякаго происхожденія) и *ē* нѣсколько сокращались (приближаясь такимъ образомъ къ краткимъ гласнымъ внутреннихъ слоговъ), а краткіе гласные *ŏ* и *ĕ* съуживались по направленію къ *ŭ* и *ĭ*. Вслѣдствіе этихъ измѣненій результатъ послѣдовавшаго затѣмъ процесса образованія носовыхъ гласныхъ оказался одинаковымъ у прежнихъ конечныхъ долгихъ гласныхъ и неконечныхъ краткихъ въ видѣ одинаковаго носоваго гласнаго (срв. рыб-ѫ В. ед. ж., гдѣ -ѫ=ае. *-ām || пѫть, срв. греч. *πόντος*; мѧ „меня“, Вин. ед., срв. скт. форму съ долгимъ гласнымъ mām || пѧть при лит. penkì). Что касается краткихъ конечныхъ гласныхъ *о* и *е*, замыкавшихся носовымъ согласнымъ, то они, превратившись въ *ŭ* и *ĭ*, послѣ утраты носоваго согласнаго остались въ этомъ видѣ безъ измѣненія, хотя возможно допустить, что

въ теченіи извѣстнаго времени и они сопровождались нѣкоторымъ носовымъ пазвукомъ (срв. Вин. ед. род-ъ, гдѣ -ъ= ае. *-ŏm и кой-ь, гдѣ -jь←*jĕN = ае. *-jŏm). [1]) Замѣтимъ, что такая же утрата носоваго согласнаго съ конца словъ послѣдовала и послѣ первичныхъ ŭ и ĭ (срв. В. ед. сын-ъ, гдѣ -ъ=ае. *-ŭm, и ношт-ь, гдѣ -ь=ае. *-ĭm), благодаря чему создалось условіе, благопріятствовавшее дальнѣйшему смѣшенію этихъ типовъ склоненія съ предъидущими, съ которыми они частично совпали.

Намъ осталось разсмотрѣть тѣ случаи, когда сочетаніе краткихъ *o* и *e* съ носовымъ согласнымъ замыкалось конечнымъ другимъ согласнымъ. Необходимо вообще замѣтить, что конецъ слова въ аріо-европейскомъ языковомъ семействѣ не представлялъ того разнообразія согласныхъ, какое было свойственно другимъ положеніямъ; особенною скудостью конечныхъ согласныхъ отличался между прочимъ славянскій праязыкъ, въ которомъ на концѣ словъ кромѣ носоваго согласнаго (двоякаго происхожденія — изъ ае. *m и *n) встрѣчались только передне-язычные *t* (также *d*) и *s*. Въ зависимости отъ того, который изъ этихъ согласныхъ слѣдовалъ за указанными сочетаніями -V̆N, получились неодинаковые результаты:

1) Въ тѣхъ случаяхъ, когда такое слово замыкалось согласнымъ *s*, то краткіе гласные *o* и *e* подвергались *съуженію* (подобно тѣмъ же гласнымъ, замыкавшимся однимъ носовымъ), а затѣмъ *съ переходомъ носоваго согласнаго въ носовой пазвукъ удлинялись*, превращаясь въ -ūs и -īs. [2]) Дальнѣйшая

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ для -jь другой путь развитія, а именно, что сначала и здѣсь *-jŏm дало съуженіе гласнаго ŏ въ ŭ, а затѣмъ уже узкій губной гласный измѣнился послѣ j въ палятальной (ŭ→ĭ).

[2]) Ниже (въ сноскѣ) мы приводимъ воззрѣніе проф. А. Лескина, отличающееся отъ указываемаго здѣсь.

судьба того и другаго носоваго гласнаго не параллельна: узкій губной гласный терялъ свою лябіализацію и въ окончательномъ результатѣ перешелъ въ -ы, а палятальный гласный расширился въ средній гласный, переходя такимъ образомъ въ -ę, срв. В. мн. ст.-слав. рабы || конѧ (такой же результатъ получился изъ *-ŏnts и *-ĕnts въ И. ед. муж. причастій наст. вр., напр. ст.-сл. несы || колѧ). [1])

2) Что касается того случая, когда сочетаніе гласныхъ ŏ и ĕ съ носовымъ согласнымъ замыкалось конечнымъ -t, то тогда съуженія названныхъ гласныхъ не происходило, срв. 3 мн. аор. простаго ид-ѫ, гдѣ -ѫ=ае. *-ŏnt. [2])

---

[1]) При этомъ самое расширеніе узкаго палятальнаго носоваго гласнаго можно было бы приписать вліянію предшествующаго j или сливавшихся съ j согласныхъ (въ томъ числѣ шипящихъ, срв. В. мн. мѫж-ѧ), такъ какъ при отсутствіи этого условія расширеніе не происходило и їs дало -ī, срв. ст.-сл. В. мн. пѫти, двьри, гдѣ конечное -и восходитъ къ *-īns безъ предшествующаго j (послѣ шипящихъ это и пришлось бы отнести на счетъ аналогіи). Однако необходимо обратить вниманіе на мнѣніе *А. Лескина*, который принимаетъ иной путь развитія, а именно: **konjons*→**konjens*→**konjēn* (т. е. онъ не предполагаетъ допущеннаго нами предварительнаго съуженія ĕ передъ конечною группою -ns)→ст.-сл. конѧ. См. А. Лескинъ Грамматика старославянскаго языка. Перев. съ нѣм. М. (1890), стр. 18.

[2]) Для конечной группы *-ent у насъ нѣтъ вѣрныхъ примѣровъ, такъ какъ имѣющіеся позволяютъ предполагать въ этихъ случаяхъ конечную группу ае. *-ᵉn̥t (=литво-слав. -in̥t), дававшую въ ст.-сл. -ѧ, срв. И. В. ед. прич. наст. вр. ср. рода неса, или 3 мн. аор. сигматическаго даш-ѧ. Отмѣченная нами роль конечнаго *-t* въ отличіи отъ *-s* свидѣтельствуетъ, что исчезновеніе разсматриваемаго согласнаго въ положеніи за *n* произошло уже въ славянскомъ праязыкѣ, но никакъ не въ литво-слав. періодѣ, какъ часто предполагается: въ литовской и славянской вѣтви исчезновеніе произошло независимо.—Для иллюстраціи различій въ рефлексахъ сочетанія *VN въ закрытыхъ слогахъ въ славянской языковой области срв. слѣдующія ст.-слав. формы отъ глагола идѫ: 1) 1 ед. аор. простаго—ид-ъ, гдѣ -ъ=ае. *-ŏm; 2) 3 мн. того же времени—ид-ѫ, при чемъ -ѫ=ае. *-ŏnt; 3) И. ед. муж. прич. наст. вр. ид-ы, гдѣ -ы=ае. *-ŏnts; 4) Р. ед. для той же формы—идѫшта, при чемъ ѫ внутри слова восходитъ къ ае. *-ŏnC-.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другаго явленія той же эпохи—*полногласія-перестановки*. Это явленіе, вызванное —подобно носовымъ гласнымъ—тенденціей къ устраненію закрытыхъ слоговъ, заключалось въ томъ, что въ одной части славянскаго праязыка, изъ которой произошелъ русскій языкъ, первоначальныя сочетанія *-ĕr-, *-ĕl-, *-ŏr- и *-ŏl- въ положеніи передъ слѣдующимъ согласнымъ (кромѣ j, съ которымъ они значительно раньше путемъ слитія образовали соотвѣтствующіе мягкіе согласные) развивали послѣ себя такой же гласный, а въ остальной части праязыка славянскаго гласные и плавные мѣнялись своими мѣстами съ удлиненіемъ гласнаго или безъ него, срв.: б*е*р*е*гъ (полногласіе)+ ст.-сл- брѣгъ (перестановка съ удлиненіемъ) + польск. b*rz*eg (перестановка безъ удлиненія), праслав. *b*er*gV; б*о*р*о*да+ ст.-сл. брада [1]) + пол. b*ro*da, праслав. *b*or*dV; м*о*л*о*ко + ст.-сл. млѣко+пол. m*lé*ko, праслав. *m*el*kV; г*о*л*о*ва+ст.-сл. глава+пол. g*ło*wa, праслав. *golvV. Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что русская полногласная форма *-оло-* получилась какъ изъ праслав. *ĕl, такъ и изъ *ŏl, между тѣмъ какъ въ остальныхъ частяхъ славянскаго праязыка такого совпаденія не произошло; въ виду этого необходимо предположить, что въ слав. праязыкѣ діалектически (именно въ части его, соотвѣтствующей русской группѣ) еще до появленія полногласія сочетаніе *el* (съ твердымъ *l*) измѣнилось въ *ol*, откуда затѣмъ произошло рус. *-оло-*. [2]) Это измѣненіе (*el* →*ol*) захватило отчасти и другія области славянскаго праязыка, но лишь при нѣкоторыхъ дополнительныхъ условіяхъ,

---

[1]) Ст.-славянское а предполагается происходящимъ изъ долгаго гласнаго, при чемъ соотвѣтствующимъ краткимъ былъ о.

[2]) Необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что измѣненіе *el*→*ol* произошло еще до смягченія согласныхъ губныхъ и передне-язычныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, потому что иначе передъ такимъ *ol* согласные были бы не твердые, а мягкіе, напр. было бы не м*о*л*о*к*о*, а *м'олоко.

главнымъ образомъ при предшествующемъ шипящемъ, срв. рус. *жолобъ* + ст.-сл. **жлѣбъ* + польск. *żłob*, изъ *gelbV. [1] Литовское šálmas (шлемъ, шеломъ), заимствованное изъ славянской языковой области до образованія полногласія-перестановки, предполагаетъ въ языкѣ-источникѣ комплексъ *š*ol*m- изъ *š*el*m-. Нужно еще отмѣтить особенность въ отраженіи вышеуказанныхъ сочетаній гласнаго съ плавнымъ, когда они начинали собою слово,—въ этихъ случаяхъ во всемъ славянскомъ праязыкѣ развились перестановочныя формы, при чемъ въ русской области перестановка не была соединена съ удлиненіемъ (см. сноску 1 на стр. 68), напр. рус. *ло*коть изъ праслав. *olkV, *ро*вный изъ *orvV и др. Что касается т. наз. „втораго" русскаго полногласія (т. е. такихъ случаевъ, какъ „см*ер*ть" и т. п.), то происхожденіе его мы разъяснили на стр. 70 и 79 нашей книги [2]), здѣсь же прибавимъ только, что діалектическое измѣненіе *vĭlk- въ *vŭlk- („волкъ") происходило въ праславянскомъ вполнѣ параллельно указывавшемуся измѣненію *melko → *molko. [3]).

---

[1]) Въ чешскомъ языкѣ измѣненіе *el*→*ol* въ этомъ случаѣ предполагаетъ по-видимому первоначально еще наличность слѣдующаго непалятальнаго слога, чѣмъ мы и объясняемъ существованіе въ немъ дублета ž*le*b || ž*la*b; въ южно-славянскихъ языкахъ разсматриваемое измѣненіе наступало лишь тогда, когда за *l* слѣдовалъ согласный передне-язычный, при чемъ и здѣсь оказывается дублетъ формъ, первоначально зависѣвшій, какъ намъ кажется, отъ палятальнаго или же не-палятальнаго характера слѣд. слога, срв. ст.-сл. ѴЛАНЪ || ѴЛѢНЪ + серб. чла̑н || чле̑н + словин. člȃn || člên + чеш. član || člen (польск. członek).

[2]) Мы должны еще указать на то, что проф. А. А. Потебня установилъ тоническія отношенія между словами перваго русскаго полногласія и соотвѣтствующими сербскими, въ своемъ трудѣ «Два изслѣдованія о звукáхъ русскаго языка» (1866) стр. 42 сл. Позже акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ открылъ законы отношенія удареній названныхъ языковъ къ литовскимъ удареніямъ, какъ для перваго, такъ и для втораго полногласія, въ статьѣ «Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen», помѣщенной въ Arch. f. slav. Phil. IV (1880) стр. 575—589.

[3]) Изслѣдованіе послѣдовательнаго ряда праславянскихъ эпохъ показало намъ, какъ въ теченіе ихъ постепенно измѣнялся звуковой составъ

Примѣчаніе. Нужно думать, что процессъ образованія полногласія завершился по обособленіи восточной (будущей русской) вѣтви славянскаго праязыка, уже послѣ того, какъ она пришла въ соприкосновеніе съ западными финнами. Основаніемъ для такого заключенія служитъ то обстоятельство, что древнѣйшія позаимствованныя слова отъ этой вѣтви ея новыми сосѣдями, западными финнами, еще не обнаруживаютъ полногласнаго типа, срв. финск. *varpu* заимствовано изъ формы *vorbŭ («воробей»), *taltta* изъ *dolto ← *dolbto («долото») и др. [1]) Такимъ образомъ, VII-ая эпоха можетъ разсматриваться какъ переходная отъ праславянскаго языка къ прарусскому.

Мы видимъ, что двѣ послѣднія эпохи славянскаго праязыка были временемъ образованія въ немъ нѣкоторыхъ діалектическихъ различій, поведшихъ къ обособленію отдѣльныхъ вѣтвей и затѣмъ языковъ славянскихъ. Но прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ русскаго праязыка, мы желали бы показать, какъ именно эти діалектическія явленія отражаются на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ; для этого мы прилагаемъ здѣсь табеллярное обозрѣніе важнѣйшихъ звуковыхъ соотвѣтствій въ славянскихъ языкахъ. [2])

Закончимъ обзоръ славянскаго праязыка нѣкоторыми замѣчаніями о явленіяхъ морфологическихъ, которыхъ частію мы уже касались въ предшествующемъ изложеніи фонетическаго развитія, такъ какъ фонетическія измѣненія, происходя въ тѣхъ или другихъ морфологическихъ категоріяхъ, обусловливали и видоизмѣненіе этихъ послѣднихъ; при этомъ иногда происходило частичное совпаденіе различныхъ флексійныхъ типовъ, въ свою очередь путемъ аналогіи вызывав-

---

славянскаго праязыка. Это обстоятельство и было причиною того, что мы не прибѣгали къ возстановленію цѣлыхъ праславянскихъ словъ, чтобы случайно не оказались въ такихъ возсозданныхъ словахъ рядомъ звуки, въ дѣйствительности принадлежавшіе разнымъ эпохамъ. Между тѣмъ нерѣдко въ лингвистическихъ трудахъ встрѣчаются смѣлыя воспроизведенія праславянскихъ словъ и даже безъ точнаго отнесенія ихъ къ опредѣленной эпохѣ.

[1]) См. Mikkola J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Helsingfors 1893.

[2]) См. также статью проф. Бодуэна-де-Куртенэ «Славянскіе языки»—въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Сравнительная таблица важнѣйшихъ звуковыхъ соотвѣтствій въ славянскихъ языкахъ.

Славянскій пра-языкъ	Русскій яз	Старо-слав	Болгарскій	Сербскій яз	Словинск. яз.	Чешскій	Лужицкій	Польскій
*ē: *bēlų	бѣлъ (б'æл)	бѣлъ	бѣлъ (б'ал)	бијел (бі̏jel)	bel (бе̣l)	bělý (бjǽlæj̨) bílý (бі́læj̨)	běły (б'і̇ᵉлы)	biały (б'а́ ы) , bielić (б'е́л'іц')
*y: *dymų	дымъ (дым)	дымъ	димъ (дім)	дим (ді̏м)	dim (дім)	dým (дīм)	dym (дым)	dym (дым)
*ĭ *dĭnį	день (д'ен')	дьнь	день (деп)	дан (да̑п)	dan, den (дан, ден)	den (дæн)	B. dźeń (д͡жен') H. źeń (ж'ен')	dzień (д͡з'еп')
*ŭ: *sŭnų	сонъ (сон)	сънъ	сънъ (сан)	сан (сап)	sanj, senj (сан', сеп')	sen (сæн)	B son (сон) H. soń (сон')	sen (сен)
*CerC· *bergų	берегъ (б'е́р'ък)	брѣгъ	брѣгъ (бр'ак)	бријег (брі̏jer)	breg (бре̣̄г)	břeh (бр͡жæх)	B. brjoh (бр'ох) H. brjog (бр'ок)	brzeg (бжек)
*CorC: *borda	борода (бърåдá)	брада	брада (бра́да)	брада (бра́да)	brada (бра́да)	brada (бра́да)	broda (бро́да)	broda (бро́да)
*CelC. *melko	молокó (мълåкó)	млѣко	млѣко (мл'а́кў)	млијеко (мlijèко)	mleko (мlе̣́ко)	mléko (мlе́ко)	mljoko (мл'о́ко)	mléko (мл'íко)
*ColC: *golva	голова (гълåвá)	глава	главá (главạ́)	глава (rла́ва)	glava (rla̋ва, γl-)	hlava (γlа́ва)	B. hłova (γло́ва) H głova (гло́ва)	głowa (гло́ва)
*CĭrC. *-mĭrtį	смерть (с'м'е́р'т')	съмрьть	смрътъ (смрạт)	смрт (смр̑т)	smrt (смрт)	smrt' (смрт')	B. smjerć (см'ерч) H smjerś (см'ерш')	śmierć (с'м'ерц')
*mĭrtvų	мертвый (м'о́ртвъj)	мрьтвъ	мрътвъ (мра̣́таф)	мртав (мр̀тав)	mrtev (мр́тæв)	mrtvý (мр́твæj̨)	[B. morvy←*morły H. humarły]	martwy (ма́ртвы)
*CŭrC: *gŭrbų	горбъ (горп)	гръбъ	гръбъ (грạп)	грба ж. (гр̏ба)	grb (γрб, грп)	hrb (γрп)	B. horb (γорп) H. gjarb (г'арп)	garb (гарп)
*CŭlC: *pŭłnų	полнъ (полн)	плънъ	плън (плạн)	пун (пў̏н)	poln (polн)	plný (пlнæj̨)	B. połny (по́лны) H. połny (по́лны)	pełny (пе́лны)
*eNC: *pentį	пять (п'а'т')	пать	пет (пет, п'ет)	пет (пе̑т)	pet (пе̄т)	pět (пjæт)	B. pjeć (п'еч) H. pjeś (п'еш')	pięć (п'е̄"ц')
*pentų	пять (п'ат)	пать	пети (пе́ті, п'еті)	пети (пе̣̑ті)	peti (пе̣́ті)	pátý (па́тæj̨)	B pjaty (п'а́ты) H. pjety (п'е́ты)	piąty (п'ō"ты)
*oNC: *ronka	рука (рукá)	рѫка	ръка (ракạ́)	рука (ру́ка)	roka (ро̣́ка)	ruka (ру́ка) „ roučka (ро́ўчка)	ruka (ру́ка)	ręka (ре̄"ка) ‖ rączka (рō"чка)
*t͡j: *svētja	свѣча (с'в'ечá)	свѣшта	свѣща (сфештạ́)	свећа (свијѐћа)	sveča (сне̣́ча)	svíce (сві̄цæ)	svjeca (св'е́ца)	świeca (с'ф'е́ца)
*d͡j: *medja	межа (м'æжá)	межда	межда (междạ́)	међа (мѐђа)	meja (ме́ja)	meze (мǽзæ)	B. mjeza (м'е́за) H. mjaza (м'а́за)	miedza (м'е́д͡за)
*p͡j-: *pjū-	плюю (пл'уjу́)	плюѭ	плюѭ (пл'ўjạ)	пљујем (пљ'ӱ̏jем)	plujem (пл'ўjем)	pliju (пл'íjу)	pluju (пл'ўjу)	pluję (пл'ўjе)
*-mj-: *zemja	земля (з'емл'á)	ꙁемлѧ ꙁемѧ	земя (зем'ǽ)	земља (зѐмл'а)	zemlja (зе́мл'а)	země (зе́мjæ)	zemja (зе́м'а)	ziemia (з'е́м'а)

ПРИМѢЧАНІЯ

Приблизительное произношеніе приведенныхъ словъ изъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ указывается нами въ скобкахъ русскими буквами, и только слова праславянскаго и старославянскаго языковъ нами оставлены безъ такой транскрипціи въ виду предположительнаго характера ихъ произношенія.

Укажемъ здѣсь существенныя черты принятыхъ нами обозначеній.

¯ (черточка) надъ буквой гласнаго обозначаетъ его долготу.

˘ — знакъ краткости гласнаго:

˛ подъ буквой гласнаго передаетъ носовое его произношеніе.

ạ = узкое а.

е = средній гласный е безъ ближайшаго опредѣленія качества.

æ = широкое или открытое е.

ɛ или ẹ = узкое или закрытое е.

о = средній гласный о.

оᵃ = широкое или открытое о.

ọ = узкое или закрытое о.

іᵉ = і съ окраскою е.

ų, į = полугласные близкіе къ w и j.

ъ и ь обозначаютъ слабые краткіе гласные, близкіе по качеству къ ы и і.

' при буквѣ согласнаго выражаетъ его мягкость; твердость же согласныхъ не имѣетъ особаго обозначенія.

γ = придувное г (напр. въ словѣ „благо“).

l = среднее по мягкости л.

ћ = звукъ средній между т' и ц' (ч)

ђ = звукъ средній между д' и д͡з' (д͡ж').

´ — общій знакъ ударенія; въ сербскихъ словахъ это — знакъ восходящаго ударенія на долгихъ слогахъ, подобно тому какъ ` = восходящее удареніе на краткихъ гласныхъ, ̑ = нисходящее удареніе на долгихъ гласныхъ, ̏ очень краткое нисходящее удареніе. [1])

В. = верхне- (лужицкій).

Н. = нижне- (лужицкій).

[1]) Подробности о восходящемъ и нисходящемъ типахъ ударенія въ сербскомъ языкѣ см. въ моемъ трудѣ „Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)“ стр. 210—212

шее дальнѣйшее ихъ смѣшеніе. Такъ, напр., славянскій пра-языкъ вынесъ изъ предшествующихъ періодовъ различіе склоненія гласныхъ основъ муж. рода на -ŏ- (*bogo-) и на -ŭ- (synŭ-); въ В. ед., какъ мы видѣли, въ первомъ случаѣ ŏ въ положеніи передъ конечнымъ носовымъ съузилось въ ŭ, и такимъ образомъ окончаніе этого падежа совпало въ обоихъ типахъ. Въ дальнѣйшемъ это смѣшеніе вызвало и другія уподобленія, вслѣдствіе чего въ конечномъ результатѣ оба типа склоненія дали одинъ смѣшанный. Вполнѣ понятно, что данный морфологическій процессъ могъ начаться лишь послѣ той эпохи, въ которую совершилось указанное фонетическое явленіе. Отмѣтимъ еще смѣшеніе между основами на -i̯ŏ- (*konjŏ-) и -ĭ- (*pontĭ-), происшедшее послѣ того, какъ въ первомъ изъ этихъ типовъ въ В. ед. на мѣстѣ -ŏ- въ положеніи передъ конечнымъ носовымъ получилось также ĭ при участіи предшествующаго i̯ (j); благодаря этому частичному совпаденію, слова втораго типа стали уподобляться и въ другихъ падежахъ первому (напр. ст.-сл. огню Д. ед. вмѣсто прежняго огни). Не всегда однако дѣйствіе аналогіи вызывалось фонетическими совпаденіями; иногда оно находилось въ связи съ стремленіемъ къ различенію созвучныхъ формъ, причемъ одна изъ нихъ уподоблялась болѣе ей сродному другому типу; такъ, напр., въ существительныхъ средняго рода основы на -ŏ- должны были бы оканчиваться въ И. В. ед. на -ŭ (=*-ŏ-m) и такимъ образомъ совпасть съ такимъ же падежомъ словъ муж. рода; на самомъ дѣлѣ такое совпаденіе данной формы было устранено аналогіей къ типу словъ того же рода (средняго) склоненія сигматическаго, т. е. съ окончаніемъ -o ← -ŏs (напр. небо), и мѣстоименнаго (напр. то= *tŏd); въ результатѣ данныя слова средн. рода получили окончаніе *-o* отличное отъ окончанія муж. рода. Распространеніе мѣстоименнаго склоненія происходило также и въ прилагательныхъ, напр. въ формахъ Р. и Д. ед. муж. и ср. рода (добр*ого*, добр*ому*—по аналогіи къ *того*, *тому*). Что касается

глагола, то мы уже знаемъ, что славянскій праязыкъ устранилъ многія первоначальныя формы спряженія; въ замѣнъ этого въ немъ стали развиваться новыя образованія, напр. варіапіи аористическихъ образованій и описательныя выраженія съ формами глагола „есмь“, „имамь“ и др.; срв. ст.-сл. вєдѣахъ (аористическое образованіе для передачи имперфекта), пришьлъ ѥсмь (перф.), не имамъ възалкатися (буд.) и др. Кромѣ того для различенія временныхъ категорій стали служить еще и префиксы, придававшіе въ извѣстныхъ случаяхъ совершенный видъ, а кромѣ того скудость временныхъ формъ вознаграждалась образованіями при посредствѣ т. наз. славянскаго подъема, представляющаго расширеніе литво-славянскихъ подъемныхъ отношеній (см. стр. 196 сл.). [1])

4) Русскій праязыкъ.

Представимъ прежде всего звуковой инвентарь, который имѣлся въ основно-русскомъ языкѣ въ эпоху выдѣленія послѣдняго изъ общеславянскаго. При этомъ вполнѣ понятно, что нѣкоторые звуки и звукосочетанія остались общими у русскаго праязыка съ другими его славянскими братьями, тогда какъ иные звуки и ихъ сочетанія представляли особенности, отличавшія русскій праязыкъ отъ другихъ славянскихъ языковыхъ вѣтвей и служившія къ обособленію его въ качествѣ самостоятельнаго языковаго индивидуума.

Къ категоріи звуковъ, общихъ у русскаго праязыка съ другими славянскими вѣтвями, относятся слѣдующіе: а) *глас-*

---

[1]) По вопросамъ славянскаго (также литовскаго) глагола см. труды проф. Г. К. Ульянова: а) Основы наст. времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ (Варшава, 1888), б) Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ, ч. I—II (Варшава, 1891, 1895), а также Критическій разборъ послѣдняго труда академикомъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ (С.-Пб. 1897). См. также статью—Meillet A. Des aspects perfectif et imperfectif dans la traduction de l'Évangile en vieux slave, въ его книгѣ Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave (1902), стр. 1—104.

ные: а, о, е, ѣ [1]), і, ы, у, носовые гласные о̃ и е и, наконецъ, узкіе краткіе гласные *ъ* и *ь*, б) *согласные*: всѣ первично-твердые согласные, извѣстные намъ изъ современнаго русскаго языка, а изъ мягкихъ согласныхъ—*ч'* (изъ *k'), *дж'* или *ж'* (изъ *г'), *ж'* (изъ *зj), *ш'* (изъ *х' и *сj), *ц'* (изъ *k'), *дз'* или *з'* (изъ *г'), *с'* (изъ *х'), а кромѣ того плавные *л'*, *р'* и носовой *н'* (развившіеся на почвѣ сочетанія соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ съ j); кромѣ того, чертою общею у русскаго праязыка съ другими славянскими вѣтвями, вынесенною изъ славянскаго праязыка, было въ ту эпоху отсутствіе закрытыхъ слоговъ.

Что касается звуковъ и звукосочетаній типичныхъ для русскаго праязыка, отличавшихъ его отъ другихъ родственныхъ славянскихъ, то мы можемъ отмѣтить слѣдующіе: *полногласіе* въ двухъ видахъ, *ч'* (изъ *tj и *kt^{i}), *ж'* (изъ *dj), сочетанія губныхъ съ л' (получившіяся изъ губныхъ съ j). Нужно однако замѣтить, что и нѣкоторые изъ звуковъ первой категоріи въ русскомъ праязыкѣ имѣли нѣкоторыя особенности, намѣчавшія имъ путь инаго развитія по сравненію съ другими славянскими діалектами. Таковы, напр., звуки **ъ* и **ь* въ болѣе сильныхъ положеніяхъ (т. е. ъ̀ и ь̀), а также носовые гласные, измѣненіе которыхъ въ русскомъ языкѣ шло въ другомъ направленіи, чѣмъ въ нѣкоторыхъ его сородичахъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Теперь мы обратимся къ обзору главнѣйшихъ звуковыхъ измѣненій, которыя произошли въ русскомъ языкѣ со времени его обособленія отъ другихъ славянскихъ вѣтвей, при чемъ можно установить извѣстную послѣдовательность этихъ измѣненій, сгруппировавъ ихъ въ нѣсколько эпохъ, хотя и не

---

[1]) Начертанію *ѣ* для той древней эпохи должно придавать иное звуковое значеніе, нежели для современной. Несомнѣнно, что тогда этотъ звукъ не совпадалъ съ звукомъ, обозначаемымъ черезъ *е*; предполагаютъ, что это было долгое *е*, но можно думать, что этотъ гласный имѣлъ «дифтонгообразное» произношеніе, при чемъ первая половина была у̌же второй.

должно представлять себѣ эти послѣднія рѣзко ограниченными: явленія, начавшіяся въ одну эпоху, могли и не закончиться въ ней, но продолжаться и закончиться въ слѣдующую или слѣдующія эпохи, и такимъ образомъ эпохи могутъ какъ бы частично налегать одна на другую. Важнѣйшія изъ этихъ измѣненій слѣдующія: 1) дальнѣйшіе случаи непереходнаго смягченія согласныхъ, 2) переходъ носовыхъ гласныхъ въ чистые, 3) возникновеніе бѣглыхъ гласныхъ и 4) измѣненіе 'е→'о.

I. *Эпоха непереходнаго смягченія согласныхъ передне-язычныхъ и губныхъ подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за ними палятальныхъ гласныхъ.*

Согласные, подвергавшіеся такому смягченію, принадлежали къ губному и передне-язычному рядамъ; такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ образовались пары по твердости и мягкости изъ согласныхъ звуковъ этихъ двухъ рядовъ, а именно: п || п', б || б', в || в', т || т', д || д', с || с', з || з', н || н', л || л', р || р' (три послѣднихъ мягкихъ звука, т. е. *н' л'*, *р'*, кромѣ того были вынесены и изъ славянскаго праязыка, гдѣ они получились отъ слитія соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ съ j). [1]) Причина, обусловливавшая разсматриваемое смягченіе согласныхъ, чисто физіологическая и заключается въ наличности палятальнаго гласнаго, слѣдовавшаго за согласнымъ: приближеніе къ небу средней части языка, свойственное палятальнымъ гласнымъ, сообщалось предшествующему согласному, отчего этотъ послѣдній становился мягкимъ. Нужно добавить, что этотъ процессъ, подобно большинству звуковыхъ измѣненій физіологическаго характера, совершался постепенно, представляя въ ходѣ времени рядъ незамѣт-

---

[1]) Среди этихъ паръ отсутствуетъ согласный *ф*, который появился значительно позже, когда въ языкѣ появились вторично закрытые слоги и когда затѣмъ конечные звонкіе согласные стали утрачивать свою звонкость.

ныхъ переходныхъ моментовъ на пути отъ твердаго произношенія согласнаго къ мягкому.

Если мы обратимся къ отраженію этого смягченія въ современномъ языкѣ, то замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанная причина можетъ быть безъ труда обнаружена, такъ какъ палятальный гласный сохранилъ до сихъ поръ свою палятальность, напр. *в'єл'і* (вели), *м'ӕл* (мѣлъ). Но есть цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ причина смягченія согласнаго въ современномъ языкѣ уже не можетъ быть усмотрѣна, такъ какъ за такимъ мягкимъ согласнымъ теперь слѣдуетъ или не-палятальный гласный, или твердый согласный, или—наконецъ—мягкій согласный оканчиваетъ собою слово, напр. *м'áсă* (мясо), *м'óдў* (меду), *т'мá* (тьма), *óс'* (ось). Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мягкость согласнаго была вызвана также палятальнымъ гласнымъ, который впослѣдствіи или измѣнился въ гласный не-палятальный, или же исчезъ, оставивъ по себѣ слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго. Такъ, въ случаѣ „*м'áсă*" мягкость *м* была вызвана палятальнымъ носовымъ гласнымъ (срв. ст.-сл. мѧсо, польск. mięso); въ словѣ „м'óдў" мягкость согласнаго была вызвана тѣмъ, что въ данную эпоху на мѣстѣ гласнаго *'о* произносился гласный *е* (срв. ст.-сл. медоу, серб. меду); [1]) что касается мягкости согласныхъ въ случаяхъ „*т'*ма", „ос'", то она была вызвана гласнымъ ъ (ĭ), слѣдовавшимъ за этими согласными и впослѣдствіи исчезнувшимъ.

Однако не во всѣхъ частяхъ русскаго языка существуетъ столь широкое развитіе непереходнаго смягченія, какъ мы только-что представили. Существенное уклоненіе въ этомъ отношеніи представляетъ малорусское нарѣчіе, гдѣ въ нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ случаевъ не наблюдается смягченія

---

[1]) Примѣръ *л'óн* (ленъ), имѣющій такой же гласный и такъ же обозначаемый въ орѳографіи, представляетъ собою особый случай, такъ какъ въ ст.-сл. этому гласному отвѣчаетъ уже не є, но ь, т. е. ĭ (льнъ).

согласныхъ, напр. *м*ә́ д у, *д*ә́ н', *п*ы̣́ ты̣ (=влр. пить) и т. п. [1]) Нужно предположить, что діалектическіе задатки этихъ отличій малорусскаго нарѣчія имѣлись и въ прарусскомъ языкѣ, въ которомъ такимъ образомъ уже въ разсматриваемую эпоху намѣчалось развѣтвленіе на два главныя нарѣчія—сѣверно-русское (предокъ великорусско-бѣлорусскаго) и южнорусское (предокъ малорусскаго). Тѣмъ не менѣе нѣкоторые случаи непереходнаго смягченія малорусскій языкъ раздѣляетъ съ великорусско-бѣлорусскимъ; сюда относятся: а) смягченіе, вызванное первичнымъ или общеславянскимъ *ѣ*, напр. *м*'і р а (=влр. мѣра), а также вторичнымъ или южнорусскимъ *ѣ*, напр. *п*'і ч (=влр. печь), *н*'і с (=влр. нёсъ), б) смягченіе, вызванное нѣкогда бывшимъ ь (ĭ), затѣмъ исчезнувшимъ, напр. д ә́ *н*', *т*'м а. Такъ какъ эти случаи развивались въ связи съ явленіями нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ эпохъ, то и объясненіе ихъ будетъ сдѣлано при разсмотрѣніи этихъ послѣднихъ.

---

[1]) Отсутствіе въ подобныхъ случаяхъ смягченія въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи еще не имѣетъ общепринятаго объясненія. Намъ представляются болѣе вѣроятными слѣдующія два: 1) можно допустить отвердѣніе цѣльнаго слога, т. е. отвердѣніе согласнаго въ связи съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ гласнаго, и быть можетъ еще тогда, когда не развилась полная мягкость; 2) можно предположить въ качествѣ посредствующаго звена выдѣленіе изъ согласнаго, достигшаго полной мягкости, элемента j или i̯ (или—другими словами—разложеніе мягкаго согласнаго на твердый + мягкость), а затѣмъ этотъ послѣдній элементъ могъ со временемъ утратиться и такимъ образомъ получился слогъ съ твердымъ согласнымъ. Подтвержденіемъ для этого предположенія служитъ существованіе въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ такого произношенія, какъ п j á т', гдѣ мы имѣемъ на лицо вышеуказанное разложеніе мягкаго губнаго согласнаго; можно ожидать, что въ дальнѣйшемъ это слово получитъ произношеніе *пат', т. е. уже безъ j (i̯), подобно тому, какъ это мы встрѣчаемъ въ родственномъ чешскомъ словѣ *pátý* «пятый̯». При слѣдующемъ палатальномъ гласномъ въ малорусскомъ этотъ процессъ развертывался быстрѣе, а потому въ этихъ случаяхъ раньше наступила конечная стадія, т. е. полученіе твердаго слога (срв. неравномѣрность процесса въ нѣсколько сходныхъ случаяхъ въ великорусскомъ нарѣчіи: обыскать ‖ объявить и т. д.).

II. *Эпоха измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые.*

Необходимо предположить, что измѣненіе это происходило въ болѣе позднее время, чѣмъ развитіе непереходнаго смягченія согласныхъ. Такое предположеніе основывается на слѣдующемъ. Если бы палятальный носовой гласный ẽ успѣлъ измѣниться въ чистый не-палятальный гласный (*a*) еще до процесса смягченія согласныхъ, то передъ этимъ послѣднимъ гласнымъ теперь не было бы смягченія согласнаго. А между тѣмъ въ такихъ примѣрахъ, какъ *п'*á т', *м'*á с ă и пр., не смотря на не-палятальный гласный *a*, мы видимъ мягкость предшествующихъ согласныхъ, очевидно сохраненную отъ эпохи палятальнаго носоваго гласнаго. Что касается другаго носоваго гласнаго, т. е. õ, то нужно думать, что переходъ его въ чистый (*у*) происходилъ параллельно съ аналогичнымъ измѣненіемъ уже разсмотрѣннаго носоваго гласнаго. Подтвержденіе этому представляютъ нѣкоторые изъ современныхъ славянскихъ языковъ, еще и теперь сохраняющіе носовые гласные, каковы—польскій и кашубскій, гдѣ модификаціи въ произношеніи того и другаго гласнаго вполнѣ параллельны (срв. пол. mięso || wąsy, gęba || skąpy, rybę || rybą). Но кромѣ общаго заключенія о томъ, что эпоха измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые слѣдовала за развитіемъ непереходнаго смягченія согласныхъ (а не наоборотъ), мы можемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ указать приблизительно время полученія въ русскомъ языкѣ чистыхъ гласныхъ изъ носовыхъ. Можно думать, что къ концу X в. въ русскомъ языкѣ слышались уже чистые гласные на мѣстѣ носовыхъ. Къ такому заключенію насъ приводятъ данныя отъ конца X в. въ сочиненіи Константина Багрянороднаго „Объ управленіи государствомъ", которыя представляютъ собою древнерусскія названія Днѣпровскихъ пороговъ (не*я*сыть или не*я*сытъ „коршунъ", гдѣ *я*=ст.-сл. ѩ; вър*у*чи—прич. отъ вьрѣти „кипѣть", *у*=ст.-сл ѫ), переданныя греческимъ письмомъ (*Νεασήτ*, *Βερούτζη*), при чемъ на мѣстѣ носовыхъ гласныхъ стоятъ знаки чистыхъ глас-

ныхъ. [1]) Во всякомъ случаѣ къ эпохѣ *Остромирова Евангелія* (т. е. въ половинѣ XI в.) носовые гласные несомнѣнно уже смѣнились чистыми, такъ какъ въ этомъ памятникѣ встрѣчаемъ случаи смѣшенія знаковъ носовыхъ гласныхъ съ знаками чистыхъ, срв. напр. написанія—з е м л *ю* вм. землѭ, ꙗ вм. ѧ и пр.

Относительно самаго процесса перехода носовыхъ гласныхъ въ чистые также не слѣдуетъ думать, что онъ совершился быстро; на самомъ дѣлѣ оба носовые гласные постепенно измѣнялись въ своемъ качествѣ, прежде чѣмъ утратить носовой характеръ. При этомъ носовой гласный ẽ на пути своего измѣненія постепенно расширялся, пока не превратился въ предѣльный гласный ã и уже въ этомъ видѣ потерялъ свой носовой пазвукъ ('ẽ→'ẽ^{а}→'ã→'а). Такъ должно думать на томъ основаніи, что если бы гласный *ẽ пересталъ быть носовымъ еще до своего расширенія въ *а*, то онъ смѣшался бы съ основнымъ *е* и подобно послѣднему не перешелъ бы уже въ *'а*. Другой носовой гласный (õ), наоборотъ, съ теченіемъ времени постепенно съуживался, пока не достигъ предѣльной стадіи узкаго носоваго гласнаго (ỹ) и только въ этомъ видѣ утратилъ свой носовой пазвукъ (õ→ọ̃→ỹ→у). Еслибы онъ утратилъ этотъ послѣдній ранѣе процесса съуженія, то подобно основному *о* не измѣнился бы въ у. [2])

---

[1]) Конечно, возможно допустить, что въ то время при произношеніи разсматриваемыхъ гласныхъ имѣлся еще носовой пазвукъ, но столь незначительный, что онъ былъ не отмѣченъ знакомъ носоваго согласнаго. Заслуживаетъ вниманія также названіе еще одного порога—«напрязи», гдѣ бывшій носовой гласный переданъ въ греческомъ письмѣ не посредствомъ α, а черезъ ε (Ναπρεζή). Здѣсь мы имѣемъ, можно думать, приблизительное фонетическое обозначеніе, такъ какъ въ этомъ словѣ гласный *а*, находясь между мягкими согласными и вдобавокъ будучи неударенным (именно—предшествуя слогу съ удареніемъ), имѣлъ болѣе палятальный нюансъ, приближавшій его къ *е* (впрочемъ, не лишено вѣроятности то предположеніе, что здѣсь корень слова представлялъ варіацію безъ носоваго инфикса и потому содержалъ чистый гласный *е*).

[2]) Вполнѣ понятно, что если въ теченіи описываемаго процесса или ранѣе въ русскій языкъ вошли нѣкоторыя иностранныя слова, содержавшія

III. *Эпоха двоякаго развитія* *ъ *и* *ь *или—другими словами—эпоха образованія бѣглыхъ гласныхъ.*

Сущность разсматриваемаго явленія заключается въ томъ, что краткіе гласные *ъ (ў) и *ь (ĭ), находясь въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ, измѣнялись въ двухъ разныхъ направленіяхъ, именно: тѣ краткіе *ъ и *ь, которые находились на концѣ слова или въ другихъ слабыхъ положеніяхъ, постепенно ослаблялись и наконецъ исчезали, а тѣ, которые занимали болѣе сильное положеніе въ словѣ, постепенно усиливались, измѣняясь по направленію къ гласнымъ *о* и *е*. [1]) Такъ, напр., слова со́н (сонъ) и д'е́н' (день) до разсматриваемой эпохи имѣли каждое по два краткихъ гласныхъ (*съ̀нъ, *д'ь̀н'ь), изъ которыхъ первые имѣли болѣе сильное произношеніе, а вторые—болѣе слабое. Со временемъ конечные гласные исчезли, а первые расширились, при чемъ гласный *ъ̀ (ў) расширился въ *о*, а *ь̀ (ĭ) въ *е*. Слѣдуетъ думать, что ослабленіе конечныхъ и расширеніе предшествующихъ гласныхъ совершалось не только параллельно, но и въ связи одно съ другимъ, при чемъ расширеніе одного гласнаго какъ бы компенсировало ослабленіе другаго. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда на концѣ слова стояли не краткіе *ъ или *ь, а полный

носовой гласный или же гласный съ носовымъ согласнымъ, то они подверглись тому же процессу на-равнѣ съ природными словами. Таковы, напр., слова: к н *я* з ь, в и т *я* з ь, в а р *я* г ъ, г *у* с ь и т. п., а также названіе народа *у* г р ы ‖ пол. węgry или wągry.

[1]) То, что гласный *ъ имѣлъ передъ разсматриваемымъ процессомъ звуковое значеніе ў, слѣдуетъ изъ указанія родственныхъ языковъ и прежде всего литовскаго, какъ ближайшаго родича языковъ славянскихъ (срв. напр. м е д ъ, ст.-сл. **медъ** ≠ литов. medŭs; с ы н ъ, ст.-сл. **сынъ** ≠ литов. sūnŭs и т. п.). Такое произношеніе нужно принять, какъ исходную точку въ нашемъ процессѣ, и для прарусскаго языка на основаніи указаній самого русскаго языка, такъ какъ только изъ *ў могъ чрезъ расширеніе произойти гласный *о*. Съ другой стороны ъ (ў), подвергавшійся ослабленію, постепенно терялъ губность, вмѣстѣ съ чѣмъ уложеніе языка становилось менѣе и менѣе глубокимъ; благодаря этому ослаблявшійся гласный ў постепенно измѣнялся въ сторону ы (ў → ўы → ы̆у → . . . . ы̆).

гласный, то *ъ и *ь предшествующаго слога уже не расширялись, а постепенно ослаблялись до исчезновенія, напр. с͜на́ (*съна), д'͜н'і (*д'ьн'і) и т. д. Двоякое развитіе *ъ (ў) и *ь (ĭ) дало такимъ образомъ въ результатѣ въ русскомъ языкѣ явленіе бѣглыхъ гласныхъ *о* и *е*, т. е. такія чередованія, какъ с*о*нъ || сна, пят*о*къ || пятка, л*о*жь || лжи, д*е*нь || дня, от*е*цъ || отца, л*е*нъ || льна, ор*е*лъ || орла и пр.

Разсматриваемый нами процессъ, подобно процессу измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые, слѣдовалъ за процессомъ непереходнаго смягченія согласныхъ. Это предположеніе основывается на такихъ случаяхъ, какъ *ó с'* (ось), д'*є́ н'* (день), *т'*м á (тьма) и пр., въ которыхъ мягкость согласнаго была обусловлена присутствіемъ узкаго палятальнаго гласнаго *ь. Если бы исчезновеніе этого гласнаго произошло еще до непереходнаго смягченія согласныхъ, то въ приведенныхъ словахъ этого смягченія не послѣдовало бы. А такъ какъ ослабленіе и исчезновеніе *ь совершалось въ связи съ расширеніемъ предшествующаго ь, то необходимо заключить, что и это послѣднее, т. е. расширеніе, также слѣдовало за эпохой непереходнаго смягченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вправѣ думать, что и процессъ двоякаго развитія *ъ, шедшій параллельно съ измѣненіемъ *ь, совершался въ одну и ту же эпоху съ послѣднимъ. Нужно прибавить, что процессъ двоякаго (въ зависимости отъ различія условій) развитія *ъ и *ь произошелъ —подобно вообще звуковымъ измѣненіямъ физіологическаго характера—не разомъ, но пройдя цѣлый рядъ незамѣтныхъ переходовъ на своемъ пути къ расширенію или же ослабленію. Въ виду длительности въ развитіи какъ непереходнаго смягченія согласныхъ, такъ равно и бѣглыхъ гласныхъ, мы можемъ допустить, что первый процессъ могъ предшествовать второму лишь своей начальною фазою, въ дальнѣйшемъ же продолжалъ свое развитіе одновременно съ начавшимся вторымъ процессомъ (развитіемъ бѣглыхъ гласныхъ). При послѣдующемъ изложеніи мы болѣе убѣдимся въ правильности такой точки зрѣнія.

Процессъ двоякаго развитія *ъ и *ь совершался не вполнѣ одинаково во всѣхъ частяхъ русскаго праязыка; такъ, въ южнорусской части этого праязыка хотя и произошло ослабленіе конечныхъ *ъ̥ и *ь̥ и тоже въ связи съ расширеніемъ *ъ̀ и *ь̀ въ предшествующемъ слогѣ, но съ тою разницею, что передъ гласнымъ *е*, получившимся изъ *ь̀, въ современномъ малорусскомъ языкѣ—какъ мы уже упоминали—предшествующій согласный имѣетъ не мягкое, а твердое произношеніе; срв. влр. *д’*е́н’ (бѣлор. *дз’*е́н’) || млр. *де̑*н’. [1])

Непосредственно къ процессу двоякаго развитія *ъ и *ь примыкаетъ явленіе отвердѣнія мягкихъ согласныхъ передъ твердыми, отъ которыхъ раньше они отдѣлялись посредствомъ гласнаго *ь. Однако такое отвердѣніе происходило тогда не во всякихъ группахъ согласныхъ звуковъ, но главнымъ образомъ при соприкосновеніи мягкихъ передне-язычныхъ съ пе-

[1]) Кромѣ того, современный малорусскій языкъ указываетъ еще на одну діалектическую особенность въ разсматриваемомъ процессѣ, а именно ту, что ослаблявшіеся конечные *ъ̥ и *ь̥ вызывали не только расширеніе предшествующихъ *ъ̀ и *ь̀, но вліяли также и на средніе гласные (*е* и *о*) предшествующаго слога, обусловливая ихъ удлиненіе, соединенное съ видоизмѣненіемъ качества звука. Это измѣненіе состояло въ слѣдующемъ. Гласный *е*, вызывавшій мягкость предшествующаго согласнаго, удлинившись дифтонгизировался въ сочетаніе *іе*, въ которомъ элементъ *е* былъ болѣе узкимъ и болѣе переднимъ въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ (напр. *п’ієч «печь») и имѣлъ болѣе открытую и болѣе заднюю артикуляцію въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ (напр. *м’іед); первое изъ этихъ сочетаній совпало съ такимъ же дифтонгомъ, получившимся изъ общеслав. *ѣ (какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными), и вмѣстѣ съ послѣднимъ въ дальнѣйшемъ измѣненіи дало *і*; во второмъ же сочетаніи компонентъ *е* пріобрѣталъ нюансъ $е^{о}$ и, становясь болѣе закрытымъ, черезъ посредствующую стадію ӱ переходилъ тоже въ *і*, какъ и первое сочетаніе; въ обоихъ случаяхъ передъ такимъ *і* удержалась мягкость предшествующаго согласнаго, полученная еще въ первую эпоху. Что касается основнорусскаго гласнаго *о*, то онъ, удлиняясь и вмѣстѣ съ тѣмъ становясь болѣе закрытымъ, проходилъ стадіи: ō→ọ̄→ȳ→$у^{ы}$→ы̣(и); поэтому напр. влр. ночь= соврем. млр. нич, гдѣ согласный *н* имѣетъ твердое или же полумягкое произношеніе.

редне-язычными твердыми, срв. т‸ржь || распьнж. [1]) Въ виду того, что такого рода случаи встрѣчаются уже въ памятникахъ XI в., мы вправѣ заключить, что къ этой эпохѣ успѣло произойти въ части случаевъ отвердѣніе согласныхъ, а слѣдовательно и образованіе бѣглыхъ гласныхъ, какъ непосредственно предшествующее ему.

IV. *Измѣненіе* 'е→'о *въ положеніи передъ твердыми согласными.*

Главнымъ условіемъ, вызывавшимъ это измѣненіе, была *твердость слѣдующаго согласнаго*, какъ это явствуетъ изъ сравненія л'е́ч' || л'о́к, jе́л' || jо́лка и пр. Въ литературной рѣчи присоединяется еще другое условіе—ударяемость разсматриваемаго гласнаго, но въ окающихъ народныхъ говорахъ это условіе не обязательно, такъ что явленіе наблюдается также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. н'єс'í || н'осу́ и т. п. Попытаемся выяснить съ физіологической точки зрѣнія изучаемый процессъ. Измѣненіе 'е→'о состоитъ въ постепенномъ перемѣщеніи артикуляціи отъ средней части языка къ задней въ связи съ одновременнымъ и постепеннымъ развитіемъ съуженія губъ (лябіализаціи), характернаго для *о*, при чемъ измѣненіе это на своемъ пути отъ *е* къ *о* должно было пройти цѣлую непрерывную цѣпь переходныхъ нюансовъ е.... е°.... о. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ твердый согласный могъ вліять на переходъ предшествующаго гласнаго *'е* въ *'о*, напр. въ словѣ „медъ". Съ точки зрѣнія физіологіи *современнаго* намъ произношенія изслѣдуемое явленіе не объяснимо, такъ какъ твердый согласный, оканчивающій собою слово, имѣетъ резонансовый аккомпаниментъ *ы*, совершенно лишенный лябіализаціи, а потому не способный

[1]) Въ формѣ т‸рж раньше существовалъ слабый ь между согласными *т'* и *р*, обусловившій непереходное смягченіе согласнаго *т* (затѣмъ отвердѣвшаго); доказательствомъ предполагаемаго гласнаго ѣ служатъ такія формы, какъ т ь р е т ь (Сборн. 1073 г.), гдѣ посредствомъ ь обозначена мягкость перваго согласнаго, сохранявшаяся передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ.

вызывать губной оттѣнокъ въ предшествующемъ гласномъ. Но это измѣненіе станетъ совершенно понятнымъ, если мы допустимъ, что въ эпоху, когда оно зарождалось, конечное *ъ* еще звучало, сохраняя при этомъ въ той или иной степени свойство лябіальнаго гласнаго, отъ котораго произошло, т. е. краткаго *у*. Понятно, что произносившееся такимъ образомъ *ъ* сообщало лябіальный оттѣнокъ и предшествующему согласному [1]), а этотъ послѣдній въ свою очередь стоявшему передъ нимъ гласному *'е*. Изъ этого мы заключаемъ, что эпоха измѣненія *'е* въ *'о* не слѣдовала за законченною эпохою развитія бѣглыхъ гласныхъ, но своею значительною частью заходила въ эту послѣднюю. Что касается случаевъ, когда слѣдовавшій за гласнымъ *'е* твердый согласный сочетался съ вполнѣ опредѣленными губными гласными, напр. м е *д у* и т. п., то эти случаи такъ же легко объясняются вышеприведенными соображеніями. Остаются безъ объясненія тѣ случаи, гдѣ за твердымъ согласнымъ слѣдовали не-губной гласный (напр. с е *л а*), или другой согласный (напр. в е с *л а*); можно предполагать, что здѣсь произошло расширеніе явленія, т. е. что звукъ *'е* сталъ получать нюансъ е° вообще при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Описанному измѣненію 'е→'о подверглось не только основное *'е*, но и то *'е*, которое развивалось изъ *ь въ эпоху образованія бѣглыхъ гласныхъ, напр. п *е* с ъ (ст.-сл. пьсъ). Слѣдуетъ думать, что гласный *ь расширялся не одинаково передъ мягкими и твердыми согласными, при чемъ болѣе широкая его разновидность присоединилась къ процессу измѣненія основнаго *'е* въ *'о*.

Особенность представляютъ такіе случаи, какъ: т в *е* р д ы й, т *е* м н ы й и т. д. Въ прарусскомъ языкѣ здѣсь группа внутреннихъ согласныхъ была раздѣлена краткимъ гласнымъ

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, и въ современномъ русскомъ языкѣ мы наблюдаемъ такое вліяніе послѣдующихъ губныхъ гласныхъ *о* и *у* на предшествующій согласный, состоящее въ томъ, что лябіальный укладъ этихъ гласныхъ своей экскурсіей заходитъ въ моментъ предшествующаго согласнаго.

ъ, такъ что основа приведенныхъ словъ имѣла слѣдующій видъ: *твѣрд-, *тѣмн-. Слѣдуетъ думать, что здѣсь слабое ь стало исчезать раньше, чѣмъ между другими согласными; благодаря этому, мягкій согласный здѣсь рано пришелъ въ соприкосновеніе съ послѣдующимъ твердымъ (отъ котораго раньше отдѣлялся посредствомъ ъ) и ассимилировался ему по твердости. Очевидно, что эта ассимиляція успѣла произойти до эпохи измѣненія 'е→'о, такъ что '*е* предшествовавшее отвердѣвшему согласному присоединилось къ этому процессу. [1]) Съ другой стороны такое же раннее исчезновеніе *ъ* между согласными, изъ которыхъ послѣдующій былъ мягкимъ (напр. *лъгъче), повело къ ассимиляціи перваго согласнаго второму по мягкости (ле*к*че или ле*х*че); по этой причинѣ предшествующее '*е*, очутившись передъ смягченнымъ согласнымъ, не могло уже примкнуть къ процессу измѣненія 'е→'о.

Такіе случаи, какъ от*е*цъ, гдѣ не смотря на ударенность гласнаго *е* и твердость слѣдующаго согласнаго, не произошло измѣненія 'е→'о, объясняются тѣмъ, что въ ту эпоху согласный *ц* былъ еще мягкимъ; когда же онъ отвердѣлъ, процессъ измѣненія 'е→'о уже миновалъ и вліяніе твердаго согласнаго на предшествующее 'е могло проявиться только въ нѣкоторомъ расширеніи этого послѣдняго. Напротивъ того, передъ твердыми шипящими (*ш* и *ж*) мы обычно встрѣчаемъ 'о (благодаря вліянію аналогіи), хотя они въ эпоху измѣненія 'е→'о вѣроятно были также мягкими, какъ и *ц*.

Изъ того обстоятельства, что '*е* изъ **ѣ* не подверглось измѣненію въ '*о*, слѣдуетъ заключить, что въ разсматриваемую эпоху произношеніе его отличалось какъ отъ основнаго '*е*, такъ и отъ '*е*, развивавшагося изъ *ъ.

---

[1]) Если однако за слогомъ *рь* слѣдовалъ не передне-язычный, а губной или заднеязычный твердый согласный, то *р'* сохранялъ свою мягкость, а потому и не происходило измѣненія 'е → 'о, срв. первый, верхъ и т. д.; вполнѣ понятно, что это измѣненіе не происходило также въ томъ случаѣ, если послѣдующій гласный былъ мягкій.

Можно думать, что къ эпохѣ *Остромирова Евангелія* процессъ измѣненія *'е—>'о* въ сѣверно-русской діалектической области уже совершился (срв. такія написанія въ Остром. Ев., какъ **нерданъ, нерданьскаѩ, ерданьсцѣи**=греч. *τὸν 'Ιορδάνην* и пр., изъ которыхъ можно заключить о произношеніи въ этихъ словахъ буквы є какъ *jo*), а потому становится вѣроятнымъ, что дьяконъ Григорій, списывавшій это Евангеліе уже произносилъ въ обыденной рѣчи 'о вм. 'е въ указанныхъ положеніяхъ, напр. *л'óн*, м'*óду*, н'*осý* и т. п., хотя на письмѣ и пользовался въ такихъ случаяхъ, соотвѣтственно тогдашнему правописанію, буквами є и ь.

Описанный нами процессъ измѣненія 'е—>'о происходилъ также въ южнорусской вѣтви, хотя съ значительными отличіями по сравненію съ сѣверно-русской. Прежде всего—этотъ процессъ въ южнорусской языковой области не былъ столь широко развитъ, какъ въ сѣверной, ограничиваясь слѣдующими случаями:

1) Основное *'е* измѣнилось въ *'о* въ тѣхъ полузакрытыхъ слогахъ, которые заканчивались посредствомъ ъ; по мѣрѣ ослабленія послѣдняго предшествующій гласный удлинялся и переходилъ въ дифтонгъ i̯е. Первый компонентъ этого дифтонга поддерживалъ мягкость предшествующаго согласнаго, а второй (т. е. *е*) подъ вліяніемъ слѣдующаго лябіализованнаго твердаго согласнаго подвергался процессу измѣненія 'е—>'о, напр. *н'i̯е°съ. [1]) Въ современномъ малорусскомъ языкѣ мы уже не встрѣчаемъ этого *о*, такъ какъ оно, совпавъ съ основ-

[1]) Если же слѣдующій за дифтонгомъ согласный былъ мягокъ, то второй компонентъ дифтонга не измѣнялся въ *о*, а мало-по-малу съуживался и такимъ образомъ этотъ дифтонгъ совпалъ съ тѣмъ, который произошелъ изъ древняго или общеславянскаго ē (ѣ), срв. соврем. малор. п'*і*ч («печь») и п'*і*jаті («пѣть»). Что касается основно-русскаго *'е* въ открытыхъ слогахъ внутри слова, то въ этомъ случаѣ не происходило удлиненія и указанной дифтонгизаціи гласнаго, поддерживавшей мягкость предшествующаго согласнаго, а потому такіе слоги подверглись обычному въ южнорусской вѣтви отвердѣнію, срв. *нэсý* ‖ *н'іс* (←н'ӱо←н'i̯ёс).

но-русскимъ *о* въ такомъ же положеніи, стало сходно съ нимъ измѣняться дальше и, пройдя стадію ў (срв. *будеть чтюнъ*, Гал.-волын. грам. 1398 г.), дало въ результатѣ *'і* (н'іс). Разница между этимъ *і* и тѣмъ, которое получилось отъ основнаго *о* (ніс←—*носъ) заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ согласный не развилъ такого смягченія, являясь теперь обычно только полумягкимъ.

2) Основное 'е измѣнилось въ 'о въ тѣхъ открытыхъ слогахъ внутри слова, гдѣ ему предшествовалъ шипящій согласный, а слѣдующій слогъ не содержалъ палятальнаго гласнаго, срв. соврем. малорус. пшоно́ || пшени́ця, жона́ || жени́х, чоло́. Это измѣненіе объясняется тѣмъ, что шипящіе согласные въ это время имѣли полную мягкость, необходимую для измѣненія 'е→'о, между тѣмъ какъ сочетанія основнаго *е* съ предшествующими иными согласными въ тѣхъ же условіяхъ уже подверглись процессу отвердѣнія и потому не могли слѣдовать процессу измѣненія 'е→'о, срв. соврем. малор. нэсу́, мэ́ду, рэ́бра (э передъ группой согласныхъ въ первичнозакрытомъ слогѣ) и т. п.

3) Гласный 'е, получившійся изъ *ъ, измѣнялся въ 'о лишь послѣ шипящихъ согласныхъ и притомъ во вторичнозакрытыхъ слогахъ, напр. ч'орний, ш'ол (соврем. ш'о́w). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ измѣненія 'е въ 'о не послѣдовало по той же причинѣ, которая указана выше по отношенію къ основному *е* въ открытыхъ слогахъ.

Описаніемъ процесса измѣненія 'е→'о мы и заканчиваемъ обзоръ фонетическаго состоянія русскаго праязыка, такъ какъ дальнѣйшіе процессы совершались уже въ историческое время и запечатлѣны въ памятникахъ письменности.

Что касается морфологическихъ процессовъ, совершавшихся въ прарусскомъ языкѣ, то они продолжали собою тѣ тенденціи, какія намѣтились еще въ праславянскомъ. Расположить эти процессы въ хронологической послѣдовательности по эпохамъ крайне затруднительно, благодаря нерѣдко-

му отсутствію падежныхъ признаковъ для отнесенія ихъ къ тому или другому періоду, а потому мы, не прибѣгая къ гипотезамъ, подведемъ итогъ этимъ явленіямъ ниже, когда перейдемъ къ историческому періоду развитія русскаго языка.

* * *

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Историческое время развитія русскаго языка начинается собственно со второй половины XI в., отъ которой до насъ сохранились древнѣйшіе письменные памятники. [1]) Строго говоря, памятники эти лишь отчасти отражаютъ состояніе русскаго языка того времени, такъ какъ всѣ они не представляютъ собою настоящихъ русскихъ книгъ, а только списки со старо-славянскихъ оригиналовъ русскими людьми. Правда, старо-славянскій языкъ былъ настолько близокъ тогдашнему русскому, что для пониманія церковно-славянскаго текста не требовалось спеціальнаго перевода, но тѣмъ не менѣе извѣстныя различія между этими языками существовали. А разъ это такъ, то русскіе люди, читая произведенія старо-славянской письменности, невольно допускали въ своемъ произношеніи особенности русской рѣчи, а переписывая, легко впадали въ ошибки противъ оригинала, подставляя тамъ и сямъ написанія, болѣе соотвѣтствовавшія русскому произношенію. Именно на основаніи такого рода отступленій отъ древняго церковно-славянскаго текста изслѣдователь и можетъ до нѣкоторой степени составить себѣ представленіе о древнѣйшей исторической эпохѣ русскаго языка. Для дальнѣйшихъ эпохъ въ распоряженіи изслѣдователя имѣются уже и другіе памят-

---

[1]) О болѣе раннихъ письменныхъ памятникахъ, не дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ, см. въ сочиненіи: Срезневскій И. И., Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ С.-Пб. Унив. въ 1865—1880 гг. С.-Пб. 1885, стр. 95—99.

ники, не списанные со старо-славянскаго текста, но самостоятельно составленные, съ большею или меньшею однакожъ примѣсью старо-славянскаго элемента, обусловленною привычкой къ старо-славянскимъ написаніямъ. Излагая ходъ развитія русскаго языка въ историческое время, мы расположимъ матеріалъ по столѣтіямъ, при чемъ будемъ подводить итоги въ каждомъ изъ нихъ тѣмъ новымъ чертамъ, которыя выступаютъ въ памятникахъ соотвѣтствующаго вѣка, начиная съ половины XI в. и кончая нашимъ временемъ.

XI-ый вѣкъ.

Число датированныхъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ данному столѣтію, очень ограничено, не болѣе семи; кромѣ того къ этому же столѣтію относятъ нѣсколько памятниковъ, не имѣющихъ даты. Важнѣйшими памятниками являются слѣдующіе: Остромирово Евангеліе (1056—1057 г.), Минеи (1095, 1096 и 1097 г.), два Сборника Святослава (1073 и 1076 г.) и нѣк. др. [1]) По мѣсту своего происхожденія первые два изъ названныхъ памятниковъ писаны въ Новгородѣ, а послѣдніе, т. е. оба Сборника Святославовы—въ Кіевѣ. Въ зависимости отъ этого указанныя двѣ группы памятниковъ кромѣ общерусскихъ чертъ содержатъ и нѣкоторыя такія, которыя отражаютъ діалектическія особенности соотвѣтствующихъ нарѣчій того времени. Конечно, этимъ не ограничивалось діалектическое разнообразіе русскаго языка XI-го вѣка, но изслѣдователь лишенъ возможности говорить о другихъ нарѣчіяхъ даннаго вѣка по отсутствію для нихъ письменныхъ памятниковъ. Въ своемъ изложеніи мы остановимся сначала на чертахъ общерусскихъ, а затѣмъ отмѣтимъ и черты діалектическія.

---

[1]) Изъ этихъ памятниковъ Остромирово Евангеліе хранится нынѣ въ Императ. Публичн. Библ. въ С.-Петербургѣ, такъ же какъ и Сборникъ 1076 г.; Минеи—въ библіотекѣ Синодальной Типографіи (въ Типографск. Библ.) въ Москвѣ, а Сборникъ 1073 г.—въ Москвѣ въ Синодальной Библ.

Указывая общерусскія языковыя черты, свойственныя XI-ому вѣку, мы должны оговориться, что намъ снова придется останавливаться на нѣкоторыхъ уже разсмотрѣнныхъ явленіяхъ, которыя отъ временъ прарусскаго языка сохранились до изучаемаго времени, отразившись въ письменныхъ памятникахъ этого вѣка. Кромѣ этихъ явленій, для которыхъ мы можемъ ограничиться иногда простымъ приведеніемъ примѣровъ, намъ придется отмѣтить и такія явленія, которыя возникли позже, такъ какъ время XI-го вѣка не непосредственно примыкаетъ къ прарусской эпохѣ, но отдѣлено отъ послѣдней нѣкоторымъ періодомъ, отъ котораго мы не имѣемъ письменныхъ памятниковъ и въ теченіе котораго происходило разселеніе и діалектическое дробленіе русской вѣтви славянства. [1]) Эти послѣднія явленія мы разсмотримъ уже съ большей обстоятельностью и постараемся разъяснить способъ ихъ происхожденія. Въ общемъ итогѣ русскій языкъ XI-го вѣка характеризуется слѣдующими чертами фонетическими и морфологическо-синтаксическими, по-скольку онѣ отражаются въ памятникахъ этого вѣка: 1) *ж* и *ч* (въ соотвѣтствіи съ ст.-слав. жд и шт, изъ праслав. *dj и *tj); 2) звуки чистыхъ гласныхъ вмѣсто носовыхъ; 3) полногласіе, 4) сложившееся уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ; 5) случаи *ё* изъ *е*; 6) существованіе мягкихъ губныхъ и передне-язычныхъ, а также вѣроятно уже

---

[1]) Срв. статью А. А. Шахматова Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (Ж. М. Н. Пр. 1899 г., апр.), гдѣ авторъ старается раскрыть соотношеніе между племенами начальной лѣтописи и современными нарѣчіями и говорами русскаго языка. Эти же вопросы, главнымъ образомъ въ отношеніи малорусскаго языка, еще раньше обсуждались въ статьѣ К. П. Михальчука Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины (см. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Импер. русскимъ геогр. общ., т. VII—2, 1877 г., стр. 453 сл.). Небольшая статья В. А. Городцова Древнее населеніе Рязанской области (Изв. Акад. Наукъ, XIII—4, 1909 г.) живо и наглядно рисуетъ, какъ тѣ же вопросы могутъ получать освѣщеніе на основаніи археологическихъ раскопокъ.

съ нѣкоторой мягкостью и задне-язычныхъ; 7) частичное смѣшеніе нѣкоторыхъ типовъ и формъ въ склоненіи существительныхъ подъ вліяніемъ факторовъ аналогіи и дифференціаціи, а также фонетическихъ измѣненій; 8) склоненіе простыхъ прилагательныхъ по всѣмъ падежамъ; существованіе въ сложномъ склоненіи длинныхъ окончаній и начало вліянія на него мѣстоименнаго склоненія; 9) существованіе разнообразныхъ типовъ образованія прошедшихъ временъ и прич. наст. дѣйств. на *-а*, *-аи*. Перейдемъ теперь къ частному разсмотрѣнію указанныхъ явленій. [1])

1) Примѣры *ж* и *ч*, ошибочно поставленныхъ на мѣстѣ старо-славянскихъ жд и шт: заблѫ*ж*ъшиихъ, прѣ*ж*е, ро*ж*ены, прихо*ж*ѫ (Остр. Ев.), зи*ж*ѫштеи, клеве*ч*ѫть, трепе*ч*уште (Изб. 1073), невѣ*ж*а (Мин. 1095) и др.

2) Примѣры начертаній чистыхъ гласныхъ на мѣстѣ знаковъ носовыхъ согласныхъ и обратно: бо*ю*сѧ || боѭсѧ, *я*зыкъ || ѩзыкъ (Остр. Ев.), бл̮аше (Изб. 1073), кръштати сѧ (Сб. 1076), дьѧволъ (Мин. 1095) и т. п.

3) Примѣры словъ съ первымъ полногласіемъ вмѣсто ст.-сл. перестановки: во*ло*димира, новѣг*оро*дѣ, п*ере*гнѣвъ (Остр. Ев.), п*оло*нъ „плѣнъ", п*оло*ньникъ (Изб. 1073), законъ х*оро*нити „хранить", доброн*оро*вие, в*ере*дихъ „вредилъ" (Сб. 1076) и т. д.

---

[1]) Приводя примѣры, мы опускаемъ надстрочные значки, ставившіеся въ извѣстныхъ случаяхъ надъ буквами, удерживая ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на нихъ опирается какой-нибудь фонетическій выводъ, а также для большей простоты вмѣсто буквы ѩ будемъ писать *я*, вм. ѹ—*у*, такъ какъ подобныя детали письма относятся къ палеографіи. Для изученія древне-русской письменности съ этой послѣдней стороны укажемъ слѣдующіе труды: Срезневскій И. И. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. С.-Пб. 1885; Соболевскій А. И. Славяно-русская палеографія (лекціи), съ 20 палеографическими таблицами. С.-Пб. 1908²; Карскій Е. Ѳ. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Варшав. Ун-тѣ. Варшава 1901.

4) Примѣры, доказывающіе, что старо-славянскимъ ъ и ь уже въ XI вѣкѣ соотвѣтствовали въ русскомъ языкѣ въ однихъ условіяхъ (болѣе сильныхъ)—гласные типа *о* и *е*, а въ другихъ (болѣе слабыхъ) — отсутствіе гласнаго: а) ст.-сл. „смокъвьница“ встрѣчается въ Остр. Ев. также и съ буквою *о*— смок*о*вьница; тамъ же окончаніе Тв. ед. въ склоненіи типа „рабъ“ встрѣчается въ видѣ -ъмь || -*о*мь; подобнымъ образомъ находимъ чередованіе окончаній -ьмь || -*е*мь (именьмь || имен*е*мь), -ьхъ || -*е*хъ (ѩсльхъ || ѩсл*е*хъ) и т. п.; б) вм. обычнаго „къниги“ въ Остр. Ев. встрѣчаемъ также книгы (тоже въ послѣсл. къ Изб. 1073—книгамъ) или вм. „сътвори“—створи[1]) и, наоборотъ, вм. обычнаго „ѥгда“ одинъ разъ встрѣчается написаніе ѥгъда, т. е. съ лишнимъ ъ, доказывающее, что въ этомъ положеніи ъ уже не имѣлъ звукового значенія, а являлся лишь показателемъ твердости предшествующаго согласнаго и игралъ слогоотдѣлительную роль; такія написанія, какъ всакъ вм. „вьсакъ“ (т. е. всякій), доказываютъ, что на мѣстѣ прежняго слабаго ь уже не произносился гласный, самое же начертаніе ь обозначало лишь мягкость согласнаго. [2])

Присоединимъ еще примѣры отраженія памятниками изучаемаго вѣка т. наз. „втораго“ полногласія, подтверждающіе вмѣстѣ съ тѣмъ высказанное соображеніе о рефлексахъ ъ и ь въ русскомъ языкѣ XI в.; такъ, въ Остр. Ев. при ст.-слав.

---

[1]) Срв. еще въ Изб. 1076 г.: не въздати зъла за зло.

[2]) Иногда на мѣстѣ пропущенныхъ начертаній ъ и ь ставился надстрочный значекъ ‘ или ’ надъ буквой предшествующаго согласнаго. Относительно употребленія этихъ значковъ въ Остром. Ев. А. Х. Востоковъ замѣчаетъ: «въ первой половинѣ Остромирова Евангелія употреблена кавычка ‘ вмѣсто ъра: испъл‘нѥнѫ, а кавычка ’ вмѣсто ьря: в’сакъ, также вм. ь, т. е. і слитнаго: е’мл’ете. Но во второй половинѣ сего Евангелія не встрѣчается уже такого различія между ‘ и ’, а употребляется первый знакъ и вмѣсто ьря или ь, напр. бл҃гослов‘л‘ени». (Грамматика Церковно-Славянскаго языка изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ, 1863, стр. 5—6).

формѣ „влъкъ“ встрѣчается также *въ̆лкъ*, или при „връху“ — полногласная форма *върхѫ* (ѫ вм. у), чередующаяся съ написаніемъ *въ̆рху* и просто *върха*; [1]) отсюда мы видимъ, что и въ случаяхъ втораго полногласія вторые ъ и ь уже не произносились, хотя въ нѣкоторыхъ группахъ согласныхъ иногда и могъ слышаться мимолетный переходный гласный, какъ иногда случается и въ современномъ языкѣ въ качествѣ индивидуальной особенности; что же касается первыхъ ъ и ь, то на мѣстѣ ихъ — надо думать — произносились уже *о* и *е* (срв. написаніе *жестосеръдымъ* Д. мн., въ Мин. 1095 г.). Исчезновеніе ъ и ь повело къ тому, что въ языкѣ снова появились закрытые слоги, которые заканчивались тогда какъ глухими, такъ и звонкими согласными. Послѣдніе со временемъ, находясь въ концѣ слова или внутри передъ глухими согласными, приглушаются, но не слѣдуетъ думать, что это приглушеніе наступило непосредственно вслѣдъ за исчезновеніемъ ъ и ь, ибо діалектически (въ малорусскомъ) звонкость ихъ сохраняется даже до настоящаго времени. Что касается согласнаго *в*, то онъ вмѣсто приглушенія подвергался діалектически измѣненію въ полугласный *w* (ў), о чемъ быть можетъ свидѣтельствуютъ такіе случаи въ Изб. 1073 г., какъ *уселенную* „вселенную“ (л. 9г) рядомъ съ написаніемъ *въ* вм. *у*, напр. „и *въгодьно* будетъ богу“ (35б); [2]) въ тѣхъ же діалектахъ, гдѣ такого измѣненія *в* въ полугласный не было, приглушеніе этого согласнаго, какъ и другихъ звонкихъ согласныхъ, послѣдовало позже.

5) Въ XI вѣкѣ уже существовали въ языкѣ мягкіе согласные передне-язычные и губные. Доказательствомъ существо-

---

[1]) Примѣровъ этого рода написаній довольно много какъ въ Остром. Ев., такъ и въ прочихъ памятникахъ XI в.

[2]) Отмѣтимъ однако написаніе оуселенѭѭ (В. ед.) также въ *Мар. Ев.* (Лук. II, 1), т. е. старо-славянскомъ памятникѣ не-русской редакціи; второе же слово съ начальнымъ *v* встрѣчается еще въ чешскомъ (*vhodný*). Въ обоихъ случаяхъ можно видѣть чередованіе префиксовъ *въ* и *у*.

ванія указанныхъ смягченныхъ согласныхъ въ разсматриваемую эпоху служатъ такіе примѣры, какъ *идя*аше, *живя*аше, *имя*аше (Остр. Ев.), *бл*аше (Изб. 1073 г.) и т. п. Эти написанія свидѣтельствуютъ о существованіи въ это время въ русскомъ языкѣ мягкихъ *д*, *в*, *м* и пр. Единственнымъ же источникомъ для возникновенія мягкости этихъ согласныхъ, какъ мы знаемъ, могли быть лишь смягчающіе гласные, въ томъ числѣ *ь*. Поэтому въ памятникахъ даннаго столѣтія сѣверныхъ, отчасти и южныхъ, встрѣчаемъ также случай написанія буквы ѥ вм. *е* послѣ начертаній согласныхъ звуковъ, напр. достанѥтъ (Остром. Ев.), камѥни (Мин. 1095 г.), умножитѥ (Изб. 1073 г.) и т. п. Въ Изборникѣ 1073 г. кромѣ того мягкость согласнаго отмѣчается иногда особо передъ *ѣ*, напр. прог*н'ѣ*вахомъ (Изб. 1073 г., л. 80 в), г*н'ѣ*ва'етьсѧ (ib. 69 б).

Что касается задне-язычныхъ согласныхъ, то есть основаніе думать, что въ XI в. діалектически начинаютъ появляться случаи нѣкоторой мягкости задне-язычныхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ *кы*, *гы*, *хы*, въ которыхъ одновременно съ измѣненіемъ *ы* въ сторону *і* соотвѣтственно перемѣщалась впередъ и артикуляція указанныхъ согласныхъ; правда, примѣры, подтверждающіе это явленіе, относятся къ области заимствованныхъ словъ (таковы напр.—с*ки*ния Остр., с*ки*птръ Мин. 1097), но тѣмъ не менѣе смягченное *к* уже существовало въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ, ибо оно уже появляется на мѣстѣ *ц* въ формѣ Д. Предл. ед. склоненія на *-а*, напр. дъмъкѣ вм. *дъмъцѣ (собственное имя) въ Мин. 1096 г. [1]) Необходимо еще отмѣтить присутствіе формъ Д. и Предл. ед. съ окончаніемъ *-кѣ* вм. *-цѣ* отъ прилагательныхъ на *-скъ* въ Изборн. 1073 г.: противу золобѣ женьс*кѣ* (л. 174 г), въ ч҃лчс*кѣ*и души (132 б).

---

[1]) Именно—въ записи: ст҃ая бц҃е помагаи рабу своему дъмъ*кѣ* на мънога лѣта аминъ.

6) Въ разсматриваемомъ столѣтіи на мѣстѣ основно-русскаго *е* при нѣкоторыхъ условіяхъ уже произносился гласный болѣе или менѣе близкій къ *о*, о чемъ подробнѣе излагалось раньше (стр. 362 сл.); кромѣ приведенныхъ тамъ примѣровъ укажемъ василидво (Изб. 1073, л. 124в || василево (ib. 125б). Первое написаніе встрѣчается только разъ и является ошибочнымъ противъ старо-славянской ороографіи, очевидно отражая собою произношеніе писавшаго. Въ написаніи того же памятника человѣкомъ (153б) буква *е* послѣ шипящаго выражала гласный *'о*; впрочемъ въ памятникѣ встрѣчается и написаніе чоловѣка (179г); такое же произношеніе слѣдуетъ приписать и написанію *че* въ словѣ врачевъ, Р. мн. (ib. 48г).

7) Смѣшеніе нѣкоторыхъ типовъ и формъ склоненія существительныхъ, начавшееся, какъ мы видѣли (стр. 351), еще въ славянскомъ праязыкѣ, къ половинѣ XI в. достигло въ русскомъ языкѣ болѣе значительной степени. Такъ, типы „рабъ" и „сынъ" кромѣ И. В. ед. стали смѣшиваться еще въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ вслѣдствіе дальнѣйшаго распространенія окончаній втораго типа на первый; сюда относятся падежи Р. ед. и мн.; такъ, въ Изб. 1073 г. (л. 218г) читаемъ вмѣсто „отъ льна"—„отъ льну" [1]), вмѣсто „плодъ" или „трудъ"—„плодовъ" и „трудовъ" (84б), также—„чаровъ" вм. чаръ (78г), „грѣховъ" (69б) при параллельной формѣ „грѣхъ" (48б); [2]) въ мягкомъ склоненіи аналогичное окончаніе пишется черезъ *-евъ*, напр. „врачевъ", л. 48г) (окончанія *-у* и *-овъ* || *-евъ* перенесены изъ втораго типа). [3]) Съ другой стороны и во второмъ типѣ встрѣчаемъ

---

1) Ѥпискуповъ же омофоръ же· отъ влъны сы· а не *отъ льну* овьчиньную кожу назнаменуѥть.

2) По-видимому, окончаніе *-овъ* раньше всего появляется въ тѣхъ именахъ, въ которыхъ удареніе во мн. ч. падало на падежное окончаніе.

3) Въ Д. ед. «раб*у*» и т. п. окончаніе *-у*, вѣроятно, также заимствовано изъ втораго типа (см. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку,

въ тѣхъ же падежахъ окончанія перваго типа, напр. въ Остром. Ев.—Р. ед. „връх*а*“ на ряду съ „до в р ъ х *у*“ (слово это первоначально принадлежало къ склоненію основъ на -й-, срв. литов. virš*ù*s); можно предположить, судя по современнымъ результатамъ, что уже тогда начала создаваться дифференціація окончаній *-а* и *-у* по особымъ оттѣнкамъ значенія и другимъ условіямъ употребленія, независимо отъ первоначальной принадлежности слова къ тому или другому склоненію. [1]) Кромѣ смѣшенія указанныхъ типовъ именъ существительныхъ муж. рода мы встрѣчаемъ смѣшеніе и въ именахъ существительныхъ ср. р. между типами „тѣло“ (основа содержала суффиксальный слогъ -ес-) и „лѣто“ (безъ такого слога); срв. въ Изб. 1073 г., л. 246, гдѣ встрѣчаемъ формы: тѣл*ес*е (Р. ед.), тѣл*ес*а (И. В. мн.), тѣл*есъ* (Р. мн.) || тѣлу (Д. ед.), тѣлъмь (Тв. ед.). Толчокъ къ такому смѣшенію далъ И. В. ед., совпавшій въ обоихъ типахъ уже въ слав. празыкѣ. Что же касается склоненія существительныхъ жен. рода на *-я* (*-а*), то въ немъ также начинаютъ появляться случаи смѣшенія нѣкоторыхъ падежныхъ формъ съ другими типами. Прежде всего въ Род. ед. мягкаго склоненія рядомъ съ окончаніемъ *-я* || *-ѣ* появляются формы на *-и*, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ склоненія словъ того же рода на *-ь* (напр. дверь, кость), благодаря чему получалась гармонія съ соотвѣтствующимъ окончаніемъ (*-ы*) твердаго склоненія;

1910³, стр. 406—407) и притомъ, надо думать, раньше приведенныхъ случаевъ, такъ какъ уже совершенно вышла изъ употребленія первоначальная форма Д. ед. перваго типа. Кромѣ окончанія *-у* распространялось изъ того же источника и другое окончаніе *-ови*; такъ въ Остр. Ев. встрѣчается б о г *у* и б о г *о в и* (т. е. подобно формамъ—сын*у* и сын*ови*).

[1]) Такъ, въ примѣрѣ «отъ льн*у*» мы видимъ сочетаніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія, а затѣмъ присоединяются и другіе оттѣнки значенія и вообще другіе моменты; такъ, въ XIV в. мы уже встрѣчаемъ: со брег*у*, до тръг*у*, т. е. исходный и достигательный оттѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ къ названіямъ вещественнымъ, и т. п.

срв. въ сѣв.-рус. Род. ед. Еvфросиниѣ, отроковичи (Мин. 1095 г.). Такимъ образомъ въ женскомъ мягкомъ склоненіи получились три одинаковыя формы для падежей Р. Д. и Предл. ед., что въ свою очередь вызывало потребность дифференцировать Род. падежъ отъ двухъ другихъ (болѣе родственныхъ между собою по смыслу); это и достигалось распространеніемъ въ этихъ послѣднихъ соотвѣтствующаго окончанія изъ твердаго склоненія, напр. въ пустынѣ (Мин. 1096 г.).

Въ предшествующемъ мы отмѣтили случаи смѣшенія разныхъ типовъ склоненія; теперь же мы обратимся къ случаямъ примѣненія одной падежной формы въ двухъ разныхъ падежныхъ смыслахъ въ одномъ и томъ же типѣ. Сюда относится въ склоненіи типа „рабъ“ распространеніе формы Родит. ед. на Вин. ед. въ названіяхъ лицъ и вообще одушевленныхъ предметовъ, напр. „рабъ гн҃а своего славить“ (Изб. 1073 г., л. 28 г). Изъ этого же примѣра легко видѣть, что замѣна прежняго Вин. ед. (сходнаго съ Имен. ед.) другимъ падежомъ была вызвана необходимостью, при свободѣ словорасположенія, внѣшнимъ образомъ отличить объектъ дѣйствія отъ субъекта, что конечно чаще всего требовалось при названіяхъ одушевленныхъ предметовъ. Въ женскомъ родѣ подобной перемѣны не требовалось, такъ какъ соотвѣтствующіе падежи уже отличались по своей формѣ; что же касается названій неодушевленныхъ предметовъ муж. рода и названій средняго рода, то они чаще выступали въ роли объектовъ дѣйствія, а потому здѣсь и не было достаточнаго повода къ новообразованіямъ. Теперь мы должны уяснить себѣ, почему языкъ воспользовался для указанной дифференціаціи И. В. ед. муж. именно формою Род. ед. Толчокъ къ такому преобразованію могъ идти отъ случаевъ, когда при дѣйствительномъ глаголѣ стояло отрицаніе и названіе объекта ставилось уже въ Род. падежѣ; срв. въ Остром. Ев. (Іо. IV, 16—17) выраженія: призови мѫжъ твои (Вин. ед.) || не имамъ мѫжа

(Род. ед.). Разсматриваемой замѣнѣ могло благопріятствовать также сходство формы В. съ Род. въ вопросительномъ мѣстоименіи („кого?"), такъ какъ одинаковость въ вопросѣ легко вызывала одинаковость и въ отвѣтѣ. [1])

Намъ осталось указать еще на замѣну окончанія ѧ въ мягкомъ склоненіи не только черезъ *-я* (*-а*), но еще и черезъ *-ѣ*, а именно въ падежахъ Р. ед. и И. В. мн. женскаго рода и В. мн. муж., напр. въ Остр. Ев.: великыя недѣл*ѣ* (Р. ед.), потъ ѥго яко капл*ѣ* кръви (И. мн.); Изб. 1073 г.: отъ троиц*ѣ* (при болѣе частомъ—„отъ троиц*а*") л. 8г, и др.

8) Прилагательныя (а также причастія) простыя въ XI в. склонялись еще по всѣмъ падежамъ подобно существительнымъ, напр.: на мъног*а* лѣта (Мин. 1096, л. 127, приписка), мъног*амъ* душамъ (Остром. Ев., запись) и т. п. Что касается сложныхъ прилагательныхъ (и причастій), то они встрѣчаются въ памятникахъ XI в. въ двоякой формѣ—съ повтореніемъ гласнаго (того же или однороднаго) передъ конечнымъ слогомъ и безъ такого повторенія, напр. обидим*а*-*а*го, сир*уу*му (Изб. 1073, л, 27б), ближьн*юу*му (80в), храняшт*ии*мъ (85б), различьн*ыи*хъ и т. д. || съмрьтьн*а*го (132г), супротивьн*ы*хъ (126г) и пр. [2])

Примѣчаніе. Нѣкоторые изслѣдователи окончанія *-ааго* и *-ууму* выводятъ фонетически изъ *-аего* и *-уему*, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ старо-славянскихъ памятникахъ. Однако мы не находимъ тѣхъ общихъ фонетическихъ законовъ, къ которымъ можно было бы свести такое звуковое измѣненіе. Не считая это преобразованіе фонетическимъ, мы его объясняемъ

---

[1]) Срв. Vondrák W. Vergleichende Slavische Grammatik, II (1908), стр. 339.

[2]) Въ былинной поэзіи, а также, какъ мы видѣли (стр. 297), въ нѣкоторыхъ сѣв.-влр. народныхъ говорахъ сохранились образованія съ *-ыи-* и *-ии-*; срв. въ былинѣ о Святогорѣ (Гильфердингъ, Онежскія былины, 1873 г., стр. 6):

На тыхъ горахъ высок*іи*хъ
На той на Святой Горы,
Былъ богáтырь чюдн*ыи*...

приноровленіемъ къ формамъ съ *-ии-*, гдѣ уже имѣлось повтореніе одного и того же гласнаго. Что касается окончаній мягкаго склоненія *-яаго*, *-юуму*, то и они при нашемъ толкованіи не представляютъ затрудненія, такъ какъ гласные *'а* и *'у* (т. е. съ мягкой экскурсіей) при повтореніи или, точнѣе, продленіи могли дать лишь гласные *а* и *у* (уже безъ мягкой экскурсіи).

Рядомъ съ приведенными образованіями имѣются такія, которыя обязаны вліянію мѣстоименнаго склоненія. Сюда относятся окончанія Дат. ед. муж. и ср. на *-ому* и *-ему*, встрѣчающіяся уже въ памятникахъ XI в., напр. благовѣрьн*ому*, ближьн*ему* (Изб. 1073) и др., по образцу мѣстоименныхъ формъ т*ому*, *ему* и др. Формы Р. ед. съ окончаніями *-ого* и *-его* извѣстны за данное время лишь въ мѣстоименныхъ образованіяхъ, напр. въ Изб. 1073 г.—он*ого*, всяк*ого*, нѣк*ого*, ѥдин*ого* и пр. Кромѣ того въ И. ед. муж. рода первичное окончаніе *-ъı*[1] (|| -ыи) замѣнялось черезъ *-ои* подъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы притяжательныхъ мѣстоименій и въ гармоніи съ окончаніями *-ому* и *-ого*, срв. Мин. 1095—бл҃г*ои* чл҃колюбьче.[2])

9) Въ области глагола въ памятникахъ русскаго языка XI в. тѣ же временныя образованія, какъ и въ старо-славянскомъ, т. е. настоящее время, имперфектъ (прош. несоверш. съ аористическимъ окончаніемъ), перфектъ (сложное образованіе для передачи такого прошедшаго, результаты котораго еще на-

---

[1]) Мы признали первичнымъ окончаніе *-ъı*, такъ какъ только оно могло произойти изъ *ъ͡+і; къ этому окончанію восходятъ и соотвѣтствующіе рефлексы въ современныхъ славянскихъ языкахъ, а также отчасти въ русскомъ (именно въ бѣлорусскомъ нарѣчіи); это окончаніе встрѣчается и въ памятникахъ XI в., напр. въ Остром. Еванг. ст҃*ъı* (въ записи), Мин. 1095 г. чьстьн*ъı* кр҃стъ, Изб. 1073 г. чист*ъı* (л. 84[a]) и др. Что же касается окончанія *-ыи*, то оно представляетъ собою подновленіе ради гармоніи по виду и числу слоговъ съ другими сложными падежными формами прилагательныхъ.

[2]) Присутствіе окончанія *-ои* (И. Зв. ед. прилагат.) въ памятникѣ новгородскомъ гармонируетъ съ данными современной діалектологіи; на томъ же основаніи мы не ожидаемъ этого окончанія въ памятникахъ южнорусскихъ (срв. выше стр. 281, пунктъ 10-ый).

лицо), аористъ (прош. совершенное историческое) и будущее (несовершеннаго и совершеннаго вида). Однако мы замѣчаемъ и нѣкоторыя отличія въ этихъ образованіяхъ, зависѣвшія отъ особенностей русскаго языка. Такъ, въ *имперфектѣ* вмѣсто старо-славянскаго сочетанія *-ѣа-* передъ окончаніями (напр. идѣаше 3 ед.) нерѣдко встрѣчаемъ написанія съ *-яа-*, напр. и д *я а* ш е, Остром. Ев.; кромѣ этихъ протяженныхъ формъ существуютъ еще простыя съ однимъ *-ѣ-* (напр. идѣше), которымъ въ русскомъ произношеніи вѣроятно соотвѣтствовали образованія съ гласнымъ -'а-, напр. и д *я* ш е, каковыя написанія и встрѣчаемъ впослѣдствіи въ качествѣ господствующихъ. Что касается сложнаго прошедшаго съ значеніемъ *перфекта* (напр. неслъ ѥсмь и т. п.), то въ немъ глаголъ „быть" начинаетъ уже опускаться, срв. въ написи на Тмутараканскомъ камнѣ: „Глѣбъ князь м ѣ р и л ъ" (вм. мѣрилъ ѥсть). При этомъ причастныя формы на *-лъ*, исключительно примѣнявшіяся въ сложныхъ временахъ, удерживали еще это окончаніе и тамъ, гдѣ теперь оно оказывается уже утраченнымъ, срв. въ Изб. 1073 г.: п о г р е б *л ъ*, в ъ з д р а с *л ъ* (л. 69[б]); у м ь р'*л ъ* (36[а]) и т. п. Изъ причастныхъ формъ, употреблявшихся самостоятельно, а не для образованія временъ, отмѣтимъ причастія наст. и прош. времени дѣйств. залога, которыя, совпадая своими сложными формами (напр. тек*ыи* —прич. наст. и прош.), потребовали различенія; благодаря этому мы встрѣчаемъ въ XI в. причастныя формы *наст. времени* типа „т е к *а и*" (Изб. 1073 г., л. 247[а]), по образцу которыхъ и соотвѣтствующія простыя формы смѣнили свое *-ы* на *-а* (тек*а* вм. тек*ы*); эти замѣны произошли по аналогіи къ существовавшимъ въ языкѣ первичнымъ формамъ того же причастія во второмъ спряженіи, изъ которыхъ сложныя оканчивались на *-яи* (т. е. -'аи), а краткія на *-я* (т. е. -'а).

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ относительно д і а л е к т и ч е с к и х ъ ч е р т ъ, выступающихъ въ памятникахъ XI в. Къ такимъ чертамъ въ новгородскихъ

памятникахъ нужно отнести взаимную мѣну *ц* и *ч* (срб. выше стр. 289);[1]) такъ, въ Минеѣ 1095 г. встрѣчаемъ—*ц* вм. *ч*: наставьни*ц*е (вм. -че, Зват. ед.), слн*ц*ьныя (В. мн. муж.), четвероконь*ц*ьнии ипр.; *ч* вм. *ц*: ру*ч*ѣ (двойств. число), конь*ч*и (И. мн.), про*ч*вьте и др.; само собою понятно, что эти орѳографическія погрѣшности встрѣчаются рядомъ съ правильными написаніями. Другою чертою сѣверно-русскихъ новгородскихъ памятниковъ XI в. служитъ встрѣчающаяся въ нихъ замѣна 'аС' черезъ *е* или *ѣ* (срв. стр. 288), напр.: въ Минеѣ 1095 г.—въжд*е*дая, сгураж*е*нинъ; въ Минеѣ 1097 г.—див*ѣ*щеся; въ Путятиной Минеѣ XI в.—бол*ѣ*щиимъ). [2]) Въ аналогичныхъ условіяхъ *ѣ* замѣняется иногда черезъ *и*, напр. въ Минеѣ 1096 г.: лицем*и*рьствовавъ, търьп*и*ниѥ, претърьп*и*лъ ѥси, нев*и*дѣния. [3])

Что касается діалекта Изборниковъ Святослава, то уже Буслаевъ видѣлъ въ нихъ памятники южно-русскаго языка на основаніи чертъ, которыя онъ признавалъ за малорусскія; таковыми онъ считалъ случаи замѣны *ѣ* черезъ *и* и частое отсутствіе окончанія *-ть* въ 3 ед. наст., напр. въ Изб. 1073 г., л. 153[a] — пламен*и*ѥ („пламенѣетъ, пылаетъ“) вм. пламе-

---

[1]) Остромирово Ев. не знаетъ такого смѣшенія; это объясняютъ грамотностью и тщательностью работы списывавшаго, а г. Волковъ высказалъ предположеніе о не-новгородскомъ происхожденіи писца, представивъ рядъ доказательствъ: единственный примѣръ смѣшенія *ц* и *ч*—се конь*ч*ъ написанъ по подскобленному; древнѣйшія новгородскія рукописи писаны менѣе крупнымъ и менѣе четкимъ уставнымъ почеркомъ (срв. напр. неискусный мелкій почеркъ новгородскихъ Миней 1095—1097 гг.); самая письменность въ Новгородѣ началась нѣсколько позже Кіева, вслѣдствіе чего послѣдній доставлялъ ему вначалѣ нужныя книги (см. Ж. М. Н. Пр. 1897 г., дек., стр. 443—446).

[2]) Соболевскій А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] стр. 88.

[3]) Тамъ же стр. 35.

нѣтъ.[1]) Однако такая характеристика діалекта Изборниковъ Святослава не раздѣляется всѣми изслѣдователями; нѣкоторые видятъ въ діалектѣ названныхъ памятниковъ предка великорусскаго юга, при чемъ полагаютъ, что малорусское нарѣчіе въ кіевскомъ краѣ утвердилось лишь позднѣе, проникнувъ сюда съ юго-запада.[2]) Къ сожалѣнію Изборники Святослава пока еще не изучены съ исчерпывающею полнотою и данныя этихъ памятниковъ еще не сопоставлены съ фактами старо-славянскаго языка, а также другихъ славянскихъ; при такой постановкѣ изслѣдованія, случаи въ родѣ указанныхъ выше—*у*сел'еную, *въ*ґодьно потребуютъ болѣе тщательнаго обсужденія; точно также написанія ко-р*и*сть (Изб. 1073, л. 49б, 84г), кор*и*сти (ib. 84г) не будутъ считаться внѣ такого обслѣдованія за несомнѣнные малоруссизмы, такъ какъ именно это слово въ такомъ видѣ встрѣчается и въ Маріин. Ев.

Заканчивая обзоръ явленій русскаго языка за древнѣйшую историческую эпоху, т. е. за вторую половину XI в., мы оговоримся, что остановились на ней съ особенною подробностью въ виду того, что она представляетъ какъ бы исходную базу для изложенія дальнѣйшаго историческаго развитія русскаго языка; при обзорѣ послѣдующихъ вѣковъ мы будемъ уже болѣе кратки, ограничиваясь указаніемъ на появленіе новыхъ чертъ въ памятникахъ или же утрату преж-

---

[1]) См. Буслаевъ Историч. Христом. (1861)—примѣчанія на стр. 278, 280. Однако формы наст. вр. безъ *-тъ* извѣстны и старо-славянскимъ памятникамъ; срв. также въ записи Остром. Ев. — напише, въ записи Минеи 1095 г.—обряще. Что касается ѣ, то изрѣдка это начертаніе въ Изб. 1073 г. замѣнено черезъ *е*, напр. в*е*руѫ, руц*е* и др.

[2]) Рѣшительнымъ защитникомъ перваго взгляда выступилъ А. Е. Крымскій въ своей статьѣ «Древне-кіевскій говоръ» (Изв. Акад. Наукъ 1906 г., т. XI, № 3, стр. 368—411); представителемъ втораго взгляда является акад. А. И. Соболевскій.

нихъ, при чемъ будемъ приводить лишь древнѣйшіе примѣры. [1])

XII-ый вѣкъ.

Къ памятникамъ этого вѣка, кромѣ книгъ церковныхъ и назидательныхъ (Мстиславово Ев. около 1115 г., Галицкое Ев. 1144, Добрилово Ев. 1164 г., два новгородскихъ стихираря 1157 г. и около 1163 г.; также къ XII или XIII в. по соображеніямъ палеографическимъ въ связи съ языковыми данными относятъ Житіе Θеодосія Печерскаго, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ и нѣк. др.), принадлежатъ двѣ грамоты: кіевская—великаго князя Мстислава Владиміровича, 1130 г., и новгородская — преп. Варлаама Хутынскаго, отъ конца этого вѣка, наконецъ нѣсколько надписей, напр. на чарѣ кн. Владиміра Давыдовича до 1151 г., на крестѣ св. Ефросиніи Полоцкой 1161 г. и др.

Русскій языкъ за данное столѣтіе сохраняетъ особенности языка второй половины предшествующаго столѣтія, представляя при этомъ лишь весьма немного новыхъ чертъ; за то въ немъ появляются новые памятники—галицко-волынскіе, обнаруживающіе въ себѣ ясные признаки южнорусскаго (впослѣдствіи—малорусскаго) типа. Остановимся сначала на первыхъ и преимущественно на грамотахъ, а затѣмъ уже обратимся къ памятникамъ галицко-волынскимъ.

---

[1]) Мы считаемъ себя въ правѣ это сдѣлать въ своемъ Общемъ курсѣ, тѣмъ болѣе, что бо́льшія подробности читатель найдетъ въ цитировавшихся уже нами Лекціяхъ по исторіи русскаго языка акад. А. И. Соболевскаго; такъ какъ названный трудъ долженъ быть настольною книгой каждаго занимающагося исторіей русскаго языка, то мы считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на общій планъ этого труда. Въ немъ изложеніе расположено въ порядкѣ грамматическихъ категорій—фонетическихъ и морфологическихъ, при чемъ для каждой категоріи указываются примѣры не только первыхъ случаевъ появленія извѣстныхъ написаній и формъ, но также и за послѣдующія столѣтія (кромѣ того авторъ попутно указываетъ нерѣдко параллели изъ діалектологіи современнаго русскаго языка).

Грамоты и другіе памятники разсматриваемаго времени, соотвѣтствуя въ общемъ по языку предшествующему столѣтію, тѣмъ самымъ подтверждаютъ и сдѣланные нами выводы. Такъ, напр., въ области *фонетики* мы встрѣчаемъ уже болѣе частые случаи *е* и *о* въ извѣстныхъ условіяхъ на мѣстѣ *ь* и *ъ* (противенъ—Грам. Мстисл.; за Волховомъ—Вклад. Варл.) и пропускъ послѣднихъ въ другихъ условіяхъ (к‸то, в‸всеволоду—Грам. Мстисл.; к‸то, з‸лыми, в‸се—Вклад. Варл.). [1] Въ области *морфологіи* отмѣтимъ: въ мягкомъ женскомъ склоненіи продолжаютъ встрѣчаться случаи окончанія *-и* вм. *-я* или *-ѣ* (ст.-сл. -ѧ), напр. ѡфросинь*и* Р. ед. (надп. на крестѣ), а въ Д. Предл. ед. *-ѣ* вм. *-и* въ томъ же склоненіи; въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ встрѣчается случай мѣстоименнаго окончанія *-ого* въ Р. ед.: велик*ого* (надп. на чарѣ); въ глаголахъ сложное прошедшее, служившее для передачи перфекта, попадается безъ вспомогательнаго глагола не только въ 3-емъ лицѣ, но и въ 1-омъ (конечно съ личнымъ мѣстоименіемъ, которое при сохраненіи сложной формы глагола можетъ опускаться), срв. въ Грам. Мстисл.: язъ далъ [2] || далъ

---

[1]) Такое опущеніе, встрѣчающееся—какъ мы видѣли—въ XI в., обусловливалось утратою въ произношеніи соотвѣтствующихъ слабыхъ гласныхъ, хотя чаще начертанія ихъ по традиціи еще продолжали писаться. При этомъ оказывается, что нарушенія традиціи встрѣчаются преимущественно въ корняхъ, тогда какъ извѣстные суффиксы въ эту эпоху прочно удерживаютъ традиціонныя написанія вслѣдствіе частаго своего употребленія. Такъ, въ тѣхъ же памятникахъ выдерживаются суффиксальныя начертанія *-ьн-*, *-ьск-*, *-ък-*, напр. во Вкл. Варл.—рыбьная, хутиньскую, дѣвъка. Доказательствомъ же утраты слабаго *ь* и *ъ* служатъ случаи аккоммодаціи согласныхъ, прежде раздѣлявшихся такимъ гласнымъ, напр. *ш*то (Добрил. Ев. 1164 г.) ←что ← чьто.

[2]) Данный примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ случай перваго появленія формы *язъ* (=ст.-сл. *азъ*), откуда съ утратою конечнаго *з* получилось *я*, вѣроятно сначала въ случаяхъ, когда слѣдующее слово начиналось тѣмъ же согласнымъ (въ такихъ выраженіяхъ, какъ «язъ *з*абылъ» и т. п.), а затѣмъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

ѥсмъ. Кромѣ того въ памятникахъ XII в. продолжаютъ употребляться также и аористическія образованія прош. времени, хотя въ грамотахъ они не встрѣчаются. Отсюда нѣкоторые ученые [1]) выводятъ, что эти формы въ данную эпоху уже или не существовали въ живой рѣчи, или же стали рѣдкими. Намъ кажется однако, что отсутствіе или же рѣдкость примѣненія аористическихъ образованій въ грамотахъ обусловливались самымъ смысломъ текста грамотъ, требовавшимъ употребленія перфекта, а не имперфекта или аориста. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что лѣтопись Нестора, дошедшая до насъ въ спискахъ не ранѣе конца XIV в., тѣмъ не менѣе изобилуетъ еще всѣми упомянутыми глагольными формами.

Переходимъ теперь къ галицко-волынскимъ памятникамъ XII в. и отмѣтимъ діалектическія особенности ихъ по сравненію съ прежде разсмотрѣнными памятниками. Къ этимъ особенностямъ принадлежитъ прежде всего нерѣдкое написаніе *ѣ* на мѣстѣ основно-русскаго *е* передъ мягкими согласными во вторично-закрытыхъ слогахъ. [2]) Такъ, въ *Добриловомъ Евангеліи* (1164 г.) [3]) на мѣстѣ этимологическаго *е* иногда стоитъ *ѣ* въ такихъ случаяхъ, какъ напр. **камѣньѥ, корѣнья, камѣнь, пѣщь, шѣсть, о всѣмь, по чюжѣмь, будѣть, придѣть** и пр. [4]) Кромѣ того галицко-

---

[1]) Срв. Колосовъ М. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе (1872) стр. 84; Будде Е. Ѳ. въ Лекціяхъ по исторіи русскаго языка, стр. 177, допускаетъ существованіе формъ аориста, но не имперфекта, который, по его мнѣнію, можетъ быть даже и вовсе не былъ извѣстенъ въ историческое время.

[2]) О происхожденіи этого явленія см. выше—сноску на стр. 365.

[3]) Хранится въ Москвѣ—въ Румянцевскомъ Музеѣ.

[4]) См. Очерки по исторіи русскаго языка А. Соболевскаго (1884) стр. 2—4; авторъ цитируемаго сочиненія впервые подмѣтилъ и изслѣдовалъ особенности типа галицко-волынскихъ памятниковъ, что составляетъ его большую заслугу.

волынскіе памятники представляютъ нѣсколько другихъ особенностей, каковы—случаи замѣны сочетанія *жд* черезъ *жч* (напр. „и*жч*енуть“, Галиц. Ев. 1144 г.), а также случаи постановки въ 3 ед. и мн. въ глаголахъ окончанія *-ти* вм. *-тъ* передъ мѣстоименіемъ *и*, т. е. „его“—В. ед. муж. [1]) (напр. „въдас*ти и*“—Жит. Бор. и Гл., „провожаху*ти и*“—Жит. Ѳеод.)

Примѣчаніе. Академикъ И. В. Ягичъ въ своемъ трудѣ «Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» (1889), стр. 9—18, раздѣляетъ южнорусскіе памятники на два типа—собственно галицко-волынскіе или западные и кіевскіе—или восточные. Къ первымъ онъ относитъ памятники, имѣющіе не только *ѣ* вм. *е* въ извѣстныхъ условіяхъ, но также и другія только-что отмѣченныя особенности; ко вторымъ онъ причисляетъ памятники, въ которыхъ отсутствуютъ нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, благодаря чему южнорусскій восточный говоръ сближался съ центральнымъ великорусскимъ, какъ бы представляя собою естественный переходъ къ послѣднему.

XIII-ый вѣкъ.

Число памятниковъ, церковныхъ и грамотъ, дошедшихъ до насъ отъ XIII в., болѣе значительно по сравненію съ предшествующимъ столѣтіемъ; между памятниками есть также принадлежащіе новымъ діалектическимъ областямъ—смоленскіе, рязанскіе и нѣк. др., при чемъ въ грамотахъ и договорахъ встрѣчаемъ частыя нарушенія традиціонной церковно-славянской орѳографіи; съ другой стороны, изъ кіевской области памятники прекращаются, что объясняютъ запустѣніемъ этого края послѣ разоренія Кіева татарами, такъ что для юга Россіи за это время намъ извѣстны лишь памятники галицко-волынскіе, которые продолжаютъ содержать уже извѣстныя намъ черты. Въ виду этого мы въ своемъ изображеніи языка даннаго столѣтія оставимъ въ сторонѣ

---

[1]) Эта черта встрѣчается въ памятникахъ и нѣкоторыхъ другихъ діалектическихъ районовъ, имѣя потомковъ и въ современныхъ говорахъ (См. Соболевскій А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка, 1907[4], стр. 38).

югъ и обратимся къ характеристикѣ сѣверно-русскаго языка съ его діалектическими различіями, для чего намъ будутъ служить слѣдующіе памятники: новгородская кормчая, съ присоединеніемъ Русской Правды, около 1282 г., договоры и грамоты Новгорода; [1]) ростовское житіе Нифонта 1219 г.; рязанская кормчая 1284 г.; смоленскіе договоры 1229 г. и 1230 г. и двѣ грамоты 1284 г., а также витебская грамота ок. 1300 г.

Остановимся сначала на чертахъ болѣе или менѣе общихъ указаннымъ памятникамъ, а затѣмъ постараемся установить по мѣрѣ возможности и нѣкоторыя діалектическія особенности.

1) Изъ предъидущаго мы знаемъ, что *ъ и *ь къ данному времени успѣли уже развиться въ двѣ стороны, а именно—въ однихъ условіяхъ измѣнились въ *о* и *е*, а въ другихъ исчезли. Въ памятникахъ XIII в. мы встрѣчаемъ не только это явленіе, но еще и случаи вторичныхъ бѣглыхъ гласныхъ, возникшихъ по аналогіи къ первичнымъ бѣглымъ гласнымъ; напр. вѣд*е*ръ (Новг. Кормч.) вм. вѣдръ; съ другой стороны основное *е* слова „кам*е*нь" становится бѣглымъ, срв. на камьни (Жит. Ниф.) вм. на камени. Благодаря процессу возникновенія бѣглыхъ гласныхъ, согласные, прежде раздѣлявшіеся слабымъ гласнымъ *ъ* или *ь*, затѣмъ исчезнувшимъ, пришли въ соприкосновеніе, а вслѣдствіе этого происходила въ соотвѣтствующихъ случаяхъ ассимиляція ихъ по звонкости, что и отражается въ письменныхъ памятникахъ даннаго вѣка, срв. *з*дѣ, *з*бираютъ (Новг. Кормч.), *г*дѣ (Жит. Ниф.).

2) Гласный *е*, измѣнившійся передъ твердыми согласными въ *'о*, обозначается теперь нерѣдко черезъ *о* послѣ согласныхъ не-парныхъ по твердости и мягкости, т. е. послѣ шипящихъ и *ц*; такое обозначеніе встрѣчаемъ напр. въ Д.

[1]) См. А. А. Шахматовъ Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка (1886).

ед. сложныхъ прилагательныхъ и причастій, а также извѣстныхъ притяжательныхъ мѣстоименій, напр. лежащ*о*му (Новг. Кормч.), ваш*о*му, наш*о*му (Смол. Грам. 1284 г.); подобнымъ же образомъ пишется иногда *о* вм. *е* въ окончаніи Д. мн. существительныхъ, напр. купьц*о*мъ, нѣмьц*о*мъ (Смол. Грам. 1284 г.). Послѣ другихъ согласныхъ продолжаетъ писаться *е*, срв. ф*е*доръ (тамъ-же).

3) Въ твердомъ склоненіи существительныхъ муж. рода раньше начавшіеся процессы аналогіи и дифференціаціи развиваются дальше. Такъ, напр., окончаніе *-у* стало обычнымъ для обозначенія измѣряемыхъ веществъ при количественныхъ словахъ, между тѣмъ какъ въ Предл. ед. утверждается окончаніе *-у* въ сочетаніи съ предлогами мѣстнаго значенія (*въ* и *на*), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ окончаніе необходимо сопровождалось удареніемъ; срв. Р. ед.—взяти ҁ вѣдеръ солод*у*.... а горох*у* ҁ уборковъ (Рус. Правда), Предл. ед.—въ пиру, на търгу (Новг. Кормч.). Рядомъ съ расширеніемъ окончанія *-у* мы видимъ расширеніе въ томъ же склоненіи и окончанія *-овъ*, которое примѣняется уже и въ случаяхъ безъ ударенія, напр. „повоз*овъ* не имати" (Новг. грам. 1270), закладник*овъ* (Новг. Догов. 1270), розбойник*овъ* (Смол. Догов. 1230). Сверхъ всего этого въ И. мн. того же склоненія утверждается по аналогіи новое окончаніе *-ы* (вм. *-и*), одинаковое съ окончаніемъ В. мн., напр. чин*ы* (Жит. Ниф.). Несомнѣнно здѣсь оказали вліяніе—твердое женское склоненіе, въ которомъ во мн. ч. уже издавна совпадали между собою названные падежи, оканчивавшіеся на *-ы*,[1]) а также то обстоятельство, что и въ самомъ муж. родѣ существовало совпаденіе тѣхъ же падежей въ ед. ч. Упомянемъ еще, что въ мягкомъ склоненіи муж. рода въ Мѣстн. ед. встрѣчается окончаніе *-ѣ* по аналогіи къ соотвѣтствующему твердому склоненію, напр. въ Ярославл*ѣ* (Новг. Кормч.).

[1]) Совпаденіе по формѣ И. и В. мн. существовало и въ нѣкоторыхъ другихъ склоненіяхъ, а именно: въ склоненіи словъ ж. р. на -ь (напр. кость), въ склоненіи именъ ср. р. (напр. лѣто).

Представимъ теперь нѣкоторыя особенности въ памятникахъ разсматриваемаго вѣка, позволяющія установить три діалектическія области въ сѣверно-русскомъ языкѣ: *новгородскій* говоръ, господствующій въ сѣверной полосѣ, и затѣмъ говоры *ростовско-рязанскій* и *смоленскій*, изъ которыхъ первый занималъ востокъ средней полосы тогдашней Руси, а второй—западную часть.

Въ *новгородскихъ* памятникахъ мы встрѣчаемъ по-прежнему смѣшеніе *ц* и *ч* (напр. у купчевъ, отча || проць—Догов. новгор. 1270 г.), а иногда и замѣну ударяемаго гласнаго *а* между мягкими согласными черезъ *е*, напр. освящеють (Новгор. Кормч.); въ склоненіи существительныхъ особенно замѣтно проявляется роль ударенія при дифференціаціи дублетныхъ окончаній, какъ въ мужескомъ, такъ и въ женскомъ родѣ: кромѣ указанныхъ раньше примѣровъ муж. склоненія, роль ударенія видна и при дифференціаціи окончаній *-ѣ* и *-и* въ женскомъ мягкомъ склоненіи, при чемъ въ Р. ед. присоединяется еще моментъ отличенія partitiv'наго значенія отъ обычнаго родительнаго; срв. въ Новгор. Кормч. „продаже г҃ гривны"—Род. partitiv. || безъ воли, не ползуеши души—обыкн. Род.

Востокъ средней полосы, занимаемый *ростовско-рязанскимъ* говоромъ, представляетъ нѣкоторое сходство съ новгородскимъ говоромъ, но не имѣетъ смѣшенія *ц* и *ч*. За отсутствіемъ спеціальныхъ изслѣдованій памятниковъ ростовскихъ и рязанскихъ, мы не въ состояніи говорить о частныхъ діалектическихъ отличіяхъ между ними; судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, въ рязанскомъ говорѣ уже происходило ослабленіе неударяемаго вокализма, но только простое, а не диссимиляціонное, срв. въ Ряз. Корм. такіе примѣры, какъ: словѣсехъ, бѣсѣда (*ѣ* въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ, въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ), имѣновати ся (*ѣ* во второмъ предъударенномъ слогѣ, независимо отъ твердости и мягкости слѣдующаго согласнаго).

Наибольшія особенности по сравненію съ предшествующими діалектами представляетъ *западъ средне-русской полосы*, при чемъ типичными памятниками являются Смол. грамоты 1229 и 1230 гг. Изъ данныхъ этихъ памятниковъ можно заключать, что здѣсь уже начались измѣненія неударяемаго вокализма какъ количественныя (т. е. въ отношеніи длительности гласныхъ), такъ и качественныя. Къ первымъ относится сокращеніе конечнаго *-и* въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ окончаніяхъ; такъ, въ догов. 1229 г. читаемъ: посу*лишь* (вм. *-ши*, 2 ед.), усади*ть* (вм. *-ти*, неопр. накл.), въ догов. 1230 г.—постави*ть*; одновременно съ этимъ могло происходить подобное же сокращеніе окончанія *-ои* въ Д. Мѣстн. ед. прил. ж. р., благодаря чему оно превращалось въ -oj (такое произношеніе мы приписываемъ начертанію *-ои* въ примѣрахъ—по ногатѣ смольнеск*ои*, у руск*ои* земли). Что касается качественныхъ измѣненій въ области неударяемаго вокализма, то здѣсь уже намѣчаются видоизмѣненія *е* и *о* въ зависимости отъ ихъ неударяемаго положенія, а также отъ качества ударяемыхъ гласныхъ, твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ. Гласные *е* и *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ измѣняются въ направленіи диссимиляціи (расподобленія) съ ударяемымъ гласнымъ, а именно: неударяемое *е* склоняется къ *і* (пишется *ѣ*) при слѣдующемъ широкомъ ударяемомъ гласномъ, срв. утв*ѣ*рдять, д*ѣ*ржати (грам. 1229 г.), сѣр*ѣ*бра (грам. 1230 г.),[1] между тѣмъ какъ гласный *о* измѣняется въ сторону *ы* (пишется *ъ*), напр. д*ъ* Травны, н*ъ*га (грам. 1229 г.), т*ъ*варъ (грам. 1230 г.). Далѣе, гласный *е* склонялся къ *і* въ положеніи послѣ ударенія внутри слова въ особенности передъ мягкими согласными, какъ это показываютъ написанія въ Грам. 1229 г.—остан*ѣ*ться, буд*ѣ*ть, въ Грам. 1230 г.—буд*ѣ*ть, бѣр*ѣ*зѣ „берегѣ“;

[1] Подтвержденіемъ того, что начертаніе *ѣ* передавало палятальный гласный близкій къ *і*, можетъ служить чередованіе написаній: Смол*ѣ*ньскѣ ‖ Смол*и*ньскѣ (грам. 1230 г.).

напротивъ того, передъ твердыми согласными *е* измѣнилось въ *'о* какъ послѣ ударенія, такъ и непосредственно передъ удареніемъ, что̀ и отразилось въ одномъ изъ списковъ (именно *Д*) грамоты 1229 г.: стареиш*о*му, немц*о*мъ, таж*о*, ож*о*, съ ж*о*ною, у своее ж*о*ны (въ дальнѣйшемъ это неударяемое *о* измѣняется одинаковымъ образомъ съ основнымъ *о*). [1]) Въ области консонантизма для смоленскаго говора характерными являются двѣ черты: переходъ согласнаго *в* передъ другимъ согласнымъ въ полугласный w (срв. въ Грам. 1229 г. *у*здумалъ, на *у*стоко „на востокъ", *у*зяти, *у*схочеть) и смѣшеніе *ц* и *ч*, подобное новгородскому, хотя по-видимому въ менѣе широкомъ объемѣ (напр. въ Грам. 1229 г.—Го*ч*комь || Готскомь; куп*ч*емъ—Д. мн.). [2])

Примѣчаніе. Грамота 1229 г. представляетъ одно загадочное явленіе: вм. конечныхъ -ъ и -ь въ ней иногда написаны -*о* и -*е* (и даже -*ѣ*), напр. берьг*о* «берегъ», на устоко, въсхочет*е* || въсхочет*ѣ* || усхочеть (3 ед.). По мнѣнію проф. Потебни «памятники, подобные договору Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, убѣждаютъ, что въ XIII и XIV в. глухіе звуки въ серединѣ и на концѣ словъ произносились въ Свр., въ которому принадлежатъ эти памятники, какъ глухіе гласные, составляющіе слогъ». [3]) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Приведенныя здѣсь данныя, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV—XV в., особенно въ свр. говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ на концѣ, въ свр. (спорадически) доходятъ вплоть до нашего времени». [4]) Однако я не раздѣляю мнѣнія проф. Потебни по данному вопросу, которое плохо оправдывается данными другихъ памятниковъ, равно какъ и современной діалектологіей, и болѣе склоняюсь къ объясненію проф. Брандта, согласующемуся и съ общими принципами звуковаго развитія языка: «весьма возможно — го-

---

[1]) Срв. Ягичъ I. с. 36—37.

[2]) Къ болѣе мелкимъ характернымъ чертамъ разсматриваемыхъ грамотъ можно отнести написанія латин*е*ски, смольн*е*ски (Грам. 1229 г.), показывающія, что *н* сохраняло свою мягкость передъ сочетаніемъ *ск*; срв. сохраненіе мягкости *н* передъ *ск* даже еще и теперь въ бѣлорусскихъ говорахъ, см. Карскій Е. Ѳ. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (1886) стр. 56.

[3]) Потебня Два изслѣдованія звуковъ русскаго языка (1866) стр. 55.

[4]) Потебня Къ Исторіи звуковъ русскаго языка (1876) стр. 44.

воритъ онъ — что такія формы (т. е. берьго, будѣте и т. п.) дѣйствительно существовали въ старинномъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Мы уже ранѣе отмѣтили, что исходъ реченій тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующихъ за ними, и что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; поэтому ъ и конечные ъ и ь въ составѣ предложенія могли, даже должны были имѣть одинаковую судьбу со срединными. Въ одномъ памятникѣ мы читаемъ, напр., слѣдующее выраженіе: «не б̄ъ ли строите свою тварь» (Хрест. Буслаева, Сборникъ «Златая Цѣпь»). Въ этомъ строите намъ нѣтъ надобности видѣть искусственное употребленіе *е* вм. ъ, и мы вполнѣ можемъ допустить, что ь передъ двумя согласными долженъ былъ по старѣйшей русской фонетикѣ проясниться, и что употребленіе въ такихъ случаяхъ обычнаго окончанія *тъ* или *т* объясняется позднѣйшимъ примѣненіемъ къ другимъ случаямъ». [1]) Съ своей стороны замѣтимъ, что подобныя смѣшенія начертаній могли отчасти вызываться графической аналогіей, а также быть можетъ, и нѣкоторымъ мудрствованіемъ грамотника, для котораго смѣшиваніе отчасти эквивалентныхъ начертаній |ъ‖*о* и ь ‖*е*‖ *ѣ* представляло средство придать своему письму своеобразную ученость, затруднявшую чтеніе.

XIV-ый вѣкъ.

Русскій языкъ XIV в. уже значительно приближается къ современному типу: судя по памятникамъ, въ немъ складываются системы неударяемаго вокализма, происходятъ сокращенія слабыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, нивеллировка системъ склоненія подходитъ къ концу, аористическія образованія и супинъ въ глаголахъ выходятъ изъ употребленія. Въ это время уже вырисовываются главнѣйшіе изъ современныхъ діалектовъ. Вообще говоря, XIV-ый вѣкъ оставилъ весьма значительное количество памятниковъ изъ разныхъ діалектическихъ областей; оставляя однакожъ въ сторонѣ памятники тѣхъ говоровъ, которые уже разсматривались нами выше, [2]) мы перейдемъ къ памятникамъ тѣхъ

---

[1]) Брандтъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I, Фонетика (1892) стр. 52.

[2]) Вполнѣ понятно, что и эти памятники заслуживаютъ тщательнаго изученія, такъ какъ содержатъ данныя, свидѣтельствующія о дальнѣйшемъ развитіи соотвѣтствующихъ діалектовъ; конечно, полная исторія языка должна слѣдить за развитіемъ всѣхъ діалектовъ, но это не можетъ входить въ задачу общаго очерка. Поэтому мы и ограничиваемся указаніемъ дан-

діалектическихъ областей, которыя теперь впервые проявляются письменно въ исторіи русскаго языка. Къ такимъ памятникамъ относятся грамоты—московскія, полоцкія, двинскія и галицко-волынскія, а также псковскіе памятники преимущественно церковнаго характера (изъ памятниковъ же другихъ областей укажемъ на лѣтописи лаврентьевскую или суздальскую 1377 г. и новгородскую, которыя представляютъ собою списки съ прежнихъ не дошедшихъ до насъ лѣтописей [1]).

Изъ всѣхъ произведеній письменности даннаго вѣка наибольшее вниманіе мы удѣлимъ нарѣчію московскихъ памятниковъ, которому суждено было стать доминирующимъ въ теченіе ряда послѣдующихъ вѣковъ. Такой роли московскаго нарѣчія способствовало конечно политическое значеніе, пріобрѣтаемое съ этихъ поръ Москвою, но кромѣ того не могло не благопріятствовать также и то обстоятельство, что это нарѣчіе являлось наиболѣе умѣреннымъ по своимъ фонетическимъ особенностямъ, представляя какъ бы средній звуковой типъ между сѣверно-русскими діалектами. Въ самомъ дѣлѣ, московское нарѣчіе, возникши въ восточной части средне-русской діалектической территоріи, не имѣло тѣхъ довольно рѣзкихъ фонетическихъ особенностей, какія существовали въ новгородскомъ нарѣчіи, т. е. оно не знало смѣшенія *ц* и *ч*, не измѣняло ударяемыхъ *я* и *ѣ* при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и *и*, а съ другой стороны оно представляло меньше

ныхъ, относящихся къ вновь выступающимъ въ письменности діалектическимъ областямъ, которыя въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ остальными, развѣтвляясь и видоизмѣняясь, привели къ современному діалектическому разнообразію русскаго языка.

[1]) Языку этихъ лѣтописей посвящены слѣдующія изслѣдованія: Н. П. Некрасовъ Замѣтки о языкѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» по лаврентьевскому списку лѣтописи (1897); Б. М. Ляпуновъ Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-ой новгородской лѣтописи. Вып. I (1899): очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Огромную важность представляетъ изученіе языка лѣтописей для исторіи русскаго синтаксиса.

особенностей и по сравненію съ западнымъ нарѣчіемъ—смоленскимъ, знавшимъ мѣну *ц* и *ч*, измѣнявшимъ *в* передъ согласнымъ въ полугласный *w* и развивавшимъ диссимиляціонный типъ ослабленія неударяемаго вокализма. Такимъ образомъ въ указанныхъ отношеніяхъ московское нарѣчіе разнилось отъ другихъ сѣверно-русскихъ, но въ то же время сходствовало съ ними по многимъ другимъ фонетическимъ чертамъ; такъ, напр., оно имѣло *'о* изъ *'е* передъ твердыми согласными не только въ ударяемомъ положеніи, но и въ неударяемыхъ, срв. на ш*о*лку „на шелкӯ", Данилищ*о*ва свободка (Духов. Ив. Калиты, ок. 1327 г.); но это неударяемое *'о* изъ *'е*, подобно основному, склонялось здѣсь къ *а*, представляя типъ гласнаго $\mathring{a}$, какъ о томъ можно заключить на основаніи случаевъ смѣшенія неударяемыхъ *о* и *а* въ письменности конца этого вѣка.[1]) Что касается морфологической стороны московскаго нарѣчія, то оно пережило уже въ предшествующіе вѣка вмѣстѣ съ другими нарѣчіями указывавшіяся нами явленія аналогіи формъ склоненія и упрощенія спряженія. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь многія вторичныя формы, существовавшія также и въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ напр. на шолк*у*, пояс*овъ*, суд*овъ* (Духов. Ив. Калиты), брат*ѣ* Д. ед. мягкаго склоненія съ окончаніемъ *-ѣ* вм. *-и*, виноват*ого*, старѣйш*его* (Догов. в. к. Сим. Іоан. 1341 г.) и др.[2]); далѣе, появляются уже такіе

---

[1]) Напр. въ москов. Ев. 1393 г. имѣемъ такіе примѣры, какъ: къ Сим*а*ну‖зап*о*да, указывающіе на существованіе аканья въ данномъ неударяемомъ положеніи (срв. Соболевскій Лекціи по исторіи русскаго языка, 1907[4], стр. 77), а съ XV в. появляются такія образованія по аналогіи, какъ пл*о*тятъ (грам. Звенигородскаго князя, 1404 г.).

[2]) Тѣмъ не менѣе на ряду съ новыми формами сохранялись еще и прежнія образованія, напр. И. ед. княгин*и* при болѣе новой формѣ княгин*я*; нѣкоторыя изъ старыхъ образованій держались даже до XVIII в. и даже далѣе, какъ напр. окончаніе *-ы* въ Тв. мн.; срв. въ стихотвореніяхъ Пушкина: «съ дубовыми, тесовыми ворот*ы*» (Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ) «Hugo съ товарищ*и*» (Домикъ въ Коломнѣ, 7-ая строфа).

чисто-русскіе производные глаголы, какъ д о к а н ч *и в а т и*, с в а ж *и в а т и* (Догов. Сим. Іоан. 1341). Въ синтаксическомъ отношеніи нужно отмѣтить, что послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ въ названіяхъ одушевленныхъ предметовъ муж. р. начинаетъ примѣняться форма Род. вм. Вин. и во множ. числѣ (хотя рядомъ продолжаютъ сохраняться еще долгое время и прежнія формы), срв.: пожаловалъ есмь соколник*овъ* печерск*ихъ* (копія грам. Ив. Калиты). Изъ частностей спеціально московскаго нарѣчія укажемъ на особенность въ склоненіи мѣстоименія „весь“, представляющемъ формы съ *-и-* вм. *-ѣ-*, напр. с о в с *и* м и (Дух. Ив. Калиты).

Переходя отъ московскихъ памятниковъ къ памятникамъ другихъ областей, можемъ сказать, что памятники *полоцкіе* вообще сходствуютъ съ памятниками смоленскими, какъ напр. по замѣнѣ *в* черезъ *у* передъ согласными, напр. въ Грам. около 1300 г. — *у* П о л о т е с к о (← *въ Полотьскъ). Изъ деталей полоцкаго говора на основаніи той же грамоты отмѣтимъ написанія б л а с л о в л ѣ н ь е, б л а с л о в л я ю (|| благословляю), представляющія пропускъ неударяемаго слога *го*; этотъ пропускъ косвенно указываетъ на то, что согласный *г* произносился въ этомъ говорѣ какъ спирантъ, самый же слогъ находился въ наиболѣе слабомъ неударяемомъ положеніи (на второмъ мѣстѣ передъ удареніемъ, имѣя передъ собою еще одинъ слогъ), откуда заключаемъ, что система неударяемаго вокализма въ данномъ говорѣ представляла въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ значительную степень ослабленности. [1])

---

[1]) Что касается другихъ б ѣ л о р у с с к и х ъ чертъ западнаго нарѣчія, отмѣченныхъ въ предшествующей главѣ, то онѣ отражаются въ памятникахъ, начиная съ XIII в., въ нѣкоторой постепенности: въ XIII в. мы уже указали на замѣну согласнаго *в* черезъ *у* передъ согласными и начальныя фазы диссимиляціоннаго момента при ослабленіи неударяемаго вокализма; въ XIV в. кромѣ аканья нужно отмѣтить появленіе твердаго *р* вм. мягкаго, долгихъ смягченныхъ согласныхъ на почвѣ слитія съ слѣдующимъ j, съ которымъ пришли въ соприкосновеніе послѣ утраты *ь*; памятники XV в. уже

Памятники *двинскіе*, образуя діалектическую разновидность новгородскаго нарѣчія, раздѣляютъ съ нимъ и смѣшеніе *ц* и *ч*; однако часть ихъ имѣетъ лишь одностороннюю замѣну, т. е. или *ц* черезъ *ч*, но не обратно, или же только *ч* черезъ *ц*; эти различія зависѣли вѣроятно отъ особенностей въ діалектѣ писавшихъ. [1])

Псковскіе памятники указываютъ на нарѣчіе, составлявшее по нѣкоторымъ своимъ чертамъ переходное звено между новгородскимъ и бѣлорусскимъ: подобно первому оно знало смѣшеніе *ц* и *ч*, а подобно второму мѣняло *в* передъ согласными на *у* (т. е. *w*) и было акающимъ; но при всемъ томъ имѣло и свои особенности, какъ напр. смѣшеніе *ш* и *ж* съ соотвѣтствующими свистящими. [2])

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ о состояніи *галицко-волынскаго* говора. Въ памятникахъ его теперь уже вполнѣ обнаруживаются характерныя особенности малорусскаго языка, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующихъ отраженій основно-русскихъ *о* и *е* въ разныхъ положеніяхъ:[3])

обнаруживаютъ наличность дзеканья; и проч. Всѣ необходимыя данныя по звуковой исторіи бѣлорусскаго нарѣчія читатель найдетъ въ обширной спеціальной монографіи проф. Е. Ѳ. Карскаго Бѣлоруссы, т. II: Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія (1908).

[1]) См. А. А. Шахматовъ Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в. (1903), стр. 80.

[2]) Акад. А. И. Соболевскій первый положилъ начало изученію особенностей древняго псковскаго нарѣчія въ своемъ изслѣдованіи—Очерки изъ исторіи русскаго языка (1884), указавъ еще на новыя данныя въ статьѣ—Важная особенность стараго псковскаго говора (Р. Ф. В. 1909 г., № 3—4, стр. 231—234). Изъ другихъ авторовъ, работавшихъ по этому вопросу, назовемъ: Каринскій Н. Языкъ Пскова и его области въ XV в. (1909); Шахматовъ А. Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в. (Ж. М. Н. Пр. 1909 г., іюль, стр. 105—177); срв. общій обзоръ работъ о старомъ псковскомъ говорѣ въ рецензіи акад. Ягича въ Arch. f. slav. Phil. B. XXXI (1910) стр. 453—458. Изслѣдованіе Каринскаго, а затѣмъ Шахматова дало рядъ новыхъ разъясненій путемъ сближенія особенностей псковскихъ памятниковъ съ церковно-славянскими средне-болгарской редакціи.

[3]) Приводимыя ниже данныя мы заимствовали изъ грамотъ въ изданіи Я. Ѳ. Головацкаго въ журналѣ *Науковый Сборникъ*, издаваемый

а) Этимологическое *о* во вторично-закрытомъ слогѣ нерѣдко стражается на письмѣ въ видѣ *у* (какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными), напр. Л а р и в *у* н ъ (грам. 1366 г.), Р а д и в *у* н к о в ѣ (ib.) || Радивонъковоѣ (1359), К *у* н д р а т а || Кондратъ (1401), д о б р о в *у* л ь н о (1366), чему отвѣчаетъ соврем. доброві́л'но, щ а д к *у* м ъ (1408).

б) Этимологическое *е* во вторично-закрытыхъ слогахъ нерѣдко отражается на письмѣ въ видѣ *ю* (передъ твердыми согласными) и въ видѣ *и* (передъ мягкими согласными), напр.: п о Б о ж ь *ю* м ъ (1393), н а с в о *ю* м ъ, будеть ч т *ю* н ъ (1398); ш *и* с т д е с я т ь || шести (1359), ш *и* с т ь ц я т о г о (1366), ш *и* с т ь (1393).

Приведенныя данныя изъ грамотъ второй половины XIV в. и начала XV в. представляютъ посредствующія стадіи въ измѣненіи основныхъ *о*, *е* въ *і* во вторично-закрытыхъ слогахъ, при чемъ одновременными фазами измѣненія являются *у* вм. *о* (передъ твердыми и мягкими согласными), *ю* вм. *е* (передъ твердыми согласными), *и* вм. *е* (передъ мягкими согласными). [1])

XV—XVII вв.

Уже въ теченіи XIV в. происходило постепенное объединеніе русскихъ земель подъ властью московскаго князя и

литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы во Львовѣ, т. I (1865) стр. 180—200, т. II (1866) стр. 35—56, т. III (1867) стр. 135—161; грамоты обнимаютъ время отъ 1359—1451 г. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ помѣщены, какъ приложеніе, въ *Очеркѣ* звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія П. Ж и т е ц к а г о (1876 г.) стр. 353—359. Фототипическіе снимки нѣсколькихъ грамотъ даны акад. С о б о л е в с к и м ъ въ изданіи П а л е о г р а ф и ч е с к і е с н и м к и съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка (1903).

[1]) Что касается отраженія этимологическаго *е* въ открытыхъ слогахъ, то въ положеніи передъ мягкими согласными *е* сохраняется (напр. ш е с т и —грам. 1359 г.), а передъ твердыми согласными встрѣчаемъ *о*, если только ему предшествуетъ шипящій, срв. ч *о* т ы р и (1400), ч *о* т ы р и с т а (1401), н и ч *о* г о (1421), н а ш *о* г о (1424), н а ш *о* м у (1403).

въ то же время развивалось вліяніе московскаго говора на другіе, благодаря чему началъ формироваться подъ гегемоніей Москвы типъ великорусскаго нарѣчія. Однако это политическое и языковое объединеніе русскихъ областей Москвою не простиралось на западныя и юго-западныя области вслѣдствіе двухъ причинъ: во первыхъ, силы Москвы требовались дома на случай борьбы съ татарами, а во вторыхъ—на западѣ еще съ половины XIII в. начало усиливаться литовское княжество, которое постепенно подчиняло себѣ западныя и юго-западныя русскія области, подобно тому какъ то же самое совершала Москва съ сѣверо-восточными областями. Такимъ образомъ въ XIV в. русскія области раздѣлились на двѣ обособленныя политическія группы—московскую и литовскую, что естественно вело къ возникновенію отличительныхъ особенностей въ русскомъ языкѣ между тою и другою группою. Соотвѣтственно этому, переходя ко времени XV—XVII вв., мы поставимъ главною задачею изложенія не детали дальнѣйшаго діалектическаго дробленія русскихъ нарѣчій, но общую характеристику особенностей въ ходѣ развитія письменнаго русскаго языка въ московскомъ, а отчасти и въ литовскомъ государствѣ. Остановимся сначала на судьбахъ русскаго языка въ московскомъ государствѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что письменный языкъ въ московскій періодъ сталъ болѣе и болѣе отличаться отъ народнаго вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, къ выясненію которыхъ мы и переходимъ. Въ разсматриваемое время, когда грамотность должна была служить не только для цѣлей церкви, но также и для расширявшихся потребностей администраціи, появляется особое грамотное сословіе дьяковъ и подьячихъ,[1])

---

[1]) Мы считаемъ слишкомъ одностороннимъ мнѣніе проф. Будде, будто основой русскаго литературнаго языка послужилъ «говоръ московскихъ подьячихъ и грамотныхъ людей въ московскихъ приказахъ и другихъ государственныхъ учрежденіяхъ» (см. Изв. Ак. Н. X, кн. 1, стр. 417 сн.); съ своей стороны мы не можемъ игнорировать участія въ образованіи рус-

которые на ряду съ своимъ приказнымъ дѣломъ занимались и списываніемъ книгъ, какъ дѣломъ прибыльнымъ, но выполняли его уже не столь тщательно, какъ прежніе переписчики, видѣвшіе въ этомъ религіозный подвигъ. Отсюда порча текста церковныхъ книгъ стала рости очень быстро, а потому потребовалось наконецъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. Это исправленіе совершалось свѣдущими людьми, которые свѣряли новый текстъ съ болѣе исправными старыми, равно какъ и съ оригиналами, при чемъ кромѣ исправленія искаженнаго смысла устанавливали болѣе строгій типъ церковнославянскаго языка, получившаго даже затѣмъ и грамматическую обработку (М. Смотрицкій). [1]) Исправленный церковный текстъ, съ введеніемъ у насъ книгопечатанія въ половинѣ XVI в., [2]) естественно получаетъ болѣе широкое рас-

скаго литературнаго языка разсматриваемой эпохи многихъ лицъ хотя и московскаго происхожденія, но не принадлежавшихъ къ приказамъ, а кромѣ того—не мало было писателей, произведенія которыхъ имѣли широкое распространеніе въ московскихъ предѣлахъ, хотя ихъ авторы не принадлежали къ московскому говору. Словомъ, и въ разсматриваемую эпоху, какъ и впослѣдствіи, въ образованіи русскаго литературнаго языка принимали участіе весьма разнообразные общественные элементы, что должно было способствовать болѣе разностороннему его развитію, приказный же языкъ былъ лишь однимъ изъ частныхъ стилей.

[1]) Къ разсматриваемой эпохѣ мы относимъ начало утвержденія въ языкѣ, подъ вліяніемъ грамматической теоріи, предлоговъ-префиксовъ *со* и *во* на мѣстѣ ожидаемыхъ *с-* и *в-*. Справщики, при корректированіи своемъ церковно-славянскихъ книгъ, руководствуясь свойствомъ русскаго языка имѣть *о* въ извѣстныхъ случаяхъ на мѣстѣ ст.-сл. ъ, примѣняли *о* и въ нѣкоторыхъ такихъ условіяхъ, въ какихъ его не было въ живомъ языкѣ, напр. въ Первопечатной московской библіи 1663 г. написанія: совершéніе, соберéтсѧ и т. п. (срв. также ново-цксл. во є҆ди́нꙋ и пр.). Отсюда получаетъ объясненіе въ современномъ языкѣ такой дублетъ, какъ: *соборъ* (цк.-сл.) ‖ *сборъ* (рус.). На этой же почвѣ, при существованіи рядомъ префиксовъ *с-* ‖ *со-*, возникла затѣмъ въ русскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дифференціація значенія, именно: *со-* пріобрѣтаетъ спеціальное значеніе «соучастія», напр. *со*наслѣдникъ, *со*общество, *со*ревнованіе, *со*участіе.

[2]) Первая книга, которая вышла изъ Московской типографія, была *Дѣянія апостольскія* (1564 г.). Фонетическій и главнымъ образомъ морфологическій анализъ церковно-славянскаго языка печатныхъ книгъ дает-

пространеніе, а это въ свою очередь ведетъ къ тому, что въ русскомъ языкѣ начинаютъ усиливаться и закрѣпляться церковно-славянизмы, сохраняющіеся и до нашего времени, и притомъ даже такіе, которые раньше нерѣдко замѣнялись русскими формами; срв. Во*ло*димиръ (Послѣсл. къ Остром. Ев.)=соврем. В*ла*димiръ, законъ х*оро*нити (Изб. 1076 г.) =совр. х*ра*нить, стра*же*ть (Патер. Син. XII в.)=совр. стра*жд*етъ, в*ере*мя (XII—XIV в.)=совр. в*ре*мя и т. п.[1])

Намъ остается еще указать на одну причину, имѣвшую слѣдствіемъ своеобразное произношеніе цѣлаго ряда словъ въ литературномъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что съ половины XVII в., т. е. съ присоединеніемъ Малороссіи, въ Москву приглашаются южно-русскіе ученые, которыми славился тогда Кіевъ; благодаря ихъ вліянію въ Москвѣ утверждается произношеніе нѣкоторыхъ словъ съ *γ* вм. *г* (Бо*г*а, бла*г*о и т. п.), съ *'е* вм. *'о* (н*е*бо, в*е*тхій и др.), а также иногда и особенности ударенія въ нѣкоторыхъ вновь вводимыхъ словахъ (напр. удареніе современнаго слова „числи́тель", вм. ожидаемаго *чи́слитель, соотвѣтствуетъ ударенію малорусскаго глагола

ся въ сочиненіи проф. С. К. Булича Церковнославянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ, I (1893), причемъ изслѣдованіе сдѣлано на основаніи трехъ печатныхъ памятниковъ: Острожской библіи (1581 г.), Первопечатной московской (1663 г.) и Новой, представляющей перепечатку Елизаветинской исправленной библіи.

[1]) Тѣмъ не менѣе, отъ разсматриваемой эпохи сохранились и такія письменныя произведенія, которыя чужды книжнаго характера, а отражаютъ простой разговорный языкъ того времени; срв. напр. собственноручныя письма царя Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшкину 1646—1662 г., представляющія интересъ также по своимъ чисто-фонетическимъ написаніямъ, весьма цѣнныхъ для характеристики московскаго нарѣчія въ данное время; приведу нѣсколько примѣровъ: *неудар. вокал.*—тежолъ, вешнека (т. е. вешняка́), кнеиня (*е* изъ *я*, *γ'*=j), сказавою («сказываю»), по палямъ, утакъ, перенесть (неопр.); *консонант.*=чюланы, мошно; *морфол.*—лѣса болш*ие*, глух*ие*, поля нарочет*ые*, птицы всяк*ие*, слеп*ова* сокола, валя*тца* станутъ.

„числи́ти“, срв. у Епиф. Славинецкаго въ переводѣ Атласа Блеу, 50-хъ годовъ XVII в.—числи́тся т. е. „считается“).

Обращаясь къ бѣлорусско-малорусской половинѣ, подпавшей литовскому владычеству, нужно замѣтить, что здѣсь довольно долгое время господствующее положеніе занималъ русскій языкъ, который былъ оффиціальнымъ языкомъ правительственныхъ актовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разговорнымъ высшаго общества. Но съ конца XIV в., когда произошло династическое объединеніе литовскихъ (литовско-русскихъ) владѣній съ Польшею при Ягайлѣ, русское вліяніе въ Литвѣ начинаетъ слабѣть, уступая мѣсто польскому, и это продолжается нѣсколько вѣковъ. Вполнѣ понятно, что польское вліяніе должно было замѣтно отразиться и на языкахъ бѣлорусскомъ и малорусскомъ, тѣмъ болѣе, что просвѣщеніе здѣсь до конца XVI в. въ общемъ оставалось на невысокомъ уровнѣ вслѣдствіе малаго числа школъ и элементарности обученія въ нихъ. [1]) За усиленіемъ польскаго вліянія можно слѣдить и по памятникамъ XV—XVII вв., содержащимъ не мало польскихъ словъ и выраженій. Вотъ небольшой отрывокъ для иллюстраціи языка того времени (говорится о недостаточности тогдашняго русскаго просвѣщенія):

«велми много *зашкодило панству* русскому, *же* не могли школъ и наукъ *посполитыхъ* розширяти, и оныхъ не *фундовано*: бо коли бы науку *мѣли*, за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели» (А. З. Р. IV 204—205).

---

[1]) Хотя съ конца XVI в. въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ и заводятся православныя школы съ высшимъ образованіемъ для борьбы съ католицизмомъ, но это не могло уже остановить сильнаго польскаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ западно-европейскаго) вліянія на языкъ. Впрочемъ и сами поборники православія отчасти способствовали этому вліянію, такъ какъ съ цѣлью болѣе широкаго распространенія своихъ сочиненій нерѣдко выступали съ полемикою также на польскомъ языкѣ, а затѣмъ по привычкѣ легко уже удерживали тѣ или другія польскія слова и выраженія и въ русско-церковнославянской рѣчи.

Такимъ образомъ создавался малорусско-бѣлорусскій литературный языкъ слишкомъ смѣшаннаго типа; съ присоединеніемъ же этихъ областей къ русскому государству, языкъ ихъ естественно уступилъ свое мѣсто литературному московскому, болѣе чистому и сильному. [1])

Примѣчаніе. Вслѣдствіе временнаго распаденія русскихъ нарѣчій между двумя политическими цѣлыми, въ нихъ развиваются нѣкоторыя особенности, отличныя въ той и другой группѣ; такъ, въ московско-великорусскомъ отдѣлѣ, въ отличіи отъ литовско-русскаго, съ XIV в. распространяются глагольныя образованія на *-ывать -ивать*, а съ XV в. появляется окончаніе *-á* въ И. мн. нѣкоторыхъ сущ. муж. р.; и нѣк. др.

XVIII — XIX вв.

Намъ осталось сдѣлать общій очеркъ исторіи русскаго языка за послѣднія два столѣтія, въ теченіе которыхъ литературный русскій языкъ достигаетъ одинаковой высоты съ литературными языками Запада. Эти успѣхи намъ покажутся огромными, если вспомнимъ, что въ западной Европѣ уже въ XVI—XVII в. дѣйствовали такія литературныя силы, какъ Сервантесъ, Шекспиръ, Мольеръ, между тѣмъ какъ Россія, можно сказать, почти еще не приступала къ развитію художественно-литературныхъ жанровъ. [2]) Причина такого быстраго подъ-

---

[1]) По историческому изученію бѣлорусскаго языка выдаются труды проф. Е. Ѳ. Карскаго, изъ которыхъ въ особенности отмѣтимъ: Къ исторіи языковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 1893 г. (отт. изъ Р. Ф. В. 1890—1893); Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ (1896); Бѣлоруссы, I (1903), II (1908); срв. по поводу первыхъ двухъ трудовъ критическую статью проф. П. В. Владимірова—Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія десять лѣтъ (1886—1896 гг.). Для малорусскаго языка укажемъ на трудъ П. И. Житецкаго—Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (1889).

[2]) Правда, существовали напр. переводныя «комедіи», ставившіяся при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, но онѣ были столь неуклюжи по стилю вслѣдствіе обилія церковнославянизмовъ, нерѣдко примѣненныхъ совершенно не къ мѣсту, что совершенно не могутъ идти въ сравненіе съ произведеніями Запада; о характерѣ языка этихъ комедій можно судить

ема литературы лежитъ главнымъ образомъ въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, которая открыла широкій доступъ европейскому вліянію на всѣ стороны русской жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуя и возникновенію художественной литературы и науки по образцу тогдашней Европы. Легко себѣ представить, какія трудности предстояло побѣдить русскому языку, столь мало еще обработанному, чтобы достичь той гибкости и изобразительности, какія мы уже въ немъ находимъ въ XIX-омъ вѣкѣ. Чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о языковомъ матеріалѣ начала XVIII в., можно обратиться къ письмамъ и бумагамъ самого Преобразователя, которыя достаточно отражаютъ состояніе языка этого времени, давая образцы какъ простаго стиля, такъ и болѣе торжественнаго: первый мы встрѣчаемъ въ письмахъ пріятельскихъ и хозяйственно-распорядительныхъ, а второй, изобилующій церковно-славянизмами,—въ письмахъ дипломатическихъ (срв. въ послѣднихъ такія выраженія, какъ: протчимъ войсь*комъ*—Д. мн., о нѣкоторыхъ дѣ*лехъ,* приступили *есмы* и т. п.). Изъ тѣхъ же бумагъ можно видѣть и какъ быстро въ то время русскій языкъ наводнялся иностранными словами, которыя переходили къ намъ вмѣстѣ съ заимствуемыми предметами и оставались безъ перевода. Чтобы дать понятіе, до какой степени заполнялся русскій языкъ иноземными словами, дѣлавшими его даже мало доступнымъ для пониманія, можно судить по слѣдующему отрывку изъ „Регламента кригскоммисаріату“:

напр. по слѣдующему отрывку изъ комедіи «Іюдиѳь» (1674 г.), представляющему рѣчь Іюдиѳи: «Ей, Боже мой! ничтоже убо окояннѣйшаго нѣсть, яко человѣкъ, и паки ничтоже человѣку нѣсть обычнѣйшаго, яко болѣзнь: жизнь наша ничѣмъ инымъ есть, токмо опасеніемъ, смерть такожде всегдашнимъ страхомъ намъ является; обаче ничтоже намъ благополучнѣйшаго быти можетъ, яко точію добрая кончина смерти. Предъ тремя лѣты и 6 мѣсяцей непщевахъ азъ, яко окаяннѣйшая есмь и прескорбнѣйшая жена на семъ свѣтѣ, зане Богъ ми блаженного и любезного сожителя моего Монасиса чрезъ скорую смерть отъ міра сего взя» и т. д. (см. Тихонравовъ Н. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ, т. I, стр. 141).

«Смотрѣть того, чтобъ никто, какъ изъ вышнихъ такъ и изъ нижнихъ г-дъ *офицеровъ* не употреблялъ какъ *драгуна* такъ и *солдата* и всего даннаго изъ казны царскаго величества къ своимъ услугамъ и корысти, чего ради *фискалы* должны въ томъ *обсервовать* и противу тѣхъ у *коммисаріату протестовать* и по *протестаціи* помянутыхъ *фискаловъ* во отлученіе главнаго *коммисаріату, оберкригскоммисаръ* долженъ доношеніе имѣть главному *командующему*, дабы того, на кого *протестація* подана будетъ, отсылать для розыска и показанія въ томъ дѣлѣ совершенности до *коммисарства* и потому совершa *инквизицію*, требовать *офицеровъ* къ *кригсрехту*, а по тому дѣлу окончаніе чинить какъ *сентенція* будетъ подписана».

И такъ, на долю XVIII—XIX в. выпало урегулировать соотношеніе въ языкѣ стихій русской, церковно-славянской и иноязычной, разработать собственныя лексическія средства для замѣны излишнихъ варваризмовъ, приспособить языкъ для художественной литературы въ прозѣ и стихахъ, а также установить основы орѳографіи, особенно съ перемѣною алфавита. Вся эта работа и была совершена цѣлымъ рядомъ талантливыхъ людей, которымъ Исторія русскаго литературнаго языка и обязана своимъ быстрымъ ходомъ. Представимъ теперь въ самомъ бѣгломъ очеркѣ дѣятельность писателей XVIII в. Первымъ русскимъ художественнымъ писателемъ считается Кантемиръ (1711—1744); но такъ какъ произведенія его были изданы большею частію послѣ его смерти (сатиры лишь въ 1762 г.), то его литературное вліяніе на современниковъ не могло быть значительнымъ; не лишне замѣтить, что Кантемиръ примѣнялъ еще силлабическій стихъ и допускалъ много церковно-славянизмовъ. Ломоносовъ, въ совершенствѣ знавшій какъ народную рѣчь (даже въ діалектахъ), такъ и церковно-славянскій языкъ, а также иностранные языки, совмѣщавшій даръ ученаго и поэта, впервые поднялъ русскій письменный языкъ до значенія литературнаго, давъ какъ самые образцы языка, такъ и теорію, а стиху придавъ размѣръ „тоническій“ (по удареніямъ), на который не за-долго до того указывалъ и Тредьяковскій. Съ именемъ Сумарокова соединяются успѣхи русскаго театра, при чемъ его ложно-классическія

трагедіи вырабатывали высокій штиль. Съ другой стороны, комедіи Фонъ-Визина, а также императрицы Екатерины II-ой, дали мѣсто разговорному языку въ литературѣ. Лучшимъ цвѣтомъ поэзіи XVIII в. являются нѣкоторыя произведенія Державина, въ которыхъ стихія русская и церковно-славянская представляютъ высоко-гармоническое сочетаніе, полное силы.

Примѣчаніе. Вполнѣ естественно, что рядомъ съ крупными талантами. содѣйствовавшими быстрому совершенствованію литературнаго языка, были и посредственные, значительно отстававшіе отъ первыхъ. Въ этомъ мы убѣждаемся, обращаясь къ литературнымъ журналамъ конца XVIII в. Даже ихъ беллетристическая проза часто еще по-прежнему пестритъ церковно-славянскими словами и формами, напр.: [1]) улыбающіеся брега, главу мою (стр, 306), насытишься ты свѣжимъ млекомъ (318), гладъ (348), врата (325), нощь (323), тысяща (327), ланиты (314), насладись прелестнымъ видомъ страны сея (305), зрю (305), хощу (310), мысль моя преселялась (308), и т. д. Нѣкоторые журналы кромѣ того отличались орѳографической неисправностью. Таковъ, напр., «Зритель», издававшійся въ 1792 г. въ СПб. Журналъ переполненъ грамматическими и орѳографическими погрѣшностями, такъ что могъ скорѣе содѣйствовать насажденію безграмотности, чѣмъ грамотности, среди своихъ читателей. Изъ грамматическихъ и орѳографическихъ неправильностей достаточно привести случаи, гдѣ окончаніе И. В. множ. средняго рода передается фонетически: правил*ы* (II 287), дурачеств*ы* (49), лиц*ы* (25), нравоучен*іи* (103); отмѣтимъ также необычайно вольное пользованіе буквами *ѣ* и *е*, напр. въ той же второй части: *ѣ* вм. *е*—шѣя (43), молѣнія (167), постѣля (115), въ постѣлю (112), колѣсо (124), мертвѣцомъ (290), послѣднѣе (167), полѣзныя (225), нѣсетъ (119) и т. д., наоборотъ *е* вм. *ѣ*—срв. въ Предл. ед.: въ душ*е* (74, 221), въ сердц*е* (221, 222), въ лиц*е* (222) и пр. [2])

---

[1]) Приводимъ нѣкоторыя выбранныя нами слова и выраженія изъ повѣсти «Адельгейда Бургундская», помѣщенной въ московскомъ журналѣ «Иппокрена или Утѣхи любословія» на 1800-ый годъ, ч. 7-ая.

[2]) Выраженіе, встрѣтившееся намъ въ Зрителѣ: «...болѣе, нежели ортографическихъ ошибокъ въ нашихъ новыхъ писателяхъ» (III 91), вполнѣ и прежде всего примѣнимо къ самому журналу. Правда, мы встрѣчаемъ въ немъ также фразу «и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе» (II 163), но многія ошибки журнала походятъ скорѣе на авторскія.

Обращаясь къ XIX в., мы прежде всего должны упомянуть о Карамзинѣ, сочиненія котораго представляютъ уже вполнѣ сложившійся языкъ, въ которомъ упомянутыя три стихіи стройно сливаются въ одно цѣлое, при чемъ иностранныя слова и церковнославянизмы уже не загромождаютъ языка. Кромѣ того, Карамзинъ ввелъ въ употребленіе рядъ новыхъ словъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ и затѣмъ вошедшихъ во всеобщее употребленіе (напр. *вліяніе*=фр. influence, *трогательный*=touchant, *сосредоточить*=concentrer и пр.), а въ своей Исторіи Государства Россійскаго удачно употребляетъ и древнія лѣтописныя слова и выраженія. Въ то же время подъ перомъ Жуковскаго стихотворный языкъ поднимается на значительную высоту, чтобы воспитать Пушкина, который вмѣстѣ съ Гоголемъ начинаютъ новѣйшій періодъ языка и литературы, по своей обширности и сложности могущій послужить предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій. [1])

---

[1]) Укажемъ нѣкоторые труды по исторіи русскаго литературнаго языка XVIII—XIX в.: IX-ый томъ сочиненій Державина, изд. Акад. Наукъ подъ ред. ак. Я. К. Грота, посвященный языку Державина; Гротъ Я. Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка (см. Филол. Разысканія, 1899[4], стр. 46–98); Буслаевъ Ѳ. О преподаваніи отечественнаго языка, 1867[2] (напр. на стр. 136—160 дается перечень выраженій изъ Ист. Гос. Рос., которыя Карамзинъ заимствовалъ изъ древнихъ памятниковъ); *его же* Историч. грам. рус. яз. — Синтаксисъ; Овсянико-Куликовскій Д. Н. Синтаксисъ русскаго языка; Истоминъ В. помѣстилъ въ Р. Ф. В., начиная съ 1892 г., рядъ очерковъ по языку и слогу произведеній болѣе чѣмъ 20 писателей XVIII—XIX в. съ подборомъ примѣровъ по принятымъ имъ рубрикамъ; Будде Е. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка XVII—XIX в., 1908 г. (вып. 12-ый Энциклопедіи славянской филологіи, подъ ред. акад. И. В. Ягича); *его же* Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина, вып. 1—3 (1901, 1902, 1904 г.); Воскресенскій Е. Языкъ важнѣйшихъ произведеній русской словесности XI—XIX вв., 1900[2]; Чернышевъ В. Замѣтки о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова, 1901 (оттискъ изъ Сборника «Памяти Л. Н. Майкова»).

84318

